

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Руденко М.Д.

1. У памятника святому Владимиру

Небо, земля и люди, пласты тайны под ногами, пропитанные человеческой кровью. Были пожары, были войны – всё было на нашей земле. Недавно учёные отыскивали человеческие кости, которым четыре миллиона лет. Человеческие – не обезьяньи! И всегда люди жили с одним и тем же вопросом: почему мы убиваем друг друга? Неужели нельзя жить по-иному?...

Археолог пересыпает из руки в руку горсть золотых монет. Смотрит не на них – взгляд его устремлён в пространство, в мировую бесконечность. Человек почему-то стремился придать монетам форму Великого Светила, вокруг которого вращается земной шар. Почему? Нет ли в этом неосознанном движении человеческой души ответа на мучительный вопрос, который мы впервые задаём ещё в детстве, но так и уходим в могилу, ничего не узнав и не объяснив?

Люди убивают друг друга за деньги. Совесть наша возмущается: доколе? И всё же они, деньги, не только не отмирают, а наоборот – приобретают всё большую власть над нами: В течение многих тысячелетий философы и пророки пытались понять и объяснить Бога. Двести лет тому назад человеческий ум устремился по иному пути: что такое деньги? И хотя вначале никто не утверждал, что это один и тот же вопрос, однако для многих людей политэкономия заменила религию. Впрочем, скоро будет сказано: или то, или другое.

Горький назвал доллар «жёлтым дьяволом». Но доллар от этого не пошатнулся, – остался тем, чем был. Что же он такое, – бог или дьявол? И можно ли всерьёз обсуждать подобные вопросы? Бог, – вокруг нас и в самих нас. Он есть сущность мира, сущность человека, сущность жизни. Дьявол исподтишка лишает нас этой высшей сущности: наслаждайтесь жизнью, не задавая глупых вопросов. Вы – сами для себя, иного смысла нет. Пейте, пойте, веселитесь. Затем появится холмик над головой – вот и всё...

А что делать, если эти проклятые вопросы преследуют тебя из года в год, не оставляя минуты для отдыха?.. Тогда ты – неполноценный человек. Или больной – надо лечиться. На всё уже дан ответ. Нечего «сушить» мозги – К. Маркс всё объяснил. Читай «Капитал».

Спрашиваю: а вы его читали? Вы его изучили? Вы его освоили?

Смотрят с удивлением: откуда такой взялся? Существует Институт марксизма – ленинизма, там его изучают. Им за это деньги платят.

Снова деньги! Да что же это такое? Почему их платят? Почему им служат?

Тот же ответ: читай «Капитал», там всё сказано. Круг замыкается. Даже не круг познания – всего только круг недоуменных вопросов, которые могли бы как-то расшевелить человеческую мысль. Но она уснула, усопла.

«Капитал» вытеснил Библию, которая отвечала на вопрос: что есть Бог? Маркс – всю жизнь посвятил одному вопросу: что есть деньги? Отсюда должно следовать: отвечая на один из этих вопросов, ты тем самым отвечаешь на второй. Так впервые во всеуслышание было заявлено то, что раньше только подразумевалось: миром управляют деньги.

Ну а как же Бог?..

Кто-то возразит: сама постановка вопроса выглядит нелепо – Бог и деньги!

Но я в этом не уверен. Тайна денег – очень большая тайна. И вполне возможно, что эти великие тайны где-то сливаются воедино. Речь идёт не о подмене одного другим, а об одной и той же сущности. Мы держим в руках какую-то нить, не понимая, куда она может нас привести. Мы не слишком пытливы, ибо знаем: за чрезмерную пытливость надо расплачиваться жизнью.

Должен оговориться: для меня Бог есть Природа, материя. Это не баловство словами, а философская позиция, именуемая гилозоизмом. Или пантеизмом, что в общем одно и то же.

Читатель дальше найдёт, в чём именно я не согласен с Марксом. Но раньше прошу обратить внимание вот на что: спор о природе денег – это всегда спор почти теологический. Возможно даже не «почти», а всерьёз. Не только так он выглядел в прошлом – так он выглядит и сегодня. По крайней мере с по своим последствиям: меня отлучили, как отлучали всегда тех, кто по-иному понимал сущность Бога. Да, меня исключили из партии за вопросы, на которые трудно ответить. Не лезь больше со своими глупыми «почему» – надоел!..

Вот вам ещё одно доказательство, что «Библия» и «Капитал» решают одни и те же вопросы. Полмира живёт по Библии, полмира – по «Капиталу». Чей путь ближе к истине?..

Эйнштейну Библия не мешала создавать теорию относительности. Марксу она мешала. Почему?..

Политэкономия желала быть наукой. Но – одно дело желать, а другое – мочь. То, что основано на вере – не есть истинная, наука: Меня бы не исключили из партии, если бы я сказал: «не понимаю Эйнштейна». Но я так сказал о Марксе – и меня исключили. Если не понимаешь – верь! Другие понимают. Но понимают ли другие?..

... А золотая монета всё же в чём-то напоминает Солнце. Формой, цветом. Знал ли тот, первый, кто придумал ей такую форму, высшую тайну денег?..

Ещё одна бессонная ночь. А сколько их уже было! И, по-видимому, не меньше впереди.

Живу за городом. Трудно мне добираться в Киев – автобусы так переполнены, что, всю дорогу приходится висеть среди человеческих тел, которые поджимают тебя головой к потолку. После такой поездки весь я скован болью. Давно это было – в первый год войны. Разрывной пулей раздроблен таз, повреждён позвоночник. Впрочем, человек ко всему привыкает. Привык и я. Надо часок-другой посидеть на скамейке – и боль отступит. Тогда я бодрым шагом взойду по каменным ступеням туда, где нынче всё должно кончиться. Не хочу выглядеть больным – не такой сегодня день...

целый год продолжалось изгнание меня из партии.

Медленно вертелись тяжёлые жернова, в которых перемалывалась моя жизнь. Сегодня в одиннадцать утра бюро Киевского горкома КПУ должно рассмотреть мою апелляцию. И хотя это весьма странно, однако во мне ещё теплится робкая надежда: а вдруг всё изменится? Тридцать пять лет отдано Коммунистической партии. Целая жизнь! Коммунистом я и умру. Однако моё представление о коммунизме стало иным.

Писал об этом в ЦК – писал много и страстно. Верил, что этого требует от меня устав партии. Мы – люди только потому, что нам дан язык. Но разве он дан затем, чтобы скрывать мысли?

Да, эти письма – они упали на меня сверху, точно снег на голову. Мои собственные письма. А ведь я их больше никуда не посылал – только в ЦК! Все они подшиты к моему персональному делу – это и есть главное обвинение против меня.

Двери издательств закрылись задолго до того, как началось моё персональное дело. Закрылись повсюду: в Киеве, в Москве и даже в Болгарии, где готовился к печати мой роман.

Вначале я не понимал, что собственно произошло. Ведь я ничего предосудительного не совершил. Разве письма в ЦК можно выдвигать в качестве обвинения? Три года без заработка - легко ли это? Нет его и впереди. Нет потому, что я не могу отречься от своих убеждений.

Горком партии находится в сером здании, которое было построено в тридцатые годы для украинского правительства. Кто его строил, – Постышев или Косиор? Впрочем, это не имеет значения. По замыслу зодчих это здание должно было воплощать в себе силу и нерушимость Советской власти. Однако, рядом с лёгким, почти невесомым Андреевским собором (его строил Растрелли) вырос огромный дот с железобетонными знамёнами. Массивное сооружение это не воплощало в себе ничего, кроме вопиющей бюрократической безвкусицы. Оно подмяло под себя Владимирскую горку, где тысячу лет назад стояли княжеские дворцы. Есть что-то зловещее в этой немислимой тяжести – кажется, сама земля пытается её сбросить, но у неё не хватает сил.

Это хорошо, что я приехал сюда на два часа раньше. Так я всегда поступал, чтобы отдохнуть от автобусной давки и справиться с болью, ставшей повседневной спутницей моей жизни.

Удалившись от постышевского дота, замедляю шаг у памятника Святому Владимиру. Это здесь получил крещение наш народ, отсюда по русской земле пошло христианство.

Всё это фиксируется в моём мозгу, – и огромный дот, и воистину величественный памятник, в котором так много доброты, святой человечности. Медь, железо, бетон воплощают в себе духовный облик времени – это неизбежно. Невольно задумываешься: где больше правды, – в христианском тысячелетии или в нашем полу-веке?

Да, с подобными мыслями нечего делать на бюро горкома. А ведь мне не всегда было неприятным то здание, где через два часа окончательно и бесповоротно решится моя судьба. Четверть века назад я входил в него как хозяин. Я был тогда членом Киевского горкома партии, секретарём парторганизации Союза писателей Украины, главным редактором литературно-художественного журнала «Дніпро»...

Боль в позвоночнике ещё не прошла. Чтобы её унять, надо сосредоточить мысли на чём-то другом. Невольно засмотрелся на пожилого мужчину, сидевшего на соседней скамейке. Он был старше меня лет на десять. Пенсионер, конечно. Кажется, я мог бы подробно описать всю его жизнь. Разрушая церкви, строил заводы, воевал, потом восстанавливал Крещатик. Но вот чего я не знаю: о чём он сейчас думает? Взгляд у него какой-то странный, – будто старик, глядя на Святого Владимира, пытается что-то вспомнить. Что-то такое, о чём ему говорили в детстве, но это давно забылось. Теперь давно забытое вновь затеплилось в его душе, точно уголёк; – но холодным теплом, когда на него подует ветер.

– Скажите, как вы понимаете крест? – поймав на себе мой взгляд, спросил незнакомец. – Ведь должен существовать в этом знаке какой-то смысл. Я, знаете ли, не могу представить, чтобы люди несли из века в век нечто совершенно бессмысленное. Волосы у него седые с жёлтым отливом, словно усы у заядлого курильщика. Одет мешковато, но рубашка белая, чистая.

– Есть смысл, – ответил я, подняв глаза на фигуру князя Владимира.

– Какой?..

Как объяснить этому человеку, что вот уже свыше десяти лет я пишу в ЦК именно о том, о чём он спрашивает? Отвечаю моему собеседнику: это есть величайшая из всех формул, – **формула Солнца**. И даже больше, – **формула Субстанции**. Во всех религиях мира субстанция именуется Богом. Для меня слово Бог не является обязательным, однако оно меня и не пугает – субстанция есть объективная реальность, пребывающая за пределами наших ощущений. Именно поэтому она существует независимо от них. Материя, конечно, невидимая Природа. Лучевая ткань Мировой бесконечности. Субъект Творящий, из которого всё возникает и куда возвращается, после распада. Всё без исключения, – звезда, планета, человеческое тело....

Мой собеседник оказался более подготовленным для философского разговора, нежели я мог предположить.

– Но ведь это метафизический материализм, возразил он.

– Мы запутались в терминологической паутине, – сказал я с грустью. – И в этом наша трагедия. Начал ему объяснять: метафизика в историческом смысле – то же самое, что онтология. Слова-синонимы. Ленин никогда не выступал против онтологии как науки о бытии. Энгельс, конечно, выступал против метафизики. Однако, мне думается, что он выступал против тех её форм, которые принимали мир застывшим, неизменным. Вот почему нужен был диалектический материализм. Но отнюдь не ради свержения онтологии. Её свергнуть также нельзя, как и субстанцию.

– Мудрено, – вздохнул мой собеседник. – Разумом всё равно этого понять нельзя. Можно только верить.

– Вы – член партии? – спросил я.

Старик смутился.

Да. Ну и что же?..

– Для коммуниста мало одной веры – необходимо знание.

– А вы разве знаете?

Я промолчал. В самом деле: знаю ли я? Чтобы ответить на этот вопрос, надо как-то себя проверять. Знания проверяются в спорах, дискуссиях. Но со мной никто не спорил. И даже никто не

желал побеседовать. Просто ответили: тебе не место в партии. Как я ни доказывал затем, что в моих взглядах нет ничего враждебного, – меня никто не слушал. Да именно в этом меня и обвиняли: ты метафизик, но не марксист. Обвиняли на основании писем, которые я посылал в ЦК. И каждый из обвинявших втайне думал: *«Какой ты дурак! Знай себе то, что знаешь. Но зачем об этом куда-то писать? Да ещё в ЦК. Вот и доигрался».*

Собственно, не только думали, но и говорили. Предостерегали, что добром это не кончится. Однако я не мог не писать – это выше меня. И выше всех нас. Одно слово – Бог. Он же природа. То, о чём говорили Пифагор, Бруно, Спиноза, Сковорода: Бог есть природа, природа есть Бог...

– Если природа, то уже не Бог, заметил собеседник, которому я сообщил извечную формулу пантеистов.

– Но она Субъект. Понимаете?

– Вот именно! Мировая философия имеет два крыла. В ней существует субъект гносеологический, – то есть субъект познания. Это – я, вы, другие люди. Словом, человек. Но существует также Субъект Творящий. Если мы отвергаем онтологию, то вместе с ней отвергаем и субстанцию. А ведь не мы сотворили Вселенную, – она сотворила нас.

Это, конечно, не ново. Так всегда и приходили к Богу. В самом деле: если Вселенная не является Субъектом Творящим, тогда следует искать такого Субъекта, который сотворил Вселенную, и самих нас. Существование такого Субъекта и опровергал марксизм. Но разве это даёт нам право отрицать тот неоспоримый факт, что сама природа является Субъектом? Разве она не мать наша? Разве мы вышли не из её чрева? Тогда кто мы и откуда? Вот почему гносеология без онтологии – это наука не помнящих своего происхождения.

Мой собеседник не сказал того, что нередко мне приходилось слышать: *«Зачем это вам нужно?».* И я был ему за это благодарен. Мы оба не сговариваясь посмотрели в лицо Святого Владимира – посмотрели снизу, как малые дети смотрят на отца. Казалось, он говорил нам: *«Думайте, думайте! Не торопитесь с выводами. Вы так много совершили ошибок, что больше не имеете на них права».*

Каждый из нас думал о своём. Перед моим духовным взором проходила вся моя жизнь. Нечто подобное я испытал только тогда, когда лежал на бруствере, истекая кровью. Это было на подступах к Сталинграду, который вот-вот должен оказаться в железных тисках блокады.

...Тёплая каменная земля под ногами. Терпкий запах полыни – так пахнет моё детство. Вода, молоко – во всём привкус полыни. Я бегу за село встречать отца. Мне шесть лет. Отец работает на шахте. С работы он обязательно заходит в лавку, чтобы купить колбасы и медовых пряников для меня.

Вот он появляется на холме, я бегу ему навстречу. Он подхватывает меня и поднимает над головой. Моим глазам открываются необъятные степные дали с дымящимися терриконами, паутиной канатных дорог, бегущими «кукушками», – так назывались небольшие паровозы, вывозившие уголь из-под шахтных копров. Чувство мужской силы, чувство неба над головой, чувство мирового пространства, к которому приобщают меня могучие руки отца – вот, что осталось мне в наследство. Да ещё отцовский обушок, висевший под потолком. Да медная шахтёрская лампа. Да шахта, которая любила отца и гордилась его подвигом. Могучие руки обожжены до костей. Обожжено всё тело – нет живого места на нём. Вместо кожи – мокрая простыня. На шахте случился пожар, отец бросился спасать товарищей. Их спас, а сам сгорел. Двадцать дней прожил он в страшных муках. Мать не подпускала меня к нему, – он не разрешал...

...Жестоко жил старый Донбасс. Шахта на шахту ходили с топорами. Мы, дети, обучались этой бессмысленной жестокости у взрослых. Лежу, побитый до полусмерти. Били камнями. И завалили камнями; думали – мёртвый. Самому старшему из моих палачей не больше семи лет. И мне столько же. Но я, всё же, очнулся и вылез из-под камней. То ли ночь вокруг, то ли я ослеп. Начал кричать. Кто-то услышал и потащил меня, окровавленного, к матери. Левый глаз навсегда остался бездействующим. Он невредим, но перебит зрительный нерв...

...Меня принимают в кандидаты в партию. Принимают люди, которых спас мой отец.

Я кончаю десятилетку – первый грамотный в нашей семье! Отец, мать, старшие братья – никто из нас не умел даже расписываться. Шахта выдаёт мне путёвку в жизнь: поедешь в университет

коммунистом. И вот я студент Киевского университета. Но это был 1939 год. Все мои сверстники уходили в армию. В моей группе остаются только девушки. Стыдно, – ты же коммунист. Уезжаю на Донбасс, ухитряюсь обмануть врачебную комиссию – я ведь полуслепой – и попадаю в дивизию НКВД им. Дзержинского. Дивизия Особого Назначения, предназначенная для охраны Правительства. Кремль, Мавзолей, дача Сталина и шоссе, по которому он ездит на дачу. Конные патрули по лесам. Военные парады, после которых мы, голубые конники Берии, поэскадронно прячемся в ближайших дворах. Подсумки набиты боевыми патронами. Зачем, почему? Мирные люди несут десятки тысяч портретов человека с усами, а усатый оригинал машет рукой своим неисчислимым копиям. Зачем боевые патроны?..

...Грянула война. Нас, конечно, туда не пошлют, у нас – особое назначение. Рапорт за рапортом подаю комиссару – хочу на фронт. Попадаю на гауптвахту за свои сочинения. А выйдя оттуда, снова пишу. Наконец, мою просьбу удовлетворяют: откомандирован на курсы политработников в город Ново-Петергоф. К тому времени я уже был членом партии.

...Врачи очищают рану. Наркоз кончился, но я не подаю вида, терплю. Слышу их разговор. Они предрекают для меня мрачное будущее: постель, вечная постель!.. Кошмары ленинградской блокады. Год постели. Однако... – Врачи ошиблись. Я не только начал ходить, но и вернулся на фронт. Не в окопы, конечно. Работал инструктором пропаганды госпиталя, замполитом военного склада. А в 1946 году демобилизован по инвалидности. Жизнь моя сложилась так, что тёмные стороны нашей действительности только слегка прикоснулись ко мне. Аресты на донецких шахтах в моём сознании не соединялись в общую картину – я не знал, что это была «вербовка» опытных забойщиков и проходчиков для Воркуты. От «гнилой интеллигенции» проку мало – в Гулаге также следует укреплять диктатуру пролетариата. Голод 1933 года гнал людей на Донбасс – шахтеры получали «подземный» паёк. Я слышал о голоде, но не представлял всех его ужасов. У нас тоже было голодно, но люди не умирали. Поэтому таким ударом обрушился на меня 1956 год, когда из доклада Хрущева я узнал о преступлениях Сталина. Я и себя почувствовал виноватым в этих преступлениях. На мне также когда-то красовалась голубая фуражка. Я гордился тем, что охранял Вождя...

Перевернулась моя душа, прежним я уже быть не мог. Начались мучительные поиски: где корни ошибок, породившие сталинщину? Что-то не так с самой теорией. И если эту ошибку не отыскать, она останется в фундаменте нашего общества, как мина замедленного действия. А ведь у нас есть дети. Разве не за них мы истекали кровью в окопах?..

Старик прервал мои мысли неожиданным вопросом:

– Скажите, вы во всём доверяете Марксу?

– Как человеку, любящему людей, безусловно, ответил сдержанно. Его жизнь я считаю подвигом.

– А как учёному?..

Вопрос очень серьёзный. На него ответить чрезвычайно трудно. Существует ли вообще такая наука – «Марксизм»? А если существует, то в какой части марксизм следует считать наукой в подлинном смысле этого слова? Конечно, фундаментом Марксизма является политическая экономия. Но почему же случилось так, что югославы идут своим путём, мы – своим? Китайцы признают только свой и албанский марксизм, всех остальных именуют ревизионистами. И что это такое, – ревизионизм? Маркс говорил: *«Всё подвергай сомнению»*. Следовательно, если мы подвергаем сомнению самого Маркса, то это также можно считать марксизмом – в данном случае мы выполняем его самый сокровенный завет.

И тогда всякий ревизионизм исчезает, – мы остаёмся марксистами.

Словом, «марксизмов» может быть столько, сколько найдётся толкователей.

А ведь с подлинной наукой ничего подобного происходить не может. На всех языках, во всех странах Ньютон, Эйнштейн, Менделеев понимаются одинаково. Их выводы легко проверить на опыте. И тогда это есть наука.

– Вы изучили Маркса? – спросил я.

– Разве его можно изучить? Это ведь целый океан. Но в коммунизм я верю.

– И я верю. Лет через пятьдесят люди будут строить города в Космосе. Можно ли представить частную собственность там, в небесах?..

– Да, это глупо. Вдруг я почувствовал, что этот человек гораздо ближе мне по духу, нежели можно ожидать от случайного собеседника. Я рассказал ему, за что меня подвергают гонениям. Я верю, что наука, объясняющая законы общественного развития, в принципе возможна, поэтому с уважением отношусь к Марксу. Он первый пытался применить научные методы к той сфере, которая вообще не подлежала научному объяснению, – к движению народов, к войнам и революциям. Однако он совершил большую ошибку; – и теперь мы за неё расплачиваемся.

– И что же? Вы её нашли? – В тоне старика чувствовалось недоверие и сочувствие одновременно. По-видимому, он сам долго ломал голову над этими проблемами, поэтому ему хорошо известно, сколько мучительных месяцев и даже лет мне пришлось пережить.

– Думаю, что нашёл, – сказал я.

– С этого у меня всё и началось. Кратко рассказал, как едва не очутился в сумасшедшем доме. Спасла профессия, поэтам и фантастам не возбраняется фантазировать. Но когда я об этом начал писать настойчивее и тверже, дело приняло серьёзный оборот. Впрочем, не стоит жаловаться. В прошлые времена со мной поступили бы так же, как Сталин поступил с Н.А. Вознесенским, который по его приказу был расстрелян в 1950 году. Расстреляв Вознесенского, Сталин тут же стал писать «Экономические проблемы социализма». Можно ли это считать простым совпадением? Конечно, здесь должна существовать какая-то связь. Известно, что Вознесенский работал над теми же проблемами.

– Я слышал, – сказал старик, – что Вознесенский совершил какое-то открытие в области политической экономии. А Сталин его присвоил.

– Вряд ли, – с горькой улыбкой возразил я.

– Думаю, что это было не так. Почему, по-вашему, Энгельс не опубликовал четвёртый том «Капитала»? У него было достаточно времени для его обработки, целых двенадцать лет.

– Почему?..

– Мне кажется, всё дело в последней странице. Вы обращали на неё внимание?

– Нет, не обращал.

– К сожалению, никто не обращает. А Вознесенский, по-видимому, обратил. И показал Сталину. Так я думаю. Четвёртый том тогда только готовился к печати. То, что было издано Каутским... Там много отсебятины. Научное издание четвёртого тома началось после смерти Сталина. По архивам Маркса, полученным в Германии. Естественно предположить, что Вознесенский познакомился с ним ещё до выхода из печати. Вопросами политэкономии в Политбюро занимались два человека – он и Сталин. И самое главное: сталинские «Проблемы» – прямая противоположность тому, о чём сказано на последней странице «Капитала». Сталин словно бы испугался, что после его смерти победит именно этот неожиданный Маркс. Поэтому он и начал закреплять то, что взял от прежнего Маркса.

– Вы так говорите, словно у Вас есть доказательства.

– Доказательств нет, кроме последней страницы «Капитала». Но обратите внимание, как все эти исторические события совпадают по времени: Подготовка к печати четвёртого тома, расстрел самого выдающегося экономиста и, наконец, сталинский вариант политэкономии социализма. Если это всего лишь совпадение, то не много ли их нагромодилось за какие-то два-три года? Поймите: Сталин не мог не сознавать, что в «Экономических проблемах социализма» он оставляет завещание. Не мог он также не бороться за то, что вылепил собственными руками. А последняя страница «Капитала» всё разрушает.

– Да, но Энгельс....

– Энгельс и раньше не соглашался с Марксом по поводу физиократов.

А Маркс – всё больше и больше склонялся к ним. И вот оказалось: Маркс утвердил свою главную мысль посмертно. Сделал её заключающей, подводящей итог всей его жизни. Нужно думать, что это явилось большой неожиданностью для Энгельса.

– Простите, но я покамест не совсем понимаю, о чём идёт речь, – неторопливо доставая сигарету, произнёс старик.

– Сталин тогда уничтожил не только Вознесенского, а всех, кто его близко знал.

– Что же это за страница?

– Она всё меняет, всё...

Я посмотрел на часы. До бюро оставалось полчаса.

– Но об этом нельзя говорить мимоходом. Это чрезвычайно серьёзно.

– Ещё бы! – Согласился старик. Если за неё такая борьба. Приду домой и сразу же её разыщу.

Говорите, последняя?

– Да, последние идут только приложения.

Старик затоптал брошенную сигарету. Его лицо стало суровым, словно он принял решение, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь. Если вдуматься, то – что же тут удивительного? Маркс – не Бог, а только человек. А человек с человеком всегда имеет право не согласиться. И если Маркс понял, что ошибался... Он обязан был как-то заявить об этом. Я поднял синюю папку, лежавшую на скамейке. Это ещё один вариант моих объяснений того, что неизбежно вытекает из последней страницы «Капитала». Десять лет я об этом пишу в ЦК. – Десять лет. Но зачем я тащу эту папку в Горком? В различных партийных инстанциях – от писательского парткома до ЦК КПСС – за десять долгих лет накопилось немало посланных мною папок. Не под каждой из них я сегодня мог бы поставить свою подпись. Дело это чрезвычайно трудное, осваивалось оно медленно. Со временем проблема становилась всё яснее – и я снова туда писал. Варианты, варианты. И со стороны онтологии, и со стороны гносеологии, а результат один: бюрократический дот ошетинился тысячами чернильных автоматов, нет на мне живого места – я весь замаран. Чёрный человек, чёрный, чёрный...

– Слушайте, дорогой, – обращаюсь я к собеседнику. Возьмите эту папку. Там сказано и о кресте, и о субстанции. Хотите? – Старик грустно улыбнулся...

– Самиздат?.. Ладно уж, давайте. По своей земле ходим, не по чужой. Повсюду кровушкой нашей полита. Кого мы должны бояться? – на секунду задумался. – Разве крест имеет отношение к последней странице «Капитала»?

– Самое непосредственное.

– Где же Вас искать?

– В конце рукописи есть адрес. Вернёте по почте. Или приезжайте. У нас грибов много. Старик тут же развязал папку, надел очки и прочёл название моей работы: «**Энергия прогресса**». Что-то хотел спросить, но передумал. Пожав ему руку, я направился на бюро Киевского горкома партии. Чувствовал себя довольно бодро. Боли прошли, появилась твёрдость в ногах, – я, уже не горбился. Не покидало чувство, что Святой Владимир с отеческой грустью смотрит мне вслед, благословляя меня поднятым крестом.

Энергия прогресса

Нет, это будет не совсем то, что осталось у старика. Здесь я изложу только главные мысли. Меня не покидает надежда, что когда-то представится возможность изложить всё гораздо шире и полнее.

А покамест, по необходимости, приходится излагать конспективно. Вряд ли в подобном разговоре можно обойтись без цитат; однако, я постараюсь, чтобы их было как можно меньше. Думал ли ты, читатель, о том, что такое деньги? От нашего ответа на этот вопрос зависит так много, что можно смело сказать: из него, из ответа нашего, берут своё начало все жизненные пути – и личные, и общечеловеческие. Нужно ли делать революции, как и когда их делать или вообще они противопоказаны земным людям, – всё зависит от того, как мы ответили на главный вопрос: что такое деньги? Этим вопросом всегда занималась политическая экономия. Несмотря на некоторую неопределённость этой науки, без неё на земном шаре жить нельзя. Кстати сказать, неопределённости существуют даже в физике, однако, квантовая механика неплохо справляется со своими обязанностями. К сожалению, в политической экономии неопределённостей гораздо больше. И самая серьёзная из них – ответ на вопрос, который мы только что поставили.

Субстанция стоимости

Ответ марксизма гласит: деньги – мера стоимости и средство учёта воплощённого в товары общественного труда, который является **субстанцией** стоимости. Здесь мы, как будто, в самом деле, имеем исчерпывающий ответ. Далее следует классифицировать различные виды стоимостей (потребительная, меновая, прибавочная и т.д.) – и у нас должна появиться уверенность, что научный аппарат готов, можно с ним отправляться на горные тропы познания.

Однако меня смущает понятие «субстанция», которое возникает в данном случае. К. Маркс повсюду употребляет в разном значении выражения («субстанция стоимости» и «общественная субстанция»). По мнению Маркса, это есть не просто труд, а **общественный** труд, что очень важно. И всё же последуем его девизу: «Всё подвергай сомнению».

Понятие «субстанция» употребляется тогда, когда мы действительно подходим к вершинам познания. В религии это Бог, в диалектическом и метафизическом материализме – материя. Мы имеем возможность задать следующий вопрос: «Что есть субстанция вещества?». Однако нелогично звучит, вопрос: «Что есть субстанция материи?». Вещество не есть – это только относительное состояние материи. Так его определяет В.И. Ленин. И это вполне справедливо. Вещество распадается до лучевых потоков, выделяя при этом огромное количество внутренней энергии. Материя, в отличие от вещества, не исчезает и не возникает.

Она, материя, и является субстанцией всего существующего и происходящего. Может ли в мире существовать несколько субстанций? Мне кажется, что даже сам этот вопрос выглядит абсурдно. Это всё равно, что спросить: может ли у человека быть несколько матерей? Мать всегда одна и только одна.

Но тогда, возможно, существуют какие-либо подсубстанции, которые можно использовать в различных науках в качестве рубежа нашего познания? В природе таких «подсубстанций» нет. Если они появляются в каких-то теориях, то это не есть субъективная реальность, а всего только условный термин, существующий ради самой теории. Уберите эту придуманную «субстанцию» или «подсубстанцию» – и теория, некогда выглядевшая весьма величественно, развалится у вас на глазах.

Найдутся читатели, которые скажут: *«Политэкономия – особая наука, её нельзя путать с естествознанием. А вы предъявляете к ней точно такие требования, какие можно предъявить только к естественным наукам».*

Хорошо, пусть будет «особая». Но в этой «особой» науке в качестве субстанции принимается категория сугубо физическая – труд. Пусть он будет общественный – это, в сущности, дела не меняет. Из этого дополнительного условия следует то, что нас интересует труд не отдельной клетки, а всего организма в целом. Сколько энергии при этом вырабатывает отдельная клетка (человеческое существо или даже предприятие) – мы не знаем, да нам это и знать не обязательно. Мы принимаем в расчёт совокупный труд целого народа или даже человечества. Так ставит задачу политическая экономия; – и я против этого возражать не собираюсь.

Возражения возникают вот в какой части. Труд и работа – понятия тождественные. Мы трудимся или работаем – это одно и то же. Но когда вместо слова «труд» употребляется слово «работа», – политэкономия из «особой» науки превращается всего лишь в особую отрасль физики. Конечно, речь идёт о физике в аристотелевском смысле, но, всё же, это физика, а не что-либо иное. И тогда злобные заклинания, не позволяющие нам «путать» физическое и социальное, выглядят обыкновенным шаманством. Итак, заменяем понятие «труд» понятием «работа». Отсюда получаем: **субстанцией стоимости является совокупная работа общества**. Как будто ничего не изменилось. Однако двинемся дальше. Энергия и работа измеряются в одних и тех же единицах мер – в эргах и джоулях. Следовательно, их также можно считать синонимами. Таким образом, при помощи логических преобразований – в конечном счёте получаем следующее: **СУБСТАНЦИЕЙ СТОИМОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ СОВОКУПНАЯ ЭНЕРГИЯ ОБЩЕСТВА**. Внимательно проследив за ходом мысли, читатель убедится, что в фундаментальной формуле К.Маркса, мы по существу ничего не изменили.

Однако, то, что нами здесь получено – уже, собственно, не марксизм. Здесь возникают иные социальные акценты. Практические выводы также иные.

Совокупная энергия общества – это не обязательно человеческий труд. Арабские шейхи, которые своими неумеренными притязаниями потрясают промышленный мир, просто сидят на нефтяных скважинах – трудиться им нет надобности. За них работает общечеловеческая терпимость, не позволяющая удалить собаку, сидящую на копне сена: и сама не ест, и другим не даёт. Резкость здесь уместна, – вряд ли мусульманских божков можно считать благодетелями своих народов. Между тем, именно они определяют мировую стоимость. Они, а не труд миллионов западных рабочих, которых угнетает экономический кризис.

Следовательно, стоимость, прежде всего, определяется богатством энергетических источников, которые человек использует для своего прогресса. Его труд лишь **направляет** энергию, накопленную природой. Он – **проводник**, но не **генератор** энергии. Сам же генератор следует искать в природе.

Во времена К. Маркса физический труд человека занимал весьма заметное место в производстве. Конечно уже и тогда, основным источником энергии в промышленности были не человеческие мышцы, – паровые машины питались углём. Однако уголь добывали вручную. Поэтому казалось, что первичным источником энергии является человеческий труд. Вот по какой причине он оказался в теории Маркса **основой стоимости** или **субстанцией**, что, в общем, одно и то же. Но пойдём дальше. Прав ли К. Маркс вообще, употребляя категорию субстанции по отношению к человеческому труду? «Философский словарь», изданный АН УССР в 1973 году, в статье «Субстанция» утверждает: *«Образец диалектико-материалистического употребления категории субстанции дал К. Маркс в «Капитале». Анализируя понятие стоимости, он показал, что субстанция стоимости, не зависящая от различных форм её проявления, есть «человеческий труд».*

Следует оговориться, что этот словарь, в отличие от московских изданий подобного рода, в общем и целом даёт правильное определение субстанции: это есть **материя, как субъект** всех своих изменений. То же самое утверждал украинский институт философии и десять лет назад в энциклопедической статье о субстанции. Киевские философы последовательны в этом вопросе: субстанция есть философская категория, которая характеризует материю как субъект.

А вот как понимают категорию субстанции юдо-митинцы, которых с полным правом можно считать отцами вульгарного материализма в нашей стране: *«Материалисты под субстанцией понимают нечто существенное».* И это не оговорка, нет! Это система взглядов, которая упорно, последовательно проводится философской школой П. Юдина в течение сорока лет. Глупо, вульгарно, антинаучно. И, кстати говоря, совсем не по-ленински. Ленин за веществом не признавал права на объективную реальность, существующую вне нашего сознания: это всего лишь **состояние** материи, но не самоё материя.

Но не будем подробно останавливаться на тех нововведениях, которыми «обогатили» ленинскую философию юдо-митинцы. По нашим представлениям, их писания находятся за пределами философии. Вообще, это всего лишь угодливое политиканство, обслуживающее невзыскательные умы некоторых высокопоставленных столоначальников. Вернёмся к «общественной субстанции» К. Маркса, – можно ли считать её образом употребления категории субстанции, как утверждают киевские философы?

Из упомянутой статьи следует, что субстанцией всегда является только материя, а не какой-то **процесс**. Она, материя, есть субъект всех своих изменений, то есть всех без исключения **процессов**, протекающих как на земле, так и повсюду в Космосе.

Труд, работа, энергия и даже самоё жизнь – это субстанциональные процессы, но отнюдь не сама субстанция. Субстанция находится где-то за порогом всех превращений – там, где дальнейшие превращения уже невозможны.

Даже юдинский «Философский словарь» в этом случае совершенно прав: *«Субстанция – неизменная основа всего существующего, сохраняющаяся при всех превращениях, в отличие от конкретных изменяющихся предметов и явлений».* Как юдинцы при этом умудряются объявить субстанцией «нечто вещественное» - это известно только Господу Богу. Чтобы узаконить вещество в роли субстанции следует, прежде всего, уничтожить атомные реакторы, так как они со всей

очевидностью доказывают, что вещество ни в коем случае не является неизменной первоосновой всего существующего.

Итак, труд не есть материя; – он есть процесс материальный и духовный одновременно. Он, конечно, не субъект, а только активное проявление. Именно поэтому труд не может быть субстанцией.

«Постойте! – возразит читатель, привыкший подвергать сомнению всё, кроме марксизма. – Мы вышли из рамок. Следует говорить не о природе вообще, а только о деньгах, – о стоимости как таковой. В широком смысле субстанцией, конечно, является материя. Это ясно. Но в качестве субстанции стоимости следует принимать общественный труд. Он есть источник всякого богатства».

Возразим нетерпеливому (и к тому же нетерпимому!) приверженцу «общественной субстанции» словами самого же Маркса:

«Труд не есть источник всякого богатства. Природа (подчёркнуто Марксом – М.Р.) в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!) как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы».

Так что же, в конечном счёте, является субстанцией стоимости труд – или материя? Из приведённого высказывания следует, что субстанцией стоимости оказывается материя, природа. Мне возразят: *«Вы путаете стоимость и потребительную стоимость – это безграмотно!»*. Но с какой точки зрения безграмотно? – вот вопрос. Безграмотно с точки зрения К. Маркса или с точки зрения мировой политэкономии и здравого смысла вообще? Вдумаемся в приведённые выше слова К.Маркса, сказанные им по поводу Готской программы, которая начиналась так: *«Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры»*. Маркс возражает, – нет, не труд, а природа. Человеческий труд *«...есть проявление одной из сил природы»*.

Здесь я не собираюсь спорить с К. Марксом – под этим определением труда можно подписаться обеими руками. Однако Маркс в данном случае отрицает самого себя, – то есть придуманную им «общественную субстанцию».

Пусть не столь явственно, как на последней странице «Капитала», куда мы ведём читателя, но всё же отрицает. Субстанцией всех видов стоимостей является природа, поскольку она есть субстанция самого труда. Природа и материя в данном случае выступают как синонимы. Впрочем, синонимами их следует считать всегда, если речь идёт о природе в целом, то есть о Вселенной.

Природе, конечно, деньги не нужны - они нужны только человеку.

Работа, энергия повсюду измеряется в эргах и джоулях. Однако **человеческая** работа в эргах измеряться не может – для её измерения необходимо нечто подвижное, текущее. Так появляются деньги, – отражение субстанции. Её измерительный инструмент. Но разве отсюда следует, что иные средства измерения обращают работу из явления физического в явление, вытекающее из какой-то совершенно иной субстанции, нежели материя? Какой же это материализм? Разве только по своему названию, а не по существу.

А ведь это условие (нельзя «путать» физическое и социальное) позволило проделывать с политической экономией такие фантастические трансформации, что она вообще перестала быть наукой – от неё осталась голая апологетика. Именно это мы и намерены показать на примере политэкономии социализма, которая в течение сорока лет разрабатывается в нашей стране под общим идейным руководством тех же юдо-митинцев.

И ещё один весьма важный факт: повсюду выступая против метафизики (даже в её материалистических формах) наши философы не желают замечать, что **в основе теории Маркса стоит субъективный идеализм**. Это, несомненно, так как все корни марксистской теории погружены в придуманную Марксом «субстанцию», которая отсутствует в самой природе. Она появилась в голове Маркса, как его субъективное отражение действительности.

Есть извечный принцип: то, что не материя – идея. И наоборот. Поскольку «общественная субстанция» не есть материя, – она есть всего лишь субъективная идея К. Маркса. Но не больше этого!..

Как мы увидим из дальнейшего, эта теория зиждется на формальном различии двух видов стоимости, – **потребительской** и **меновая**. То есть сначала возникает научный аппарат, затем данный аппарат до такой степени абсолютизируется, что в угоду ему подгоняется анализ явлений природы и общественной жизни. Однако разница между потребительной и меновой стоимостями весьма относительна. Прикуривая от дерева, подожжённого молнией, я пользуюсь потребительной стоимостью - то есть тем, что представила в моё распоряжение сама природа. Но когда я зажигаю спичку, немедленно вступает в силу «общественная субстанция»: спичка - продукт человеческого труда. Однако меня интересует не спичка, а сам огонь. Является ли он продуктом «общественной субстанции» или всегда остаётся детищем самой природы?..

Поэтому, когда мы говорим о субстанции стоимости, – её определение трудом не только сомнительно, но вообще неверно. В данном случае мы злоупотребляем термином «субстанция», – самым великим из всех человеческих понятий.

Субстанция есть то, о чём нельзя спросить: «Что есть её субстанция?» Или, например, можно спросить: «Что есть субстанция света?». Но как на это ответить? Мы знаем, что фотон обладает нулевой массой покоя. Нуль массы - это и есть нуль вещества. Современные достижения физики убеждают нас в том, что свет является субстанцией всякого вещества, – живого и неживого. Но вещество не является субстанцией света. Следовательно, свет есть субстанция самого себя.

О труде мы вправе спросить: «А что является его субстанцией?». Ответ: рабочая сила. Вопрос: а что есть субстанция рабочей силы? Ответ: пища. Вопрос: а что является субстанцией пищи? И только здесь, кажется, мы подходим к истинной субстанции, так как дальше идти некуда: *«Пища служит источником силы в нашем организме, потому, что она ни что иное как консерв солнечных лучей. Человек вправе величать себя сыном солнца»*. Так писал К.А. Тимирязев в своей замечательной книге «Жизнь растений». То, что не есть субъект, не является также субстанцией. Но может ли **процесс** (труд, работа, энергия) быть **субъектом**? Конечно, не может – это всё равно, что именовать отцом или матерью не людей, нас породивших, а только половой акт...

Поэтому весьма распространённое утверждение, что, дескать, «труд создал человека», так же ошибочно, как и «общественная субстанция». Прав Тимирязев, но не Маркс: человек действительно сын Солнца, сын Света, сын Субстанции. Однако, не сын своего собственного труда, который у Маркса выступает в роли некоего мистического субъекта.

Существует и такой поворот мысли: коль субстанция есть субъект (это признается всеми последовательными материалистами), то, возможно, субстанцией стоимости является сам «общественный человек»?

Однако человек в роли субстанции стоимости может рассматриваться только работоторговцами. В практической деятельности так его рассматривал Сталин. Ему был дорог Маркс именно своими ошибками. Поэтому Сталин и закрепил их в своих произведениях в виде единой социалистической истины - они подводили теоретический базис под архипелаг Гулаг.

Маркс и физиократы

Была ли политэкономия когда-либо наукой в более точном смысле, чем у Маркса? Её альфой и омегой является определение субстанции стоимости, – то есть поиски ответа на вопрос: что такое деньги?

В истории нередко случается так, что детские ответы на проклятые вопросы приводят к более надёжным результатам, нежели ответы лукавых мудрецов. Так случилось и с наивными представлениями средневековья, получившими своё выражение в теории меркантилистов: субстанцией стоимости (денег) являются деньги, – их кругооборот. Деньги производят деньги, поэтому следует торговать, торговать!..

Определение субстанции ошибочно, однако вывод правильный: стоимость должна свободно, беспрепятственно двигаться по артериям общественного организма, ибо её субстанцией, в конечном

счёте, является солнечный свет. Он есть субстанция всего живого на земном шаре. Это сегодня ясно даже школьникам – общие понятия об учении Тимирязева и Вернадского даются в десятилетке. Только академик Опарин продолжает упорствовать, пытаясь реализовать юдо-митинскую «философию» в главной проблеме современного естествознания: в вопросе о происхождении жизни. Коль по «учению» юдо-митинцев (а они унаследовали его от Сталина!) под субстанцией следует понимать *«нечто вещественное»*, то и самоё жизнь надо как-то сфабриковать из земных материалов. Трудную задачу поставил перед собой Опарин!..

Итак, истинной субстанцией стоимости является Космический Свет. Это за его счёт обогащаются энергией злаки и другие растения. Животное питается растениями, человек питается хлебом и мясом животных – так солнечный свет поступает в кругооборот, охватывающий всю биосферу. Но люди не могут возить за собой мешки с зерном, – это очень громоздко. Огонь когда-то добывался из лесных пожаров. Сегодня и лес, и огонь упрятаны в спичечную коробку. То же самое произошло с зерном и мясом – их упрятали в кошельки: денежные знаки являются отражением некоего количества зерна и мяса.

«А остальные товары? – спросит читатель. – Разве мы покупаем только пищу?». Нет, не только пищу. Однако другие товары производятся тогда, когда есть пища. Производя одежду, обувь, автомобили и так далее, мы расходуем на их изготовление некоторое количество энергии, полученной нами от Солнца в виде пищи. Сами того не сознавая, мы, как и раньше, до изобретения денег, – всё, нами производимое, оцениваем количеством хлеба. Когда нет хлеба, самые дорогие вещи теряют стоимость – они нас больше, не интересуют. Меркантилисты интуитивно уловили главное свойство денег: это есть идеальные проводники солнечной энергии на земном шаре. Когда на их пути возникают искусственные преграды, происходит замыкание и, в конечном счёте, разрушение системы.

В пределах естествознания своего времени истинно научный ответ на эти трудные проблемы дали физиократы. Впрочем, они дали гораздо больше, чем позволяло естествознание второй половины XVIII столетия. К.Маркс совершенно справедливо именуется отцами современной политической экономии. Не прав он только в том, что именуется экономией политической, она не **политическая**, а **физическая**. Политической её сделали А.Смит и А.Риккардо, – авторы теории трудовой стоимости. Маркс усугубил их ошибки тем, что вообще оставил от этой теории голую политику.

Создатель Физиократической теории Франсуа Кенэ был королевским врачом. Отлично зная физиологию человеческого организма, он начал вдумываться в физиологию общества. Кенэ пришёл к выводу, что общество в целом существует по тем же естественным законам, по которым живёт отдельный организм. Вначале производится пища, затем возникает потребность в других товарах. Иной последовательности быть не может.

Но дело не только в этом – это понятно любому человеку. Физиократы решили более сложную задачу: откуда прибывает **прибавочная** энергия на земной шар?

Растут города, увеличивается население, а ведь это, в конечном счёте, – общечеловеческий прирост энергии. За счёт чего он происходит? Что стоит в основе **энергии прогресса**?

Подробно исследовав земледелие, Кенэ пришёл к следующим выводам. – Природа земледелия такова, что оно, земледелие, способно умножить наш труд. Понять это довольно легко. Никто бы не стал пахать землю, если бы злаки несли в себе такое же количество энергии, каким обладает трава. Скотоводческие народы не смогли создать развитых государств. Почему? Потому, что их энергетический баланс был основан не на злаках, а на дикорастущих травах. Они же, травы, по энергетическим показателям гораздо ниже злаков; у трав нет самого главного, – колосьев с зерном. Есть только стебли. Но стебли есть также и у злаков: солома всегда использовалась для кормления животных наряду с сеном.

Злаки несут пищу для людей и животных одновременно: зерно плюс солома. Травы кормят только животных, а человек получает молоко и мясо. Хлеба у него нет, поэтому нужна несоизмеримо большая площадь земельных угодий, чтобы прокормиться одному человеку. Перенаселённость наступает уже тогда, когда человек с человеком даже встречаются не каждый день – так мало людей. О появлении городов в данном случае даже и думать нельзя.

Простые расчёты убеждают нас в том, что земледелие неизмеримо увеличивает прирост солнечной энергии на земном шаре – за счёт зерна, конечно. Тот, кто работает в земледелии, способен производить больше, чем нужно ему и его семье для удовлетворения собственных нужд. Следовательно, излишки можно обменять на какие-то полезные вещи. Появляются люди, которым уже не нужно заботиться о производстве пищи – они производят серпы, плуги, бороны. Это, в свою очередь, усиливает производительные способности земледелия. Оно теперь способно кормить ремесленников, воинов, королевский двор. Развивается наука и культура.

Прочертив эту схему, мы поставим точку. Всё остальное читатель должен домыслить сам. Теперь он легко поймёт, как и почему появились деньги. У них всегда было одно и то же назначение: мгновенно оценить, – сколько в данном пункте в данный момент времени протекло солнечной энергии. Деньги никогда не были ничем иным, кроме эквивалента солнечной энергии, текущей по экономическим артериям.

Маркс, пытаясь опровергнуть теорию физиократов, возражает: конечно, прирост органического вещества в сельском хозяйстве существует, но ведь он проявляется не без труда. Как будто верно. Однако вдумаясь в следующий пример: бросается в землю зерно, которое вскоре умирает. Но сама его смерть из одного зерна рождает 20 ÷ 30 зёрен. Разве это дело рук человеческих? Ведь из одного килограмма железа мы никак не можем изготовить 30 килограммов гвоздей. Где же мы видим прибавку, от собственных рук? Есть только изменение формы вещей.

Отсюда следует перейти к вопросу: происходит ли прибавка солнечной энергии за счёт других видов человеческой деятельности или она возможна только в земледелии? Ни люди, ни машины принимать солнечную энергию не могут – это делают только растения. Следовательно, прибавочная стоимость возникает лишь в земледелии. Сначала она возникает в виде ренты, затем в процессе движения по экономическим артериям преобразуется в промышленную прибыль. Не могут люди вложить больше энергии в строительство домов, заводов и т.п., чем потреблять её в пище – против этого восстает закон сохранения и превращения энергии.

Однако, здесь необходима следующая оговорка. Из сказанного выше не следует, что промышленность не влияет на земледелие. Возникая из недр земледелия, затем и сама включается в фотосинтез, то есть начинает производить капитал. Но она его производит только исключительно **при помощи** земледелия. Другого органа для приёма солнечной энергии у неё нет. Чтобы лучше понять, в чём состоит ошибка авторов теории **трудовой** стоимости (А. Смит, А. Риккардо, К. Маркс), приведём следующий пример.

Допустим, некто пожелал стать энергетиком. Естественно, первым делом, он обязан разобраться, откуда поступает электроэнергия на предприятия и в городские квартиры. Увидав провода, он пошёл по линии и дошёл до трансформаторной будки. «Эврика!» – восторженно вскрикнул наш энергетик. Затем, надолго замкнувшись в кабинете, начал строчить том за томом, создавая собственную школу энергетиков. То обстоятельство, что до электростанции он так и не дошёл, – ни для него, ни для его последователей не имело значения. Они из года в год упорно твердили: электроэнергия производится в трансформаторной будке – и нигде больше...

Читатель возмутится: «Это невозможно!». И будет, конечно, прав. Но в марксизме это почему-то оказалось возможным. **Теория трудовой стоимости несостоятельна, прежде всего, потому, что она нарушает закон сохранения и превращения энергии.**

Тут уж политикам придётся умолкнуть – в дело вступает физика! А поскольку политэкономия возникла тогда, когда победила теория **трудовой** стоимости, то приставка «полит» должна быть отброшена: **реально существует только физическая экономия, основанная школой физиократов.**

Во времена Ф. Кенэ законы фотосинтеза ещё не были изучены. Никто не говорил о солнечной энергии. Люди думали, что Солнце даёт нам только тепло, а всё остальное делает сама земля. Поэтому физиократы выводили прибавочную стоимость («**чистый продукт**») из способности земли родить, умножать богатство.

Они ставили в основу накопления богатств – прирост живого вещества. В промышленности этого прироста нет, – следовательно, промышленность с этой точки зрения бесплодна: она только придаёт новую форму телам, – глину превращает в кирпичи, шерсть – в одежду и т.д. Промышленность является производителем формы, но не материи. А всё, что не материя – есть образ, идея. И ничего больше!..

Однако, идея в виде плуга (он-то ведь не просто кусок железа!) начинает наращивать материю в виде солнечных лучей, сгустившихся в пшеничном зерне. Так на Землю приходит **Творящий Свет**, чтобы стать человеком и одержать победу над силами тьмы, хаоса, смерти.

Вот что по этому поводу говорил известный в своё время физиократ Ф. Паолетти:

«Такое увеличение количества материи, каким являются произведения земли, несомненно не имеет и никогда не сможет иметь места в промышленности, которая даёт материи только форму, только видоизменяет её; поэтому промышленность ничего не создаёт. Но промышленность, возражают мне, придаёт материи форму, следовательно – она производительна; ибо она представляет собой производство – если не материи, то формы. Хорошо, я этого не отрицаю. Но это не создание богатства, а наоборот, – не что иное, как расход».

В самом деле, разве промышленность обогащает земной шар новой прибавочной энергией непосредственно – без участия земледелия? Она поглощает уголь и нефть, которые накоплены Землёй за счёт фотосинтеза прежних эпох: И если даже представить, что вся промышленность уже работает на атомной энергии, то и тогда это всего лишь расход: запасы урана не вечны. Нас ободряет вера в то, что люди когда-нибудь обуздают термоядерную энергию. Однако даже она в абсолютном смысле для земного шара не является прибавочной: ради её производства придётся расходовать водород, которого довольно много в наших океанах. Но всё же это – земная энергия, – та, которая законсервирована природой в земном веществе. А прибавочная – значит внешняя, пришедшая к нам из Космоса.

Такой энергией, – вечной, неистощимой (!) – способно обогащать нас только Солнце. И самое главное: прибавочная энергия Солнца прибывает к нам в виде живого вещества, которое физиократы ставили в основу энергии прогресса. Именно так (энергия прогресса) можно назвать дар природы, – понятие физиократов, которое у них тождественно «чистому продукту». В более поздних теориях «чистый продукт» получил наименование «прибавочной стоимости». И сразу всё затемнилось – перед глазами остались только денежные знаки, а то, что стоит за ними, растворилось в неизвестности. В таком затемнённом виде прибавочная стоимость выступает в «Капитале». Что из этого вышло – показывает нам сама история.

Фотосинтез вырабатывает ежегодно на земном шаре 150 миллиардов тонн живого вещества – по 128 тонн на каждого земного человека! Вот где находится истинный генератор энергии прогресса.

Мы могли бы назвать субстанцией стоимости фотосинтез. **Однако, фотосинтез тоже не субстанция, а субстанциональный процесс. – Истинной субстанцией является Творящий Свет как единственный Субъект всякого производства.**

Маркс – всего этого не понимал. В «Капитале» он качественно не различает вещества органического и неорганического, – не сознаёт того, что именно органическое (пища) стоит в основе производства всех других товаров. Вот, например, он пишет по поводу «чистого продукта» физиократов:

«Этот последний физиократы опять-таки понимают неправильно. Они считают его чистым продуктом потому, что, например, пшеницы получается больше, чем съедают фермер и рабочий; но ведь и сукна производится больше, чем его нужно производителям сукна, – рабочему и предпринимателю».

Мы могли бы спросить у Маркса: пшеница сама себя воспроизводит, но воспроизводит ли себя сукно? Его воспроизводит та же пшеница человеческими руками. Или Солнце – так будет точнее.

Достаточно сравнить высказывание Маркса с тем, что говорил Ф. Паолетти, и мы поймём, до какой степени Маркс далёк от научного мышления. И это весьма странно: физиократы появились на целое столетие раньше Маркса. Философия, общие представления о космических взаимосвязях,

отличие живого от неживого, причины от следствия – всё это отступает на второй план перед величественной бухгалтерией, разработкой которой занята голова К. Маркса.

Он и прибавочную стоимость выводит из чистой бухгалтерии, совершенно не сознавая, где находится её первичный источник. Аля него она возникает только на счётах, но не в поле, где произрастают злаки. Поразительно: Маркс даже не скрывает того факта, что его прибавочная стоимость произрастает только из **формы теории**:

«Актёр, например, и даже клоун, является в соответствии с этим производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренёра), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем, мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником».

Абсолютизируя различие между видами стоимости (конечно, относительное различие!), – он отсюда выводит прибавочную стоимость. Впрочем, он сознаёт, что дальше формы теории он не пошёл: *«Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определённой общественной формы».* – Убийственное признание! Мир грохочет миллионами новых машин, разрастаются Нью-Йорк и Лондон, – человечество обогащается прибавочной энергией. Но эта энергия, по Марксу, появляется не из содержания или результата нашего труда, а всего лишь из *«определённой общественной формы».* Но кто избобрёл эту форму?

Портной выполняет одну и ту же работу, однако всё зависит от того, где он её выполняет, – форма, форма должна первенствовать, ибо вся прибавочная энергия земного шара произрастает из бухгалтерской книги. Достаточно клоуну попасть не в ту графу, и он уже прибавочной стоимости производить не будет. Будто, кривляясь перед зрителями, повизгивая и кувыркаясь, он раньше её производил! Уму непостижимо, как можно было до всего этого додуматься через сто лет после Ф. Кенэ. И уж совершенно трудно понять, почему умные люди не замечают этих нелепостей через сто лет после Маркса, в наш-то космический век!..

Так возникает «общественная субстанция», – возникает из форм учёного, но не из объективной реальности как таковой. То же самое происходит у Маркса с поваром: повар в ресторане производит прибавочную стоимость; повар, работающий у капиталиста на дому, производит только потребительную стоимость, но не прибавочную.

Академики от Марксизма полагают, что учебники физики пишутся не для них. Иначе они бы задумались над вопросом: как могла дожить, до нашего времени теория, которая нисколько не лучше теории «вечного двигателя»? **Закон сохранения и превращения энергии – главный закон мироздания. У Маркса он попирается столь явно, что становится стыдно за земного человека вообще.** Правда, следует оговориться, что всё это пришло к Марксу от А. Смита, однако, Маркс его не опровергает, а наоборот, соглашается с ним. И соглашаясь, возводит на этом фундаменте огромное сооружение, которое сегодня именуется марксизмом.

На самом же деле и портные, и повара, и даже рабочие, производят услуги, а не прибавочную стоимость,- её можно производить только в земледелии, где злаки принимают новую, прибавочную энергию Солнца. Как всё это происходит:

«Дайте повару некоторое количество гороха для приготовления обеда; он сварит его, как следует, и в готовом виде подаёт Вам на стол, но подаёт он то же количество, которое получил; наоборот, дайте такое же количество гороха огороднику, чтобы он вверил его земле, и он, в своё время возвратит Вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство».

Так понимает производство физиократ Ф. Паолетти. Его выводы легко проверить на опыте – и по сему это есть подлинная наука. Но каким образом можно подтвердить «субстанцию» К.Маркса? Ведь её нет, этой «субстанции», - она существует только в воображении К. Маркса. В этой «субстанции» нет ни одной калории – она, в самом деле, есть **«НИЧТО».**

Тогда как же быть с эксплуатацией – разве её тоже нет? Нет – эксплуатация существует. Но в том-то и дело, что совокупным фундаментам общества от неё нет никакой прибавки. Это потеря для рабочих и прибыль для капиталиста. Не больше, чем карточная игра.

Здесь существует огромная моральная проблема. Однако экономических теорий на этой почве строить нельзя. Более того, эксплуатация не обогащает государство, а ведёт его к неминуемой гибели.

Но, может быть, Маркс не сознавал того, что его теория далека от объективной реальности? Иногда он сознавал это. Однако Маркс вполне сознательно поставил перед собой задачу любой ценой разрушить теорию физиократов:

«Для того, чтобы сохранить категорию не только определения величины стоимости различной величиной рабочего времени, но и определение субстанции стоимости общественным трудом, требуется отрицание абсолютной земельной ренты» (подчёркнуто Марксом – М.Р.).

Сказано это по поводу А. Риккардо – сказано вскользь, между прочим; но разве сам К.Маркс не поступает таким же образом? Он привык мыслить на бумаге – поэтому иногда остаются свидетели, позволяющие нам понять побудительные причины его многолетних трудов. Теория физиократов и теория Маркса рядом ужиться не могут – это ясно. Поэтому следует отрицать очевидное, – отрицать упорно, на сотнях и тысячах страниц. Зачем это нужно Марксу? Неужели его ведёт одно только тщеславие? У нас нет оснований так думать. Но всё же приходится сделать вывод, что Маркс не учёный, а только политик. Дело в том, что отдельные физиократы (Шмальц, например), твердили: коль существует Дар Природы, *«...то на каком разумном основании можно было бы лишить его (помещика – М.Р.) этого дохода?»*...

Маркс не против Шмальца и ему подобных аргументов в законах природы – и поэтому он «ниспровергает» законы природы ради политических целей. Цель у него благородная, однако, она достигается ценой потери научной истины. Можно ли оправдать подобные методы борьбы? Нет, нельзя! История доказывает, что одна лож порождает другую – и тогда потомки барахтаются в кровавом болоте лжи...

Подчас он словно забывает о своей обязанности отрицать – отрицать во что бы то ни стало (!); – и тогда у него появляются следующие строки: *«Первый довод в пользу того, что производитель всего лишь земледельческий труд, состоит в том, что он является естественной основой и предпосылкой для самостоятельного существования всех других видов труда»*. Но разве этого мало? Этот первый довод отлично разъясняет, где именно находится истинная субстанция прибавочной стоимости – второго бы уже искать не следовало. Однако Маркс уходит от него, чтобы *«опровергнуть»* само Солнце, – его творческую силу.

Иногда Маркс сознаёт, что физиократы сумели объяснить прибавочную стоимость более глубоко, нежели это делают другие политэкономы, – Смит и Риккардо, например. Он пишет, что взгляд физиократов на земельную ренту *«...был вполне правомерен в своём более глубоком смысле, так как физиократы оценивали земельную ренту, как единственную форму прибавочной стоимости»*.

И всё же, сознавая это, – правомерность и глубину теории физиократов (!) – Маркс продолжает её отрицать во имя утверждения «общественной субстанции». Здесь мы имеем право предъявить ему претензии морального порядка: *«О, великий учитель! Как же ты можешь отрицать абсолютную земельную ренту физиократов, когда сам признаёшь, что она «правомерна в своём более глубоком смысле? Ты, конечно, делаешь это в интересах рабочего класса (иначе невозможно доказать необходимость его диктатуры), поэтому я, сын донецкого шахтёра, должен быть тебе благодарен за это»*. Что же, я, действительно, за многое благодарен Советской власти – это моя власть! Например, благодарен за то, что она научила меня читать и писать. Но я, кажется, не в долгу перед ней, поэтому имею право сказать: За экономическую неразбериху, за преступные жертвы, за бюрократический гнёт над каждой живой мыслью – нет, за это я тебе благодарным быть не могу! А ведь это возникло потому, что ты сам себя уговорил: *«требуется отрицание»*. Отрицание того, что ты сам считаешь и правомерным и более глубоким. Отрицание Космической истины!..

Но Маркс поплатился за это жизнью: тысячи страниц отрицания, чтобы на последней вернуться к тому, что он всю жизнь отрицал! Была ли эта ошибка научной или только политической – пусть об

этом судит сам читатель. Время от времени его выводы звучат почти кошунственно: он договорился до того, что даже землю объявляет только орудием эксплуатации рабочего класса. Надо уточнить – земля в данном случае, – это почва, гумус. Слой, содержащий в себе огромное количество солнечной энергии, накопленной за счёт деятельности растений, животных и насекомых. Миллион лет потребовалось Солнцу, чтобы создать его на земном шаре. Это из, него произрастает всё живое. Всегда, во все времена, почва выступала в роли богини-Матери: у древних египтян – Изида, у греков – Деметра, у христиан – непорочная Дева Мария, несущая на своих, руках Сына Человеческого.

И вот она, – Мать-Кормилица наша (!) – оказывается в числе орудий эксплуатации:

«Рента, процент, промышленная прибыль... не порождаются землёй как таковой" и капиталом как, таковым...». Здесь пора напомнить, что капитал – это производство прибавочной стоимости. И ничего больше! Процесс обогащения человечества солнечной энергией. Ненавидеть капитал – то же самое, что ненавидеть Солнце. Но по Марксу всё это изымается исключительно из человеческих мышц, – других энергетических источников в природе не существует. *«... Но земля и капитал дают своим собственникам возможность получить соответствующие ... [пропуск] ... – предпринимателем из рабочих».* Повторяю: эксплуатация существует. Отрицать её никто не собирается. Но является ли энергия, выжатая подобным образом, именно той энергией, которая стоит в основе развития земной цивилизации? И, наконец, возникает следующий вопрос: на каких энергетических источниках должен основываться коммунизм, его построение? Если мы отказываемся выжимать энергию из человеческих мышц, то откуда можно её получить для наращивания прогресса? Чего нет – того нет. Следовательно, и сам коммунизм превращается в бесплодную утопию.

Если хорошенько изучить Маркса, то окажется, что он нигде не говорит, на какой, основе возможен коммунизм. Ленин, когда-то во всём доверявший Марксу, был поставлен этим доверием в очень большое затруднение. И тогда он принял НЭП, – тот вид капитализма, который не устраняет советской власти и несколько ей не опасен. Сталин повёл страну по другому, пути.

Однако, бросим взгляд на современное человечество. Города наполняются новыми миллионами жителей, а сёла исчезают с лица Земли. Если всё в мире произрастает из наших мышц, то как же 4% американцев могут кормить 96% собственного населения, да к тому же и нам иногда подбрасывают миллионы тонн пшеницы? Какими должны быть мышцы у американских фермеров, если в них заключено такое невообразимое количество энергии? Люди это или боги? Хорошо, они работают на машинах. Но ведь машины не производят хлеба, – его производит земля. При помощи машин можно объяснить; почему уменьшается сельское население. Но как вы объясните рост урожайности? Ответ: фермеры пользуются удобрениями, которые вырабатывает промышленность. То же верно. Но откуда промышленность черпает свою энергию? Неужели только из человеческого труда? Тогда у американских рабочих какие-то космические мышцы, – не от мира сего. Ответ: уголь, нефть... А что это такое? Откуда произошло? Ответ: от Солнца...

Вот при каких условиях возможен коммунизм! Н ни при каких иных. Он естественно рождается из творящего Света, как ребенок рождается из чрева матери. Но Маркс – здесь не причём, – его теория, невзирая на поставленную цель, не только не способна привести к коммунизму, а наоборот: порождает застой и упадок производства. Поскольку вожди не желают мириться с застойными явлениями, они используют теорию Маркса в обратном порядке. Маркс желал освободить труд – Сталин учреждает Гулаг, **чтобы переработать людей на стоимость**. Ведь это Маркс его научил, что других источников не существует – только человеческие мышцы. А коль не существует, – то что делать? Цель оправдывает средства. Потомки поймут необходимость жертв – у нас не было иного выхода. Нельзя, же отречься от коммунизма – они, этого не простят. А миллионы – десятки миллионов (!) – замученных, уморенных голодом, расстрелянных и растерзанных овчарками спишутся за счёт идеи...

И вот, наконец, мы подходим к той исторической странице, до которой добирается не каждый читатель. Неужели она также написана Марксом? Но ведь тогда всё предыдущее – только сплошной мрак, бездуховный хаос.

Вот эти неожиданные строки:

«Если у человека (у каждого человека) всего его рабочего дня (всего рабочего времени, которым он располагает) было достаточно только для прокормления его самого (или в лучшем случае, ещё и его семьи), то отпали бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная стоимость».

Понятно ли тебе, человек, о чём идёт речь? Если не понятно – думай, думай! Н если ты сам этого не осознаешь, то это осознает дьявол... Первобытный человек, не вырабатывал прибавочного продукта, – всё его время уходило на поиски пищи. Производство прибавочного продукта началось тогда, когда появилось земледелие: В таком случае, откуда этот продукт появляется, – из человеческих мышц или от плодородия почвы? А точнее: что есть субстанция прибавочного продукта и прибавочной стоимости? Можно ли при помощи эксплуатации, выжимания и т.д. получить то, чего нет в самой природе?..

То, к чему на последней странице «Капитала» приходит Маркс, есть исходная позиция **физиократов**. Фактически он приходит туда, откуда они начинали для гениального Кенэ это было ясно без того, чтобы проходить многотомный путь ученичества. Именно этот ход мысли приводит Ф. Кенэ к осознанию роли земледелия как единственного **производителя**. Всё остальное – **относительное** производство. Производство формы, а не материи. Производство роскоши, удобств и т.д., но не самой жизни. За промышленностью можно признать **относительную** прибавочную стоимость, но не абсолютную. Правда, надо ещё раз оговориться, что при известных условиях относительная прибавочная стоимость способна вырабатывать абсолютную. Какие это условия? Если махнуть рукой на то, что промышленность истощает запасы угля, нефти, газа, тогда можно сказать, что её сегодня вырабатывает американский капитал, сумевший включить свою промышленность в фотосинтез. В этом деле всё измеряется производительностью сельского хозяйства. Но можно ли отмахнуться от того, что истощаются энергетические источники?

В полном смысле абсолютную прибавочную стоимость (чистый продукт) промышленность начнёт вырабатывать лишь тогда, когда она будет переведена на термоядерную энергию. То обстоятельство, что при этом расходуется земной водород, действительно можно не принимать во внимание – его хватит на многие миллионы лет. Однако следует помнить: абсолютную прибавочную стоимость (энергию прогресса) **при любых условиях** можно вырабатывать только в земледелии. Человека нельзя подключить к электростанции, как мы подключаем стиральную машину. Его можно подключить к ней только при помощи двух космических трансформаторов, – Земли и Солнца. Разговоры об искусственной пище – это миф атомного века. Никогда мы не станем могущественнее вселенной; и не следует к этому стремиться. Надо вписать земные возможности (способность Земли родить, умножать богатства) в возможности небесные – способность Солнца производить живое вещество.

Если мы этому научимся, наша цивилизация станет воистину бессмертной. Но вернёмся к последней странице «Капитала». После упомянутых слов Маркса немедленно рушится «общественная субстанция», - становится ясно, что субстанцией абсолютной прибавочной стоимости является не человеческий труд (пусть даже общественный), а **естественное плодородие земли**. Оно же от первой и до последней калории обусловлено деятельностью Солнца. И деятельностью человека, если его труд направляется в русло законов природы. Побеждают Тимирязев и Вернадский, но не Опарин: человек – сын Солнца, а не какая-то саморазвивающаяся, независимая «субстанция»...

Субстанция – основа, сущность. Так переводится это слово.

И вот мы, наконец, доходим до последнего абзаца четвёртого тома: **«Основой (читай: субстанцией - М.Р.) абсолютной прибавочной стоимости – то есть реальным условием её существования является естественное плодородие земли (подчёркнуто Марксом – М.Р.), природы, тогда как относительная прибавочная стоимость основана на развитии общественных производительных сил».**

Этой фразой и завершается последний том «Капитала».

Читаешь её и перечитываешь заново: не галлюцинация ли это? Вывод прямо противоположный тому, ради чего создан «Капитал»!

Безоговорочно признан **чистый продукт** физиократов, ибо ничем больше не является **абсолютная прибавочная стоимость**. Дар Природы. Дар Солнца. Могучее проявление Творящего Света как единого Субъекта всякого производства...

И вот лежит перед нами огромная гора испорченной бумаги, – «Капитал». Как же к нему относиться? Мученик бухгалтерского экстаза извёл собственную жизнь, втянул в кровавые трагедии целые страны и народы. А на последней странице расписался в том, что никакой реальности он никогда не видел – это была всего лишь...

Теперь попытаемся представить положение Энгельса, который на теории Маркса выстроил теорию пролетарского государства. Фундамент здания, которое казалось вечным, незыблемым, внезапно растаял, как мартовский лёд. Как же быть? Разве может удержаться здание без фундамента? От чего следует отказаться, – от пролетарской революции или от посмертной страницы Маркса? По-видимому, это объясняется вполне достаточной причиной, почему Энгельс так и не решился опубликовать последний том «Капитала». Сталин также мял его в руках, не зная, как поступить. Но ему было ясно одно: надо расстреливать. Так решилась судьба того, кто заметил – судьба Вознесенского. Гипотеза, конечно. Подтвердить её фактами я не могу. Но чем дальше это событие отходит в прошлое, тем больше накапливается фактов, свидетельствующих в её пользу.

Существует ли классовая борьба?

Что произошло под конец жизни с Марксом? Почему он отрёкся от своего учения? А здесь по-иному судить нельзя: или нет последней страницы «Капитала», или нет самого «Капитала». Согласовать одно с другим при помощи каких-то натяжек и компромиссов ни теоретически, ни тем более практически, невозможно. Попросту говоря, Маркс под конец жизни перестал быть марксистом – он стал истинным физиократом. Чтобы как-то уяснить происшедшее, изложу вкратце малоизвестный исторический факт. Речь идёт об украинском философе **Сергее Подолинском**, который поразил Маркса по тем временам чрезвычайно смелой формулой: **прибавочная стоимость есть прибавочная энергия Солнца, которую использует общество для своего прогресса.**

Как заметил читатель, именно эту формулу проводил я через все предыдущие страницы. Было это сказано Подолинским за три года до смерти Маркса. Подолинский прислал ему книгу из Женевы, где в то время занимался изданием украинской литературы, запрещённой на родине. Казалось бы, Маркс не должен был одобрительно отнестись к столь неприятной идее – она явным образом опровергала труд всей его жизни. И всё же...

Да, Маркс неожиданно согласился, что идею Подолинского отбрасывать нельзя – в ней содержится зерно истины. Сохранилась переписка между Марксом и Подолинским. Сохранились заметки Маркса с одобрительным отзывом о книге украинского философа. Известно также и то, что идея Подолинского не понравилась Энгельсу. Он внушал Марксу, что эта идея возвращает политэкономия к физиократам, а теория физиократов не служит делу пролетарской революции.

Так в общем виде выглядит этот весьма примечательный факт. Что произошло раньше – знакомство Маркса с идеей Подолинского или его поворот в сторону физиократов? Вероятнее всего, идея Подолинского заинтересовала Маркса именно потому, что внутренне он был уже к ней готов. А это значит, что между Марксом и Энгельсом уже не существовала согласия в основных научных вопросах. В тех, вопросах, от которых зависит тактика и стратегия пролетарской революции. Да и сама революция ставилась под сомнение, – из теории физиократов следует, что **дело не в революциях, а в плодородии земли**. Поможет ли революция индийскому народу увеличить производство пшеницы? Революция удобряет землю только трупами, но от этого вида удобрений «чистого продукта» ждать не следует.

Я приводил некоторые примеры, свидетельствующие о том, что Маркс работал как бы подневольно: отрицал потому, что требуется «отрицание». И вслед за этим вписывал такие похвалы физиократам, которые ставили под сомнение его собственную теорию.

Таких примеров много. Вот ещё один из них. Маркс выясняет психологические корни происхождения тех и иных экономических теорий. Почему, например, физиократы появились во Франции, а не в какой-либо другой стране? И отвечает на это так: потому, что. Франция была страной развитого земледелия. А вот англичанам *«...прежде всего, бросается в глаза «прибыль от отчуждения»*,

То есть описанная Стюартом относительная прибыль. Но когда речь заходит о том, что прибавочная стоимость создаётся в сфере самого производства, то необходимо, прежде всего, обратиться к той отрасли труда, где она выступает наружу от процесса обращения, то есть к земледелию.

Так мог бы написать любой из физиократов. В этих строках Маркс сознаёт, что есть прибыль относительная и прибыль абсолютная, – то есть земельная рента. Именно она создаётся *«...в сфере самого производства»*. Короче говоря, производством он признаёт только земледелие, – то, что признавали физиократы.

Поэтому нет ничего удивительного, что невольник Маркс перед смертью сбросил оковы «общественной субстанции» и заявил о своих убеждениях прямо, без обиняков. Трудно, конечно, установить, чьим он был невольником, – скорее всего своим собственным. Ему мерещилась неизбежность пролетарской революции; и он для неё работал. Но совесть учёного заявляла о себе – и тогда учёный побеждал политика. Как бы там ни было, а его спор с физиократами оказался мнимым спором. Нет, его работу нельзя считать напрасной: опровергая самого себя, – свои собственные заблуждения, – Маркс наилучшим образом подтвердил, что экономика как наука существует. Она находится в том источнике, откуда по всему миру разбежались её ручейки и реки – в теории физиократов. И поэтому она есть не политическая, а физическая...

Безусловно, эту теорию сегодня также нельзя принимать без некоторых уточнений. Но это составляет предмет особого разговора. Здесь мы обязаны поговорить о том, почему современные взгляды на классы нуждаются в пересмотре. Современное деление общества на классы берёт своё начало от Адама Смита, который впервые подверг критике теорию физиократов. По Смиту всякий труд является производительным, а не только труд в сельском хозяйстве. В этом смысле его можно считать предшественником того К. Маркса, который отрицал теорию Ф. Кенэ. Вторым его предшественником был А.Риккардо, который подтвердил классовое деление Смита и создал теорию трудовой стоимости. Короче говоря, Маркс не первый начал блуждать в потёмках, зато первый очнулся и сказал: истинными отцами современной политэкономии являются физиократы. Так он и величает Ф. Кенэ: отец. И не меньше этого! Не Смит и не Риккардо, а только Ф. Кенэ.

Англичанам, в самом деле, прежде всего бросилась в глаза «прибыль от отчуждения» – Маркс это правильно заметил. И правильно также понял психологические корни этого явления: англичане в то время были далеки от земледелия. Смит и Риккардо описывали ту прибыль, которую наблюдали, – то есть промышленную и торговую прибыль. Земельная рента находилась где-то по ту сторону Ла-Манша, – какое, дескать, она имеет значение для английской экономики? Связать причину и следствие, которые разделены значительным расстоянием, они не сумели. Однако сегодня мир всё ближе и ближе приходит к экономическому единству. Энергетический кризис многому научил. Ещё больше учит голод. Поэтому в наше время, как никогда раньше, следует научиться более точно определять, что из чего произрастает. Даже такие авторитеты, как А. Смит, А. Риккардо и К. Маркс не должны нас смущать своим величием. Для науки нет и не может быть более высокого авторитета, нежели истина.

Первым человеком, который утвердил классификацию общества, по производственным признакам, был. Франсуа Кенэ. Смит, опровергая Кенэ, перекроил классовую структуру в соответствии с собственными взглядами на производство. Маркс абсолютизировал классификацию Смита - и в этом виде она существует до наших дней. Вот классификация Смита: рабочие, капиталисты,

землевладельцы. Маркс и Энгельс упростили дело тем, что капиталистов и землевладельцев объединили в один класс, класс буржуазии. Крестьянство объявили мелкобуржуазной стихией; оно - класс отмирающий.

Новое, что внесли Маркс и Энгельс в науку о классах – неизбежность борьбы между ними, неизбежность мировой революции.

Как только мы выясняем, что прибавочная стоимость есть прибавочная энергия Солнца, предложенная Смитом и абсолютизированная Марксом, классификация рушится вместе с «субстанцией». Почему? Потому, что она не имеет никакого отношения к истинному производству. Особенно это касается той классификации, которая стоит в основе марксизма.

Борьба между бедными и богатыми существовала всегда, – так точно, как всегда существовала эксплуатация. Но дело в том, что это – борьба не **классовая**, а только **моральная и ценовая**. Ибо в природе самого производства нет тех классов, которые учредил Смит. Он их учредил потому, что не понимал физиократов – спорил с ними так, как может спорить слепой с глухонемым.

Физиократы, действительно, оказались в положении глухонемых – немногие были в состоянии их понять: они обрели космическое мышление задолго до космического века. Но не понять их сегодня – это значит обречь мир на неминуемую гибель.

Вот как выглядят классы по Ф.Кенэ:

1. Производители.
2. Собственники.
3. Бесплодный класс.

Производителями Ф. Кенэ именовал людей, работающих в сельском хозяйстве.

Но не собственников земли, – помещиков вместе с королём. В те времена земля находилась в собственности помещиков и короля; землевладельцам приходилось её арендовать, выплачивая ренту. Естественно, никаких производительных функций за собственниками Ф. Кенэ не признаёт. Но кого же он именуется «бесплодным классом»? И в этом странном названии раскрывается философская система Ф. Кенэ: в роли бесплодного класса выступают люди, – занятые в промышленности – фабриканты, администрация и рабочие. **Все вместе**. Богатые и бедные. Имущие и неимущие. К этой классификации следует подходить со стороны законов природы – моральные проблемы надо решать отдельно. Природе неизвестно, кто беден, кто богат – это дела человеческие. Однако, природа учредила в биосфере некий порядок; – и человек вынужден ему подчиняться. У человека никогда не вырастут листья вместо волос и корни вместо ног. По этой причине человек никогда не сможет принимать энергию непосредственно от Солнца. Истошив плодородие земли, человек теряет энергетическую связь с Солнцем и неминуемо погибнет.

Вот по какой причине необходимо вернуться к той классификации, которую учредил Ф. Кенэ. Собственников земли в старом смысле сегодня нет, зато существует государство, – то есть люди, которые заняты управлением, службой в армии, наукой, культурой и т.д. Во времена Кенэ все они группировались вокруг королевского двора и феодальной знати. Это, собственно, и было феодальное государство. Что касается бесплодного класса, то здесь надлежит усвоить главное: прибавочную (космическую) энергию промышленность принимать не способна, – она делает это при помощи сельского хозяйства. С этой точки зрения промышленность действительно бесплодна...

В переводе на современный язык, классы – это в своей сущности экономические сферы. –

1. Земледелие.
2. Государство.
3. Промышленность.

Такое понимание современных классов вполне соответствует той классификации, которую учредил Ф. Кенэ. Дело не в том, как выглядят классы по внешней видимости. Мы обязаны исследовать кругооборот солнечной энергии в экономическом организме, посему для нас общественные классы – это главнейшие органы, без которых организм вообще не возможен. Если мы осознали необходимость

возвращения к теории Кенэ, то обязаны вернуться и к его классификации. Она не политическая и не моральная, а только производственно-энергетическая и в этом всё дело!..

Есть в данном вопросе также то, что я вынужден отложить на будущее, – подробное рассмотрение «Экономической таблицы» Ф.Кенэ. В ней сокрыто так много, что её можно назвать **физической формулой**, описывающей главнейшие закономерности любой экономической формации. Кстати сказать, Маркс занимался ею всю жизнь – без неё понять экономические процессы невозможно. Но её также понять и объяснить нелегко! Поверим Марксу: он считал «Таблицу» самым гениальным открытием в области политической экономии. Никто из политэкономов не является до такой степени чуждым духу марксизма как Ф. Кенэ, – чуждым по самой своей сути, в силу исходных субстанциональных позиций. И если Маркс оценивает «Таблицу», на которой выросла физиократия – а она выросла именно на ней(!), – то следует согласиться, что это открытие чего-то стоит. Однако, по моему глубокому убеждению, открытие Ф. Кенэ – даже больше того, что увидел в нём Маркс, – он не до конца понял субстанциональное свойство «Таблицы». Если бы он это своевременно понял, «Капитал» был бы значительно короче и начинался бы там, где кончается.

К сожалению, здесь для «Таблицы» не хватает места, но всё же я вынужден заявить: только вернувшись к этой классификации, которую учредил Ф. Кенэ в политической экономии можно увидеть законы природы. По-другому увидеть их нельзя. В частности, нельзя разобраться, почему одна экономическая формация истощает землю, а другая обогащает. А поскольку богатство земли есть основное богатство общества, то отсюда становится понятным, что классификация Кенэ – дело нешуточное.

Это первая причина, почему следует вернуться к классификации Ф. Кенэ. Вторая причина состоит в том, что классовой борьбы как таковой вообще не существует – есть борьба бедных против богатых. Борьба не классовая, а моральная. А это совершенно другой разговор!

Богатые и бедные есть в каждом классе. Между ними всегда существовала борьба. Но, поскольку рабочие в строго научном смысле не есть класс, то как же тогда быть с диктатурой пролетариата? Вот какая проблема встала перед Энгельсом (а позже, по-видимому, перед Сталиным) в связи с последней страницей «Капитала».

Сказать, что диктатура пролетариата себя оправдала, мы не можем – на практике её никогда не существовало. Да и не могла она существовать – именно потому, что такого класса нет в самой природе. После революции немедленно возникло то, что есть истинно класс – государство. К тому же государство с бюрократическими извращениями, как это было указано в ленинской программе партии. Сегодня эти недобрые качества нашего государства неизмеримо усилились. И в этом огромная опасность!..

Дело не в том, что нам нравится и что не нравится – в данном разговоре мы можем даже устранить от таких вопросов, как права человека, свободное творчество и т.п. Дело, прежде всего, в том, что такая структура государства ведёт его к неминуемой гибели. К сожалению, гибель государства никогда не обходится без человеческих жертв. Поэтому наша обязанность состоит в том, чтобы предупредить эти грозные события, смягчить возвращение общества в русло законов природы.

Мы вернёмся в них неизбежно – законы природы своё возьмут. Но вернуться можно по-разному, – с жертвами и без жертв. Наш народ достаточно настрадался – новые «хождения по мукам» были бы для него воистину губительными. В чём тут дело? Прежде всего, в том, что законы природы восстают против любых форм администрирования в экономике. Стоимость должна столь же свободно передвигаться в экономических артериях, как передвигается кровь в человеческом организме. Это даже не сравнение, а просто один и тот же закон природы. И там, и там движется именно то, что питает организм, – солнечная энергия. Ленин хорошо понимал роль свободной торговли, поэтому он выставил преграду против разрастания бюрократической опухоли – НЭП. Последний был рассчитан не на годы, а на десятилетия – то есть до полной победы коммунизма. А полная победа коммунизма – по Ленину – это полное отмирание всякого и всяческого государственного аппарата. Но отнюдь не его разрастание.

Основой социализма Ленин считал кооперативный капитал:

«Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства», – вот что такое по Ленину социализм. Иногда он – то же самое именовал коммунизмом. И это нормально: смыслового различия между этими понятиями фактически не существует – различие учреждено императивно. Марксу, а затем Сталину всё нужно было разложить по полочкам.

Ленин требовал полного невмешательства со стороны государства в производственную деятельность кооперации. Самодеятельность масс – вот основной смысл и назначение Советской власти. Всякое иное её понимание не имеет ничего общего с ленинизмом...

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. Пишущий эти строки принадлежит к тому поколению людей, которых вела вера. НЭП – это моё детство. Крестьяне получили землю. Надо помнить, что к моменту революции около сорока процентов земли всё ещё находилось в руках помещиков. Нельзя также забывать, что царская Россия была страной земледельческой. И вот, наконец, земля действительно принадлежит крестьянам! Благодаря этому после многолетней разрухи и страшного голода в течение двух-трёх лет НЭП совершил чудо...

Сегодня мне приходится слышать: а не было ли это обманом? К сожалению, мы вынуждены согласиться: да, получился обман. Страшный, кровавый обман. Но до сих пор в нашем народе горько вздыхают: если бы не умер Ленин...

Откуда эта вера? Она – от НЭПа! Не будь этих пяти-шести лет, когда наш народ действительно расправил плечи, пятилетки также были бы невозможны. Мы верили: с НЭПом ведь получилось – и здесь получится. Просто надо потерпеть. Зато, – какое будущее перед нами! По существу, Сталин жил за счёт морального капитала, который достался ему от Ленина. Но без НЭПа у нашего народа не было бы доверия и к Ленину.

Те, кто помоложе, НЭПа уже не помнят, зато помнят страшные тридцатые годы. Короткую нэповскую передышку они просто сбрасывают со счёта, – о ней, дескать, и говорить не стоит. Но мне это кажется ошибочным. Недоверие к Ленину (дескать, это была его временная тактика) также неправомерно. О Ленине можно сказать так: его вера в марксизм плохо послужила нашему народу. И, слава Богу, что он своевременно от неё избавился. Пусть не до конца, но всё же избавился. И этот исторический опыт нельзя не учитывать.

Я уже упоминал, что Маркс не дал никаких конкретных указаний, как именно должно осуществляться построение социализма. Да и не мог дать – он этого сам не знал. Ленинский НЭП – марксизм только в том смысле, что он был направлен в русло социализма. Во всём остальном НЭП гораздо больше согласуется с теорией физиократов, нежели с теорией Маркса. И если бы Сталин не расправился с советским капитализмом – капитализмом воистину социалистическим (!) – мы бы сегодня были самым богатым государством в мире. И тогда нам не пришлось бы задавать следующий вопрос: нужна или не нужна была Октябрьская революция? В том, что мы его сегодня задаём, виноват не Ленин, а Сталин.

О НЭПе советские люди вспоминают, как о золотом веке нашего государства. К сожалению «век» этот длился всего только шесть лет. Это великий вклад в дело построения социализма. Пусть этот вклад не столько теоретический, сколько практический: Ленин увидел, к каким страшным последствиям пришла страна, принявшая на вооружение теорию Маркса. Увидел – и весьма круто повернул в сторону от этой теории. Он не однажды упоминал, что Маркс описывал капитализм прошлого, но ничего не сказал о том «капитализме, который бывает при коммунизме».

Марксизма как такового нет – в теоретическом смысле он есть фикция. О ленинизме этого сказать нельзя: ленинизм есть. Конечно, он есть только там, где Ленин проявляет полную самостоятельность, то есть в НЭПе.

Я уже говорил, что именно «общественная субстанция» Маркса послужила теоретической основой сталинского Гулага. И хотя Сталин использовал эту теорию в обратном порядке, то есть делал совсем не то, чего желал Маркс (!), – однако беда в том, что теорию Маркса можно так использовать. Более того: всей своей многотомной громадой она убеждает, что по-иному социализм строить вообще

бесполезно! При этом, конечно, нужно делать это за железным занавесом, так как по марксистским постулатам при социализме эксплуатации быть не может. Теория Маркса порождает кровавый хаос и **ложь** именно потому, что она ложна в своей основе. С другой стороны, каждому ясно: чтобы учредить Гулаг, сначала нужно было ликвидировать НЭП. Безусловно, речь идёт не об отдельных концлагерях, которые в виде пережитков военного коммунизма существовали и во время НЭПа – речь идёт о том Гулаге, каким он стал в тридцатые годы. К тому же следует иметь в виду, что мы не намерены идеализировать НЭП. Как нечто конкретное – в конкретных проявлениях он, конечно, далёк от идеала. Мы говорим о НЭПе как об экономическом учении, которое нам кажется удачным. Мы поступили бы неразумно, если бы отбросили свой опыт, на котором можно поставить знак плюс. Но, конечно, нельзя забывать, что Ленин во многих вопросах до самой смерти оставался марксистом. Он внёс поправку в учение Маркса о классах (крестьянство по Ленину – **класс**, а не «мелкобуржуазная прослойка»), но в общем и целом его взгляды на классовую борьбу не отличаются от взглядов Маркса. Это дало возможность Сталину отбросить компромиссные поправки Ленина и применять марксизм буквально. Вот, например, какие уродливые явления возникли из представлений Маркса о, классах и классовой борьбе. Поскольку крестьянство есть «мелкобуржуазная стихия», то зажиточных крестьян нужно ликвидировать «как класс», а то, что останется от этой «революции», насильственно согнать в колхозы. Не будем вторгаться в тематику, которую с великим мастерством разрабатывает А. Солженицын – у нас иная задача. Нет, не станем напоминать о неисчислимых человеческих жертвах – поговорим о тех экономических результатах, которые получены при помощи такого «выжимания», какого не знала человеческая, история. Следует подчеркнуть: я не имею в своём распоряжении экономической статистики – пользуюсь тем, что представляет в моё распоряжение Большая Советская Энциклопедия, которая начала издаваться ещё при Сталине. Последний (пятидесятый) том вышел при Хрущёве. Из него я и возьму то, что в данном случае необходимо.

Вот как возрастал наш экспорт в годы НЭПа (в млн. руб.):

1926 г. – 2525,
1927 г. – 2600,
1928 г. – 2800,
1929 г. – 3219.

Хорошо известно, что на мировой рынок экспортировалось главным образом зерно. Дореволюционный уровень ещё не достигнут, однако рост экспорта налицо. К тому же уверенный рост!

И вот что происходит с нашим экспортом после насильственной коллективизации:

1933 г. – 1725,
1934 г. – 1158,
1935 г. – 1281,
1936 г. – 1082,
1937 г. – 1305,
1938 г. – 1021.

Особое внимание следует обратить на экспорт 1933 года, – в этот год на Украине погибло от голода не менее 6 миллионов человек. Но даже вычистив под метёлку украинские закрома (разбирались даже крестьянские печи в поисках хлеба!), Сталин всё же не смог получить столько пшеницы для экспорта, сколько её вывозилось в годы НЭПа. А по существу – что же тут продавалось? – **Миллионы человеческих жизней!** Это и есть человек в роли «субстанции стоимости». Не искажение Маркса, а прямой результат его экономической теории. В годы НЭПа в основном

вывозилось зерно. Затем структура экспорта складывается так, что процент зерна в нём резко снижается:

1938 г. – 21,3 %,
1950 г. – 18,5 %,
1955 г. – 10,5 %,
1956 г. – 7,1 %.

А с 1963 года начался **импорт** зерна из-за границы, чего не было за всю историю Российской империи. И это при условии, что к 1956 году количество пахотной земли по сравнению с 1926 годом увеличилось на 80 млн. га, – то есть на 60%. Сейчас оно почти вдвое больше, чем было к концу НЭПа. Фактически мы имеем по гектару пашни на каждого человека. Это огромное количество! Никто в мире не запахивает столько земли. На Украине мы уже и полевых дорог не, оставляем - не можем позволить себе подобной роскоши. О пастбищах и говорить не приходится – все они запаханы. И вот, поглядите, что с нами происходит: миллионы тракторов переворачивают шестую часть земного шара, а народ, гордившийся тем, что он указал миру новые пути, кормится из-под лопаты, которой в свободное **от работы** время женские руки взрыхляют почву на приусадебном участке. Так в чём же тогда состоит **сама работа**, если не в том, чтобы **уничтожить** плодородие земли, – основу нашего будущего?!.. Вот что значит ориентировать экономику на квази-производство! Каждому ясно, что в абсолютном смысле обогащает **только экспорт зерна** – это есть чистейший Дар Природы. Но если продаются цветные металлы, нефть и другое сырьё, чтобы купить хлеб, – мы не только не обогащаемся при этом, а ведём свой народ к обнищанию. Фактически мы движемся в колониальное ярмо. Мы успешно производим только оружие, но, когда речь идёт о хлебе, оружие – не защита: хозяином будет тот, кто протянет нам руку с хлебом.

Можно было бы показать, как приходят в упадок прогрессивно истощаются земельные угодья при подобном способе ведения хозяйства. Однако это связано с субстанциональными свойствами «Таблицы» Ф. Кенэ, которую мы не в состоянии здесь рассмотреть. Можно сказать в общих словах: за 40 лет колхозного строя мы отобрали у нашей земли столько энергии, сколько её необходимо, чтобы вскипятить (!) Чёрное море. А ведь это не энергия угля. Это энергия хлеба! Уголь можно заменить ураном, водородом, теплом подземных недр и т.д. Но чем можно заменить хлеб? Наша средняя урожайность сегодня такая, какой она была во Франции времён появления физиократов – около 9 центнеров с гектара. Именно процесс истощения почвы, необходимость разобраться в его причинах явили миру это великое учение. Народные брожения, революции, даже наполеоновские войны – это также результат истощения почвы. Мы обязаны трезво взглянуть правде в глаза: если дальше так пойдёт, то наши дети вынуждены будут учиться, как употреблять в пищу трактора. Франции потребовалось 200 лет затем, чтобы восстановить разрушенное плодородие почвы и довести урожайность до современного уровня. Медленно, очень медленно восстанавливается истощенная земля! Поэтому гораздо благоразумнее не доводить её до истощения.

Политэкономия социализма

Политэкономии социализма не существует – она есть только в названии. Да она и не могла появиться по причинам, которые были изложены. Природа одна и та же повсюду. Нет фотосинтеза буржуазного и коммунистического – есть просто фотосинтез, стоящий в основе земной жизни. Поскольку прибавочная стоимость (энергия прогресса) возникает за счёт фотосинтеза, то политэкономия, как и любая естественная наука, не может делиться на буржуазную и социалистическую. Поэтому её, политэкономии как таковой, вообще нет – есть **физическая** экономия. И если мы кое-где, продолжаем пользоваться приставкой «полит», то это всего лишь вопрос привычки. Капитал есть производство **прибавочной стоимости**, – то есть обогащение общества энергией прогресса. Энергию эту собирает физический процесс, который рождается природой, но не политикой.

Казалось бы, всё это предельно ясно. Какие же мы материалисты, если выводим **энергию** из «святого духа»? В политэкономии социализма происходит именно это, – энергия выводится из общественных отношений, но не из материи как таковой. Фактически наши экономисты выводят её из политики. Но ведь политика не есть материя, – она только совокупность идей, подчас весьма противоречивых и порой неуловимо текучих. Тем не менее, мы на этом стоим твердокаменно. Вот за что у нас критикуют физиократов: *«Исходным теоретическим началом системы Ф[изиократов] являлось учение Кенэ, о производстве «чистого продукта»; основанное на отождествлении богатства (потребительских стоимостей) с материей, веществом, а увеличение богатства – с возрастанием вещества за счёт излишка, который образуется лишь в земледелии, являющемся поэтому единственной отраслью производства».*

Прежде всего, следует заметить, что речь идёт не о существе как таковом, а о **живом**, органическом веществе. Как же оно ещё может накапливаться, если не за счёт фотосинтеза? И почему это ошибочно? Вдуматься только: фотосинтез ежегодно вырабатывает по 128 тонн живого вещества, на каждого земного человека! Оказывается, это – ошибка, нет и не было никакого фотосинтеза: *«При правильном понимании ренты прежде всего должна была, естественно, возникнуть та мысль, что рента проистекает не из почвы, а из продукта земледелия, то- есть из труда».* Так сказал когда-то Маркс – и «Политическая экономия», изданная АН СССР двенадцать лет назад, **именно этой фразой** пытается обосновать теорию Маркса в целом. Не зыбко ли? Можно ли по этому мостику пройти в коммунизм? Надёжно ли он подвешен? Хрущёв и Кеннеди едва не уничтожили человечество в ядерной войне. И за что же? На чём они разошлись? На марксизме, конечно. А вся теория Маркса – всё это грандиозное сооружение (!) - стоит на «фундаменте», который мы только что показали. Во-первых, у Маркса по этому поводу наговорено немало прямо противоположного. Во-вторых, даже в данной фразе (основа политэкономии социализма), легко обнаружить недомыслие и поразительную некомпетентность Маркса. Я уже показал, как он ставит в один ряд сукно, и пшеницу, машину и землю, не находя между ними качественных различий. В земледелии у него происходит то же самое, что и на прядильной фабрике: сколько переработано сырья, столько получено товара. Поэтому продукт земледелия он выводит исключительно из человеческого труда. Снова – только мышцы, – **именно из них** произрастает пшеница. Земля и Солнце здесь совершенно не причём. Но ведь, не надо быть гением, чтобы разобраться: явный вздор. Разве это человеку принадлежит та заслуга, что одно умершее зерно вместо себя возвращает нам 30 зёрен? И этот явный вздор едва не погубил человечество в ядерной войне. К тому же нет гарантии, что этого не случится в будущем. Не в сумасшедшем ли мире, мы живём?..

Вот она и вся тут, – так называемая политэкономия социализма. Больше ничего в ней нет, кроме квазинаучных словес. И резюме о физиократах: *«В своей теории «чистого продукта» они, по существу, занимались вопросами происхождения прибавочной стоимости, но выводили её из природы, а не из общественных отношений».* Это ещё раз об упомянутой статье в БСЭ. Конечно, данную фразу следует понимать как безапелляционный приговор физиократам: как они смели путать природу в человеческие дела? Мы сами, всё сами, – **сами из себя**. Кривляния клоуна производят чистый продукт (какой именно?), а Земля и Солнце его не производят... По существу мы здесь оказываемся в положении бактерий, воинственно утверждающих, что куриный бульон для себя они изготовили сами. Отсюда – именно отсюда (!) – произрастает сталинизм. Таковы теоретические основы того учения, которое повело нас на преобразование мира. По-видимому, всё его таинственное величие состоит в том, что никому не удаётся дочитать «Капитал» до конца: это не легче, нежели строка за строкой перечитать телефонные книги всех областных городов Советского Союза. И нашей талантливой молодёжи тысячи преподавателей марксизма вдальбливают в головы, что это гениально, – так гениально, что не каждому дано уразуметь. И тупеет наша молодёжь на этом, – нельзя же себя уважать, если живёшь с мыслью: не понимаю, – значит дурак: другие понимают – они умные. А понимают ли другие? – Вот вопрос. Маркс не сам придумал весь этот вздор, – он натащил его в свою теорию из английской политэкономии. Как же ей не доверять? Другие доверяют. Однако Маркс нашёл в себе мужество заявить: не ходите к англичанам – они всё на свете перепутали.

Истинную политэкономия создали французы. Да вот, ещё хлопец из Украины предлагает толковую мысль. К сожалению, Маркс о собственных ошибках заявил до нескромности скромно. Именно поэтому у нас до сих пор не заметили его отречения от «Капитала». И не где-то в незаметном месте, а на последней странице!..

Однако посмотрим, чем занята экономическая мысль в нашей стране: Сначала о «Сталинской политэкономии». Вся она укладывается в следующий абзац:

«Прибавочный продукт – продукт, создаваемый в прибавочное время трудом непосредственных производителей в классово-антагонистическом обществе и присваиваемый эксплуататорскими классами. Категория прибавочного продукта выражает отношения эксплуатации; господства и подчинения. В социалистическом обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, отсутствует категория прибавочного продукта». Так утверждала БСЭ в 1955 году, точно следуя сталинскому учению об экономике социализма. Приём прост: государственная собственность объявляется «общественной». И всего только! Пётр I, к примеру, создавая государственные заводы, подобной демагогией не занимался. Государственную монополию на водку никому из царских чиновников не приходило в голову объявлять «общественной». Но всё же следует заметить, что Сталин умел рубить под корень, не путаясь в терминологической путине. После его смерти это умение исчезло – и вот в 1963 году мы с удивлением читаем: *«Производство **прибавочного продукта** имеет чрезвычайно важное значение для социалистического общества, поскольку этим обеспечивается накопление, расширение производства во всё расширяющихся масштабах».*

Тут можно было бы порадоваться: наконец наши экономисты осознали, что немецкий врач Майер в своё время был напрасно отправлен в сумасшедший дом. Ведь он ещё в 50-х годах прошлого 19-го столетия дерзнул утверждать, что Солнце снабжает нас всеми видами Энергии. От Солнца мы и получаем прибавку, которая затем становится прибавочной стоимостью. То, чего не понимали в XIX столетии, в XX не понимать грешно и даже преступно. Нельзя же отставать от мировой науки на целых 100 лет... Но ничуть не бывало: *«Прибавочный продукт в социалистическом обществе не является прибавочной стоимостью, которая отражает отношения капиталистической эксплуатации».* Так что же, – у нас уже завершилось отмирание денег; и прибавочный продукт не является *«вещественным носителем прибавочной стоимости»*? Или мы попали в рабовладельческое государство, где прибавочный продукт не оплачивается? А если не то и не другое, тогда где же теоретические работы, которые вразумительно отвечают на вопрос: **какая субстанция стоит в основе прибавочного продукта?** Таких работ нет. В основе производства, как и прежде, остаётся только человеческий труд. Солнце и земля в создании прибавочного продукта никакого участия не принимают. Спрашивается: почему же в иных странах прибавочный продукт является основным доказательством эксплуатации, а у нас – это закономерная необходимость развития? Но ведь все западные экономисты так же точно объясняют эту необходимость. Или мы имеем право на развитие, а у других народов такого права нет? ... Кто-то уже понял: *fata Morgana*, однако убоился объявить об этом во всеуслышание. И потому прибавочный продукт решили восстановить в правах, не сворачивая с пути. Но это – то же самое, что восстановить в правах оазис на основе всё той же *fata Morgana*.

Горько всё это наблюдать. А ещё горше становится, когда вспоминаешь, какими методами Сталин расправился с прибавочной стоимостью и прибавочным продуктом **одновременно**, без подобной путаницы: **он создал производство за колючей проволокой, где прибавочный продукт действительно не является носителем стоимости.** Вот что означает на практике «независимость» от природы, вытекающая из формул Маркса. Строго говоря, реабилитируя прибавочный продукт, мы тем самым реабилитируем капитал, ибо он, собственно, и есть производство прибавочного продукта, который в товарном производстве приобретает характер прибавочной стоимости. Само собой разумеется, что экономика остаётся товарной до тех пор, пока существуют деньги. Так чем же помогут заклинания и филиппики по адресу прибавочной стоимости и капитала?

Здесь существуют два выхода: а) вырабатывать прибавочный продукт, который ничего не стоит (в лагерях) – тогда мы вернёмся к рабовладельческому способу производства; б) вырабатывать его в нормальных условиях – и тогда это есть капиталистическое производство, а не что-либо иное. Третьего нам не дано, ибо третьего не существует в самой природе. К тому же следует постоянно помнить, что никакая иная формация, кроме капиталистической, – **абсолютного** прибавочного продукта не производит. Именно поэтому никакая иная формация не может быть жизнеспособной. Что касается социализма, то он обретёт жизнеспособность только тогда, когда сумеет восстановить капитал. На этом вопросе мы остановимся более подробно во второй книге. О распределении прибавочного продукта мы здесь не говорим – это вопросы морали, а не самого производства. Моральные проблемы нельзя путать с проблемами **физическими**, – это первая заповедь истинной науки. Когда нечто подобное совершается, тогда идеологические спекуляции разрушают науку, – а вместе с ней и производство.

Философия, мораль и религия

Теория Маркса по самой своей сути не только не содержит возможности построения коммунистического общества, но несёт людям рабство. Простая логика приводит к этому выводу: если всё в мире произрастает из человеческих мышц, то есть из «общественной субстанции», – тогда без эксплуатации не может быть никакого прогресса. А коммунизм, по нашим представлениям, – это прогресс. Следовательно, нет иного пути – надо перерабатывать миллионы людей на прибавочный продукт. Благо дело, он уже восстановлен в правах. Спасибо нашим академикам от политэкономии за великую мудрость!.. Попробуйте найти у Маркса хоть одну фразу о том, из каких экономических предпосылок произрастает коммунизм. Не найдёте этого! Зато повсюду найдёте следующее: **только тот труд является производительным, который производит прибавочную стоимость**.

Она же, в свою очередь, является отражением эксплуатации труда. Какой же вывод напрашивается из этой теории? Только один – Гулаг...

Вот почему нельзя легкомысленно, без разбора, отвергать ленинизм. Ленин указал выход в НЭПе. И выход вполне надёжный! Отсюда, конечно, не следует, что мы готовы осуждать всякого, кто осмелится критиковать то или иное утверждение Ленина. Его, как и каждого смертного человека, надо видеть в **развитии** – это главное. Он писал не учебники – он жил, страдал, боролся. Написанное в молодости – это одно, написанное перед смертью – совсем другое! А у нас читают Ленина так, как христиане читают евангелие... Ленин призывал нас овладеть **всеми** достижениями человечества, а не только марксизмом. К Богу он не призывал, однако субстанция для него имела такой же смысл, какой для Спинозы имело понятие Бог. По своему существу эти понятия являются синонимами. Однако любить субстанцию довольно мудрено, а любить Бога просто и естественно.

Как можно не любить то, откуда вытекает всё живое? Каждый из нас обязан прислушиваться к голосу духа. Поэтому, избегая политических спекуляций, выскажу собственную точку зрения на этот вопрос. Из ленинской субстанции (у него это отнюдь не **вещество!**) неумолимо следует: субстанция есть общая основа всех вещей, событий и явлений. Сегодня о ней по-иному сказать невозможно: **она есть Творящий Свет**. Субъект онтологический, – в отличие от субъекта гносеологического, которым является сам человек. Или проще: **Вселенная как субъект**. Однако мировая философия от Пифагора до Спинозы никогда по-иному не представляла природу. Пифагор говорил: тело Бога – свет, Истина – дух его. Отсюда Бог есть природа, Природа есть Бог. Теперь вернёмся к прибавочной стоимости, которую лучше именовать **энергией прогресса**. Лучше потому, что это название возвращает ей тот смысл, который вкладывали в **чистый продукт** физиократы. Мы уже выяснили самое главное: **не она** рождается из человека, а наоборот, – человек рождается **из неё**. Следовательно, она есть то, что видит религия в образе Сына Человеческого, пришедшего к нам от Своего Отца – от Творящего Света. Именно поэтому религия всегда освящала **хлеб**, – тело Бога. И виноградное вино – кровь Его. По существу она освящала фотосинтез, который является связующей нитью между нами и субстанцией. Иоанн Богослов так объясняет сущность Бога: *«Бог есть свет; и нет в нём никакой тьмы»*.

Так сказано в первом соборном послании. То же самое, что говорил Пифагор. Но это так и должно быть: все религии мира берут своё начало в пифагорействе. Пифагор видел земного человека **на кресте**. Что это значит? Вот что. До сих пор наука не дала ответа на вопрос: что есть гравитация? В каком отношении она находится с лучевой тканью мировой бесконечности, то есть с Творящим Светом?.. И тем не менее гравитация существует. Именно она поглощает всю прибывающую от Солнца энергию. Израсходовав последнюю тонну угля и последний баррель нефти, мы, оглянувшись вокруг себя, поймем: да ведь это козни сатаны! Это он вынуждал нас служить собственному телу, а не духу, – подсунил нам автомобиль, стиральную машину, холодильник. Прошу не понять меня так, что все мы обязаны уйти в пещеры. Не об этом речь, – речь о природе креста, о космической диалектике. Слово «сатана» происходит от древнееврейского «сатан», что переводится как «противодействующий». Это есть сила, противодействующая Творящему Свету, – Живому Огню Космоса. Сила мертвящая, косная и поэтому злая: именно в ней таятся смерть и разрушение. Она уходит своими корнями в гравитацию. Надо отдать должное: Энгельса нередко посещали озарения. Вот его формула креста: *«На нынешней земле, наоборот, притяжение благодаря своему решительному перевесу над отталкиванием стало уже совершенно пассивным. Всем активным движением мы обязаны притоку отталкивания, идущему от солнца»*. Трудно понять, почему он стремился убедить Маркса, что Подолинский неприемлем: в этой формуле Энгельс утверждает то же самое, что утверждал украинский философ. Буквально – то же самое! Притяжение вынуждает нас расходовать энергию (минус). Однако Солнце посылает столько энергии в злаках, что её должно хватить и на то, чтобы поддерживать наше физическое существование (нулевой базис), и на то, чтобы за счёт излишка (чистый продукт) наращивать прогресс. Это и есть крест, – извечный символ земных людей. В религии он объясняется так: человек по своему назначению существо небесное, но грехи приковали его к земле. Он обязан избавиться от грехов и устремиться в небо. Что такое космический корабль, – идея или материя? Конечно идея, потому что даже вещество, из которого он состоит, не есть материя, а только (по Ленину) относительное состояние материи. Так на чём же мы летаем в космос? Кто дал нам крылья?..

За грехи наши пострадал Сын Человеческий, носитель энергии прогресса. Это его распинали в Гулаге... Ещё одно искупление. Мы не стали другими. Мы – те же самые, которых выводили на арену Колизея, а римская знать ревела от восторга, когда львы раздирали наши тела. Мы просто не узнаём себя. История только вечное переодевание, а дух всё тот же. Дух Иисуса Христа. И это есть мы!.. Не стану описывать, как я представляю будущее. Не стану потому, что это очень хорошо сделал академик А.Д.Сахаров в своей статье «Мир через 50 лет». Возможно, всё это, или перед нами новая утопия, – на этот раз утопия технократа? Но Иоанн Богослов не был технократом, однако он также завещал нам Новый Иерусалим (читай: «Город Солнца»). *«Ворота его не будут запираются днём: а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов, И не войдёт в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни»*. Под Агнцем («агни» – «огонь» на санскрите) подразумевалось Солнце. Оно дарует нам энергию прогресса, которую мы так долго называли унижительным именем: «прибавочная стоимость». И вот что примечательно: *«Храма же я не видел в нём: ибо Господь Бог Вседержитель – храм его и Агнец»*.

Бог Вседержитель это и есть Творящий Свет. Отец всего живого – на Земле и в небесах. Отец Земли и неба. Вселенная как Субъект, или материя как Субъект – это одно и то же. Знаменательно, что даже советская философия (киевская школа) видит сегодня материю в роли Субъекта. Будет ли мир таким, каким изобразил его А.Д. Сахаров? С космическими городами, с огромным электронным Мозгом вместо Мирового Правительства. И у каждого из людей, свободно парящих между звёздами, крохотный прибор (медальон на шее или браслет на руке), при помощи которого он получает из Хранилища Мудрости всю необходимую информацию. Проще говоря, выходит на прямую связь с Логосом, – вместо заявлений, которые мы подаём сегодня в Исполком... Если мы овладеем термоядерной энергией, а также законами прогресса – это исполнимо. И если такие учёные, как А.Д. Сахаров и другие выдающиеся физики, говорят: «овладеем!» – я верю этому. Ибо нет основания им не

верить. Но ни через 50 лет, ни через 100 мир не станет таким без нашей борьбы за коммунистические идеалы. Или социалистические – это ведь одно и то же!

Маркс любил всё на свете классифицировать: людей, слова, научные категории. Это было бы не так уж плохо, если бы его классификация действительно была научной. Так вот получилось и с этими понятиями, – социализм и коммунизм. Однако мы не склонны, возводить в абсолют временную окраску терминов – нам бы хотелось вернуть им первичный смысл. Надо понять: коммунистическая идеология вытекает не из самого производства, или потребления, – она вытекает из наших представлений о Вселенной в целом.

Когда эта идеология формируется всего лишь на потребительских началах, она порождает тот вид атеизма, который обожествляет общественное корыто. А поскольку за пределами этого корыта как «общественной субстанции» иных истин не существует, то цель жизни сводится к тому, чтобы, расталкивая других, как можно раньше и плотнее прижаться к корыту. Прижаться так, чтобы никакие силы в мире не смогли тебя от него оторвать. Может ли подобный атеизм украсить земного человека?..

Христианство зародилось из философии Пифагора. Это известно. Предоставим слово ему: *«Итак, благополучие зависит вообще от природы и от самого человека. Храм счастья, к которому все люди устремляют стопы свои, хотя и ложными путями, имеет сильнейшего себе неприятеля в демоне какой-то собственности. Всякий смертный, без сомнения, есть владелец, но только самого себя, то есть своей личности, – своего неразделимого, своего Гения, своих добродетелей; так как Солнце, Земля и всё, в них содержащееся, принадлежит всему миру. Все политические выгоды проистекают от собственности общих и частных. Если бы мы могли утвердить народ в справедливости и действительности сих двух законов Природы, которые составляют один и тот же: Почитайте всё общим, не имейте у себя ничего собственного, – то бы дело, всеобщего возрождения было окончено; человек сохранил бы себя добрым в существе своём; люди перестали бы быть злыми по необходимости, и вместе с тем исчезло бы сребролюбие, тщеславие, войны, различные злоупотребления и излишество в прихотях. Сама природа была бы вспомоществуема смертными; смертными, совершенно понимающими Природу; и тогда-то всё на сем шаре сделается поистине законным, необходимым».* Обратите внимание: «на сем шаре»! ... Пифагор не упоминает о Боге – он руководствуется законами природы. Но он заботится, прежде всего, о душе человека, а не только о его желудке. Отказ от собственности, её обобществление необходимо, но оно необходимо не столько затем, чтобы человек был сыт, а, главным образом, затем, чтобы очистить его душу от демона **собственности**. Вселенной нужен новый человек, – одухотворённый коллективист, а не корыстный сребролюбец. Что касается сытости, то она придёт сама собой, если законы природы не будут нарушаться. Это ли не мечта о коммунизме? Сказано это было 2500 лет тому назад. Кстати, Пифагор знал, что Земля - шар, вращающийся вокруг Солнца. А ведь от него до Коперника целых два тысячелетия!.. И дальше: *«Коль скоро люди приняли бы за правило не иметь у себя ничего личного собственностию, но пользоваться общим, так как все они дышат одним и тем же воздухом; то им стоило бы сделать один только шаг, чтобы достигнуть, наконец, равенства, матери бесценного мира, добродетели и благоденствия. Но я хочу показать на самом деле пользу сего равенства, чтобы оно не оставалось одним только законом, слепо предписанным. Мне не хотелось бы, чтобы известные люди могли ещё долгое время говорить беспрепятственно: «Пускай философ кричит необразованной черни, что Солнце освещает весь мир; - слова его останутся без успеха, и у нас с народом вечно ничего не будет общего кроме одного только Солнца. Равенство есть главный предмет всех моих желаний».*

Слова эти обращены к ученикам его школы. Пифагорейскую школу можно назвать коммуной в полном смысле этого слова: всё ее принадлежало всем и никому в отдельности. Так истреблялось в человеке чувство самостийности через коллектив, через коммуну.

Ведь слово «коммуна» происходит от латинского слова «общее». Поэтому совершенно правомерно звучит непривычное сочетание слов: **коммунистический капитализм**.

Коммунистический капитализм – это капитализм общинный, но не частный и не государственно-монополистический.

И снова же Пифагор подчёркивает, ради чего необходим коммунизм:

«Сим-то только и, в частности, нам, – возлюбленные ученики мои! – принадлежит право основать без замедления, республику равенства, и под тенью сего покровя провозгласить сообразные ей законы. Мы все, без исключения, рождены с такими совершенствами, в каких род человеческий имеет нужду для своего существования и сохранения, но в то же самое время имеем склонность ко злу, равно как и способность делать добр. Наши добрые или худые качества не совсем зависят от нас самих: ими обязуемся мы по своему рождению и потом воспитанию, которые получаем от своих родителей. Будучи необходимо мудрыми и счастливыми при чьём-нибудь мудром управлении нашими склонностями, мы соделываемся также необходимо злополучными и нечувствительными при противных сему средствах. Душа дитяти есть ни что другое как происхождение, или плод родительского мозга. Если испорчен самый источник, то и поток в продолжении своём не может быть свежим и чистым. Предложим сперва начало, и потом скажем: «Каково бы ни было твоё назначение: не ропщи: в человеке, как и в прочих существах, заключается доброго, как злого, не более темноты, как и света, не более холодного, как и горячего, не более сухого, как и влажного. Равенство есть главный закон Вселенной».

Так, видели Город Солнца, Республику Равенства, Новый Иерусалим, Тысячелетнее Царство Господне пророки всех времён и всех народов.

Земной мир сегодня похож на девятый вал, который катится к неведомым берегам Вселенной. Разобьётся он о скалы или выйдет на звёздную равнину, которая смягчит его бурлящую ярость? Если мы загородим его от катастрофы, - тогда он разольётся по галактическим пажитям мягко и ровно, чтобы успокоиться на тысячу лет.

Достигнуты небывалые технические возможности. Расщеплен атом – физика вторглась в лоно субстанции. Теперь наука из её материнского чрева пытается извлечь божественный плод, – энергию синтеза гелия. Извлечь осторожно, чтобы могучее дитя не погубило себя и земной шар. А дальше что нам обещает наука?

Пожалуй, дальше человеку следует осознать: *«Кто я есть и что (или кто) есть Вселенная?»*. И если Вселенная не «ЧТО», а «КТО», – ему надо готовиться к встрече с МАТЕРЬЮ.

Это гораздо труднее, чем расщепить атом. Мать нас не поймёт и не узнает, если мы явимся к ней с белыми руками и тёмными душами.

(Окончание первой части)

2. Адам Смит и Евгений Онегин.

Виноват ли Евгений Онегин?

Прежде всего возникает вопрос: что перед нами – абсолютный закон природы или условная схема, которая может рассматриваться всего лишь как первая попытка установить некоторые взаимосвязи в экономике?

Не только в нашей стране, но и во всём мире Адам Смит пользуется неизмеримо большей популярностью, нежели автор «Экономической таблицы». Для того чтобы слыть образованным человеком, почему-то не обязательно знать, кто такой Франсуа Кенэ. Но если ты не знаешь, кто такой Адам Смит, за тобой не признают даже начального образования. Так это выглядит сегодня, так было и полтора столетия назад, когда Евгений Онегин, учившийся *«чему-нибудь и как-нибудь»*, –

Бранил Гомера, Демокрита;

Зато читал Адама Смита

И был глубокий эконом,

*То есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живёт, и почему
Не нужно золото ему,
Когда **простой продукт** имеет».*

Но вряд ли в салонах онегинских времён серьёзно обсуждалась «Экономическая таблица» Ф. Кенэ. И вряд ли Евгению было известно, что его кумир приобрёл мировую славу как первый критик физиократов. Почему же основатель ФИЗИЧЕСКОЙ экономии Ф. Кенэ был почти забыт, а его критик (основатель экономии ПОЛИТИЧЕСКОЙ) не только получил широкую известность, но и подготовил почву для возникновения марксизма? Причин много. И не всегда они имеют научный характер.

В отличие от физики, химии и других естественных наук, **экономика как наука** развивается крайне медленно. Новое слово в ней появляется не чаще, нежели раз в столетие. Оно сразу увлекает за собой пылкие умы, немедленно возникают политические течения, требующие коренного переустройства мира.

В физико-химических опытах реакции протекают в считанные секунды. В течение месяца или года можно тысячи раз повторить один и тот же опыт, чтобы затем вывести непререкаемую формулу. **Экономика** также предлагает свои формулы, однако их проверка требует столетий. Раньше, чем та или иная экономическая формула может быть проверена, должны появиться и погибнуть целые империи. Затем должен придти синтетический ум, который сумеет разобраться в коренных причинах, породивших народные трагедии. И это великое благо, если такой ум, наконец, приходит! Чаще всего ему не позволяют появиться на свет Божий: то ли сгноят в сумасшедшем доме, то ли расстреляют.

Материал, с которым приходится работать эконому, чрезвычайно неблагодарен, ибо он есть государство. Каждое государство имеет своих отцов-благодетелей, которые весьма ревниво относятся к новым идеям. Для них лучше, если всё идёт по-старому. Анатомировать можно только умершие государства, а живое требует неперестанного восхваления ...

Но, всё же, не будем надеяться, что мы далеко ушли от средневековья. Да, будем надеяться! Горький опыт нашего народа должен быть обобщён и осознан. Посему укрепимся в мужестве, чтобы заняться той работой, в которой сегодня больше всего нуждается наше общество.

Мне кажется, что трагическая сторона нашего опыта освещена достаточно: Хрущёв начал – Солженицын завершил. Вряд ли можно что-либо добавить к тому, что было ими сказано. Я имею в виду не количественную, а качественную сторону дела. Сколько бы новых фактов нам теперь не сообщали, – это не прояснит сути. Поэтому не станем лишний раз напоминать о жертвах лагерей и тюрем. У меня иная задача: я попытаюсь ответить на вопрос, почему всё это стало возможным.

Мой ответ может показаться странным и даже нелепым: в том, что у нас появился Архипелаг Гулаг, виноват Евгений Онегин. Речь идёт, конечно, о верхушечной среде русского общества.

Нет, это не попытка обелить Сталина. Однако было бы наивным полагать, что сталинщина является всего лишь следствием деспотического характера Иосифа Кровавого – у неё есть исторические корни; и они уходят очень глубоко.

Онегин задуман Пушкиным как обобщённый образ просвещённого сословия начала XIX столетия, когда мир вступил в промышленную революцию. Её эхо докатывалось и до России. Это было всего лишь эхо – его улавливали только петербургские и московские салоны. Сама Россия ещё не задумывалась о том, чтобы открыть дорогу паровому двигателю.

Всегда, во все времена истинных интеллигентов было меньше, нежели умельцев прослыть интеллигентами. Хорошо известно, что идеи носятся в воздухе. Но именно поэтому они легко превращаются в моду. Онегин не случайно был «*как денди лондонский одет*». Не случайно также он «*бранил Гомера, Демокрита*» – Евгений желал прослыть «*глубоким экономом*». Это соответствовало

представлениям того времени об истинно просвещённом человеке. И не только в России, но и на Западе.

Как бы ни были велики те культурные ценности, которые достались нам от прежних эпох, однако мы знаем, что они, эти ценности, не смогли оградить древний мир от упадка и гибели. И только во времена Евгения Онегина появилась новая духовная ценность, – наука, пытавшаяся изучить корневую систему государства, главные закономерности его процветания или упадка. Образованные люди сразу почувствовали величие задач, которые ставила перед собой **экономия**. А поскольку всё в этот мир приходит по закону отрицания отрицания, то на фоне эпического величия, которым дохнула на современников новая наука, даже Гомер казался бряцающим на лире бездельником. Поэтому Онегин его и бранил. Это тоже была мода.

Идеи носятся в воздухе потому, что людям свойственно извлекать опыт из увиденного и пережитого. Все видели, каких успехов достигла Англия, вставшая на путь промышленного развития. И хотя русское дворянство когда-то во всём подражало французам, однако Франция слишком долго оставалась аграрной страной. Поэтому во времена Пушкина произошла духовная переориентация: Онегин даже внешне, в манерах и одежде, подражает англичанам, а не французам. Вот почему какая-то странная табличка, которую некогда сочинил доктор Кенэ, в России осталась незамеченной. Зато идеи Адама Смита, подсвеченные и расцвеченные успехами его родины, сразу же облетели мир и докатились до петербургских салонов. Они казались истинно научными не потому, что такими были на самом деле, а потому, что исходили из Лондона.

Адам Смит утверждал то, что внешне соответствовало опыту. Доктор Кенэ хотя и был основателем экономии как науки, однако его учение многим людям казалось противоречащим здравому смыслу. Оно менее всего соответствовало бьющему в глаза опыту – оставалось в области чистой теории.

Вдумаемся в основополагающий вывод Ф. Кенэ, на котором зиждется его «Экономическая таблица»: **ТОЛЬКО ТРУД ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА ЯВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ, ОСТАЛЬНЫЕ ВИДЫ ТРУДА – СОВЕРШЕННО БЕСПЛОДНЫ**. Промышленность – Кенэ не только считает бесплодной, но даже всех людей, работающих на фабриках и заводах, именуется **«бесплодным классом»**. И капиталист, и рабочий ничего не создают – они творят мнимые ценности.

Прежде всего возмущилось сердце англичанина, законно гордившегося своей промышленностью: что за чудак этот Кенэ! – Промышленные изделия Лондона покоряют мир, приносят капиталистам баснословные прибыли. Какое же это бесплодие? Зарапортовался старик Кенэ – его нужно исправить. Науку основал полезную (её следует развивать!), но в самом главном он, конечно, ошибался.

«Здравый смысл», который когда-то подвёл французских академиков, не желавших признавать, что камни (метеориты!) **могут** падать с неба, победил и на сей раз. Что касается тех салонов, где блистал Онегин, то здесь дело обстояло ещё проще: о самом Кенэ ничего не слышали. С Запада приходило только самое громкое – то есть **модное**. Мода на физиократов к концу XVIII столетия начала угасать, – английская экономия (уже не **ФИЗИЧЕСКАЯ**, а **ПОЛИТИЧЕСКАЯ**) брала верх.

Но если бы даже идеи Кенэ проникли в петербургские салоны, то вряд ли бы они получили одобрение Онегина. Мало того, что он обладал поверхностным умом – ему ещё было свойственно пренебрежение к крестьянскому труду. И вдруг именно этот труд объявляется единственно производительным! Конечно, это должно было расцениваться как отсталость мысли – **не комильфо**.

И хотя Н.Г. Чернышевский был далёк от того, чтобы гнушаться запахом крестьянского пота, однако он также унаследовал от русского дворянства отрицательное отношение к теории Ф. Кенэ. За отцом **ФИЗИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ** на два столетия укрепилась репутация ретрограда.

Поэтому нет ничего удивительного, что К. Маркс, занявшись изучением **ПОЛИТИЧЕСКОЙ** экономии, целую жизнь истратил на то, чтобы, наконец, осознать: да, ведь, они были правы, – эти похороненные А. Смитом физиократы! ...

Но трагедия состояла в следующем: осознав это, К. Маркс уже ничего не мог предпринять. За его спиной стояли пухлые тома «Капитала» – громадного по объёму произведения, с которым по существу никто не спорил. А если и спорили, то при этом выдвигались такие аргументы, которые не имели

отношения к **научной** стороне вопроса: они касались только политики. Истинно научный спор с теорией К. Маркса должен выглядеть почти так же, как с теориями А. Смита и Д. Риккардо. Однако эти теории до наших дней пользуются большим уважением, а физиократы всё ещё подвергаются всевозможным нападкам. Они получили частичную реабилитацию только благодаря К. Марксу.

Последняя страница четвёртого тома «Капитала», где К. Маркс **полностью** переходит на их сторону, выглядит чем-то микроскопическим по сравнению с тысячами страниц, на которых он подвергает их критике. Но, даже критикуя физиократов, Маркс не забывает отметить:

*«Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ **капитала**. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономики».*

А. Смит также один из классиков **буржуазной** политэкономии. Но дал ли он анализ **капитала** – пусть даже с буржуазных позиций?

Именно данный вопрос нам и следует рассмотреть. Ведь это чрезвычайно много, – **дать анализ капитала!** А какой анализ лучше, – буржуазный или пролетарский, – дело особое. Не уяснив этого, мы ровным счётом ничего не поймём в собственной истории.

Моё утверждение, что в наших бедах виноват Евгений Онегин, содержит некоторую долю юмора, но это печальный юмор. Мы вправе обвинить отечественную интеллигенцию в верхоглядстве: все духовные ценности она привыкла брать с Запада, но плохо разбиралась в том, что берёт. Так, например, западная интеллигенция, получив учение К. Маркса, не спешила применить его на практике. Западные интеллигенты, имеющие большой опыт интеллектуальной жизни, перевидали немало теорий, которые поначалу казались бессмертными, а затем преспокойно уходили в небытие. Поэтому они вполне резонно рассуждали: по крайней мере, раньше нужно дочитать Маркса до конца, затем делать выводы. А мы, не дочитав, схватились за оружие. Вот и попали в западню.

Мёртвых мы уже не воскресим. Однако будем беспощадны в анализе, чтобы сохранить живых, – детей и внуков наших. Эта задача даёт нам право разговаривать безбоязненно, – не считаясь с тем, что кому-то наши разговоры могут не понравиться. Врагом нашим является только невежество – ни один человек, любящий других людей, врагом ИСТИНЫ быть не может.

Итак, сосредоточим внимание на исходных субстанциональных позициях Ф. Кенэ и А. Смита первейших антиподов, чьи разногласия породили бурные события, из которых состоит история двух последних столетий. Страстных трибунов оставим в стороне: тот, кто говорит о главном, – разговаривает тихо. Кенэ и Смит не были трибунами, однако сотни пламенных Маратов не сделают того, что сделали эти тихие люди.

Адам Смит был моложе Ф. Кенэ почти на три десятилетия, однако на поприще экономики они выступили примерно в одно и то же время. Некоторая разница во времени имела только то значение, что А. Смит был не первый – он уже мог читать Ф. Кенэ, размышлять над его произведениями и подвергать их критике.

Вторая половина XVIII столетия была периодом бурного развития мануфактурного капитализма. Со всех концов света к берегам Темзы двигались корабли с колониальным сырьём, которое нуждалось в переработке. Это был мировой конвейер, начало которого скрывалось от глаз Адама Смита где-то за морями и океанами. И вот перед нами тот случай, когда психологические причины порождают самую чудовищную из всех ошибок человечества. Смит не мог понять физиократов – у него для этого не хватало жизненного опыта. То, что людям дарит земля, выгружалось из корабельных трюмов. Дальше начинался **труд людей** на предприятиях. Вот по какой причине земля, – её материнское лоно, – совершенно не учитывается в теории А. Смита. Корни экономического дерева повисли в воздухе. Однако Смит этого не замечает – ему кажется, что он охватил процесс производства полностью. На самом деле производства здесь **вообще не было**, так как оно, производство, вместе с землёй оставалось там, где загружались корабельные трюмы – то есть в колониях.

Следует также указать на то обстоятельство, что А. Смит по образованию был **филолог**. Свою трудовую жизнь он начинал как преподаватель литературы. С другой стороны, Ф. Кенэ всю жизнь отдал врачебной деятельности и только к 60-ти годам у него явилась мысль заняться **экономией**.

Впрочем, это было не совсем так: не он искал и, наконец, нашёл «Экономическую таблицу», а, по-видимому, **она сама нашла его**.

Почему я фиксирую внимание на этих фактах? Потому, что Ф. Кенэ в своей «Экономической таблице» остался **анатомом и физиологом**. Он отлично знает, что в человеческом теле существует орган, снабжающий весь организм энергией. Общество это некая сумма человеческих организмов, которые в своей физической сущности не отличаются друг от друга. Поэтому столица Франции имеет своё «Чрево», как в течение веков именовался парижский продовольственный рынок.

Всё это, конечно, было и в Лондоне. Но так уж случилось, что эдинбургский преподаватель литературы не заметил этого органа в английской экономике. Смит родился и вырос в семье таможенного чиновника; земледелие никогда не привлекало его внимания. К тому же английская промышленность опиралась не на собственное земледелие (его бы не хватило для такого размаха!), а на сельское хозяйство колониальных стран. На Англию и её промышленность работал почти весь гумусный слой земного шара, и, наконец, самое главное: недостаточное знакомство с естествознанием не позволило Смицу проявить ту **последовательность мысли**, к которой с молодых лет привык королевский врач Франсуа Кенэ.

Здесь уместно напомнить о другом враче, который открыл и обосновал **закон сохранения и превращения энергии**. Речь идёт о **Юлиусе Роберте Майере**. Произошло это через сто лет после открытия «Экономической таблицы», однако исходные позиции этих великих открытий одни и те же: и Кенэ, и Майер начинали с человеческого желудка, снабжающего организм энергией. Кстати говоря, именно Майер впервые указал на Солнце как единственный источник энергии, которым пользуются люди. Совершенно естественно, что эта энергия, прежде всего, приходит к нам в виде злаков.

При более глубоком изучении этого вопроса окажется, что закон сохранения и превращения энергии открыл не Майер, а Кенэ. Однако Ф. Кенэ исчислял энергию не в джоулях, а в ливрах – то есть именно так, как она может и должна исчисляться в экономике.

Но именно потому, что энергия, которой пользуется общество, приобретает характер **стоимости**, ни Смит, ни Рикардо, ни Маркс не поняли истинного смысла теории Ф. Кенэ. Не поняли потому, что у них не созрел ответ на вопрос: **что такое деньги?**

Впрочем, современники не поняли также и Майера – он закончил свою трудную жизнь в психиатрической больнице. **И то же самое** произошло с Сергеем Подолинским, – единственным из смертных, кто дал истинно научное объяснение прибавочной стоимости: это есть **ПРИБАВОЧНАЯ ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА!**

Достаточно соединить открытие Кенэ с открытием Майера – и мы легко получим то, что получил С. Подолинский. Но вот ведь какая эта проклятая проблема: **до сих пор** легко соединимое существует порознь – и поэтому экономическая жизнь остаётся областью легковесных теорий, которыми снабдили её весьма далёкие от естествознания Адам Смит и Д. Рикардо. Затем из их теорий появляется теория Маркса, а на ней – сталинщина. Так выглядит этот трагический генезис, который начинался весьма безобидно: далёкие от науки люди возомнили себя учёными. И мир почему-то им заплодировал: **браво, браво! Тем временем истинные учёные погибали в психиатрических больницах**. Из этого видно, что психиатры не проявляют особого «новаторства» – за этой наукой всегда было много грехов.

То обстоятельство, что энергия в экономике измеряется не какими-то хитроумными приборами, а ливрами, долларами, рублями, всегда создавало иллюзию, что основой политической экономии может служить **бухгалтерия**. Именно так понял «Экономическую таблицу» Ф. Кенэ его современник А. Смит – и с тех пор эта грубейшая ошибка гуляет по миру, угрожая человечеству всеобщим истреблением. **На самом деле экономия – это особая отрасль физики: она занимается энергетическими процессами общества.**

Смит изучил движение стоимости от корабельных трюмов через мануфактурные предприятия к покупателям. Всюду он видел **труд людей**, его это вдохновляло – он своей теорией сказал то, что полтора столетия спустя М. Горький выразит крылатой фразой: *«Человек – это звучит гордо!»* Против этого можно было бы не возражать, если бы не произошло опасное смешение физики с лирикой. «Низкие» истины науки были отброшены и забыты, физиология общества растворилась в

благочестивом преклонении перед проворными руками тружеников – и вот уже до слёз растроганный преподаватель литературы изрекает отнюдь нефизиологическую сентенцию: неверно, что чистый продукт создаётся только в земледелии – всякий труд создаёт прибавочную стоимость...

Мы только притворяемся, что не любим лести – все мы любим лести! Нам польстили, нас возвеличили – и мы обрадовались: вот она, истинная наука!

Здесь именно здесь (!) происходит затемнение проблемы, которое потянулось через века.

Затемнилась сама суть экономии как науки: она перестала понимать свой собственный предмет, то есть самоё себя. Вместо того чтобы изучать **энергетические процессы**, действующие в обществе, **экономика** из **физической** превратилась в **политическую**, занялась изучением **общественных отношений**. При этом она до такой степени срослась с политикой, что потеряла истинную субстанцию (единосущную, всеобъемлющую!) и сочинила для себя такую «субстанцию», с которой можно проделывать всё, что любому чиновнику вздумается.

Уже одно это свидетельствует о том, что после Адама Смита **экономика** соскользнула на платформу **субъективного идеализма**. В этом виде она досталась К. Марксу, который по недоразумению объявил её «материалистической». Но ведь сама её субстанция не есть материал, – где же здесь материализм?!

«Чистый продукт» физиократов получил наименование **«прибавочной стоимости»**. Этим было сказано то, что желал сказать Смит: **труд производит стоимость**. Формально это так, если имеются ввиду лишь денежные знаки. Но разве дело в одной только форме? Суть теряется при этом – истинная суть! Теперь ставка делалась не на ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, а на финансовые отношения. Природа вообще ушла из поля зрения экономов – они стали бухгалтерами и политиками, но не исследователями ПРИРОДЫ. И так это глубоко укоренилось, что нам с ними невозможно столкнуться; приходится обращаться к физикам.

Чистый продукт физиократов **можно** отождествить с прибавочной стоимостью только в том случае, когда имеется в виду **абсолютная** прибавочная стоимость – то есть изначальная, первичная, которая возникает в земледелии за счёт излишка. Солнечную энергию принимают только растения – эту школьную истину надо твердить снова и снова, так как политэкономы привыкли отрывать деньги от энергии. Измерительный прибор (деньги) или изготовленная из металла вещь приобретает в их глазах самостоятельную жизнь, хотя никакой энергии в себе не содержит. Немыслимо даже представить, чтобы какие-то энергетики, забыв построить электростанцию, удовлетворились бы одной трансформаторной будкой или даже вольтметром – и при этом получали сколько угодно энергии. А у политэкономов это «получается» в течение двух столетий!

Чистый продукт физиократов имеет характер **потребительной** стоимости – это есть излишек продовольствия, который крестьянин вывозит на рынок. И только на рынке зерно, мясо и т.д. становится товаром – то есть приобретает меновую стоимость.

Именно это **формальное** обстоятельство послужило теоретической основой для «Капитала» Маркса:

«Но откуда в таком случае берётся прибавочная стоимость, то есть откуда берётся капитал? Такова была проблема, стоящая перед физиократами. Их ошибка заключалась в том, что прирост вещества, который вследствие естественного произрастания растений и естественного размножения животных отличает земледелие и скотоводство от промышленности, они смешивали с приростом меновой стоимости. Для них основой была потребительная стоимость» (подчёркнуто Марксом – М.Р.).

Именно на формальном различии двух видов стоимостей – потребительной и меновой – зиждется гигантское сооружение, которое выстроил К. Маркс в «Капитале». Его «Капитал» питается всего лишь за счёт трансформаторной будки – электростанция Марксу не нужна.

Вот что натворил А. Смит! Благодаря людям типа Онегина за сто лет к смитовской теории так привыкли, что Маркс даже не замечает: его собственная теория прибавочной стоимости есть ничто, пустое место. Ведь от того, как мы называем пшеницу – потребительной или меновой стоимостью – её общее количество не меняется. Но именно она, пшеница, является основой производства. Ставить её в

один ряд с сукном, топорами, чайниками и т.п. нельзя потому, что эти товары появляются благодаря пшенице, а не наоборот.

В приведённой цитате Маркс не отрицает естественного прироста вещества – он только не отличает **органического** вещества (пищи) от вещества неорганического, из которого изготавливаются промышленные товары. Так причина подменяется следствием, а жизнь – бухгалтерской книгой. В результате получаем то, чего нет – то есть **абсолютный** нуль.

Физик об этом должен сказать так: здесь имеет место вопиющее нарушение закона сохранения энергии. А поскольку нигде во Вселенной это не возможно, то и сама теория не выдерживает критики.

И вот приходится признать: Евгений Онегин (то есть русский денди от культуры и науки) действительно виноват. Это благодаря его верхоглядству в России появилась сталинщина.

А не мистификация ли это?

Так что же, – дал А. Смит **анализ капитала** или не дал? Конечно, не дал, – ведь он вообще **не видел** производства.

Нас могут спросить: производство **чего**? В мануфактурных предприятиях люди работали и что-то производили. Сукно, гвозди, бутылки для вина и другие полезные вещи. Разве эти вещи не обладают стоимостью? Ведь покупатели платят за них деньги.

Так-то оно так, но вот вопрос: пойдут ли покупатели за сукном, если у них не будет хлеба? Например, ударила засуха, пшеницы собрано столько, что крестьянин сам едва сводит концы с концами. В город он ничего не везёт. Что в это время делают горожане? Они достают из сундуков самые ценные вещи и отправляются в деревню, чтобы правдами и неправдами обменять их на хлеб. Деньги отмирают – на них ничего купить нельзя. Если засуха ударит и на второй год, начинается повальный голод. Кому теперь нужны гвозди? Их, не покупают даже для гробов – хоронят вповалку. Можно ли в это время говорить о производстве прибавочной стоимости? А ведь **этот** процесс именуется **капиталом**...

Таким образом, мы выясняем, что производство прибавочной стоимости всегда начинается с земледелия, – с производства тех излишков, которые крестьянин вывозит на рынок. Просто и естественно. Даже непонятно: как всё это можно было затуманить?

Нет в деревне излишков продовольствия - нет никакого производства и никакой стоимости в городе. Деньги превращаются в фикцию – их можно печатать сколько угодно, но они равным счётом ничего не стоят.

А ведь домов, станков и даже золота не уменьшилось. Золото ценится только потому, что его прячут на будущее – оно выходит из употребления.

Если Адам Смит оторвал стоимость от земледелия, он оторвал её от производства вообще. О каком анализе капитала в данном случае можно говорить?

А вот физиократы действительно **дали** анализ капитала. Тут Маркс нисколько не ошибается. Но что это значит, – дать анализ капитала «в пределах буржуазного кругозора»? Хорошо это или плохо?

Думаю, это всё же лучше, чем **не дать** вообще или запутать дело до такой степени, что политэкономия превратится в ловушку для миллионов доверчивых людей.

Причём тут какая-то **буржуазность**, когда речь идёт о природе земледелия как такового, – то есть о его способности **наращивать органическое вещество**? Ни буржуа, ни пролетарии не едят сукна, бутылок, гвоздей. Даже золото не едят. И вряд ли буржуа съедает больше, чем пролетарий. Скорее всего, – меньше, так как он не занимается физическим трудом.

«Но, – скажут нам, – буржуа живёт в богатом особняке, а пролетарий вынужден ютиться в сырой трущобе».

Что же, замечание вполне резонное. Однако данный вопрос к экономии как науке не имеет отношения: она занимается вопросами производства, то есть **природой стоимости** как таковой. Здесь же речь идёт не о самом производстве, а о **распределении**, которое в данном случае крайне несправедливо. Решать эти вопросы должны партии, государственные учреждения, печать, литература,

политика. И, наконец, философия, раскрывающая перед человеком природу в целом – то есть сущность мира и сущность явлений.

На этой основе формируется этика. Последняя действительно может быть буржуазной или пролетарской – в зависимости от того, как мы понимаем **справедливость**. Буржуа кажется справедливым то, что он эксплуатирует рабочих, – ведь эксплуатация действительно существует! Рабочим это кажется злостной несправедливостью – они обязаны объединяться, чтобы сообща отстаивать свои права.

Всё это важно, всё нужно. Из этого состоит жизнь на земном шаре. Но этика не есть экономия в такой же степени, как она не является медициной.

Что было бы с больным, если бы медики вместо трезвого анализа и диагноза начали изливать свои эмоции по поводу несправедливости природы, посылающей нам болезни? Разве этого ждёт от них пациент? Сочувствие, конечно, ему необходимо, но ещё больше необходим квалифицированный диагноз. В противном случае врач превратится в шамана.

У врача существует профессиональная этика. Должна она существовать также у эконома. По моему убеждению, смысл её состоит в том, чтобы, не поддаваясь политическим спекуляциям, бесстрашно ставить научный диагноз **ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ** явлениям, на которых основана **ОБЩЕСТВЕННАЯ** жизнь.

ЭКОНОМИЯ – ЭТО МАТЬ ФИЗИКИ, а не поприще для политической игры или пустого резонёрства.

Именно с этих позиций зададим следующий вопрос: правильно ли оценил Маркс заслуги физиократов перед человечеством? В общем и целом правильно, так как ни до них, ни после них никто из смертных (в том числе и сам Маркс) не дал истинного анализа капитала. Дали только они, – физиократы. Их можно дополнять – и Сергей Подолинский дополняет. Но основа, выработанная физиократами, остаётся **незыблемой**.

Тогда почему физиократы дали анализ капитала именно с буржуазных позиций? Как это следует понимать?

Оказывается, это следует понимать так: если излишки продовольствия в деревне образуются за счёт природы самого земледелия, которое способно **умножать наш труд** – это есть экономия буржуазная. И наоборот: если эти излишки образуются за счёт эксплуатации человеческого труда (при этом даже **сама земля** объявляется орудием эксплуатации!) – это есть экономия пролетарская. В данном случае она совершенно официально именуется политической.

Современный американский фермер кормит не менее 40 членов общества. И кормит так, что остаются огромные излишки, которыми Америка снабжает другие страны. Следовательно, он кормит не 40 человек, а гораздо больше. Вот это и есть истинная прибавочная стоимость – то есть производство **чистого** продукта. Такого продукта, который позволяет 96% американцев и огромному количеству людей за пределами Америки не думать о том, откуда на их столе появляется пища. Так что же – мы все вместе эксплуатируем американского фермера, который чаще всего обходится трудом собственной семьи? Если **продукт** земледелия по учению К. Маркса следует выводить не из природы, а только **из труда** (исключительно из труда!), тогда почти полмира сегодня паразитирует на труде американских и канадских фермеров. Может ли земной человек уважать себя после этого?!

Для К. Маркса крайне важно, какая перед нами стоимость по форме, – потребительная или меновая. Он упускает из виду тот простой факт, что без потребительной стоимости не может быть меновой. И если физиократы это понимали, то они, по мнению Маркса, своей наукой обслуживали буржуазию, – так как пролетариям входить в подобные тонкости нет надобности. Что же это такое – возвеличение или оглушение пролетариата?

По-видимому, ни то, ни другое – это всего лишь свидетельство огромной ошибки, которая тянется через века. И всё же я не могу избавиться от вопроса: ошибка это или сознательная мистификация?

Ведь начальные строки «Критики Готской программы» свидетельствуют о том, что Маркс отлично сознавал: **не труд**, а природа является субстанцией стоимости. Почему же он забывает об этом на тысячах других страниц?

О мистификации возникает мысль тогда, когда изучаешь, как у Маркса объясняется **абсолютная** земельная рента.

Сначала вообще о ренте. Для Маркса безразлично, как используется земля, – под застройки, железные дороги и т.д. или же для выращивания сельскохозяйственных культур. Для него важно только то, что любой клочок земли приносит ренту. Откуда она появляется? По мнению Маркса, рента появляется из общей несправедливости капитализма – этот строй установил цену земли. Поскольку рента возникает из труда, а не из природы, то, естественно, земля вообще ничего не стоит. Так точно, как ничего не стоит железо – стоимостью обладает приложенный к нему труд. Короче говоря, марксизм **уравнивает землю с машиной**: производит не машина, а человек. И в земледелии также. Не земля родит – родит труд человеческий. Таков лейтмотив марксизма, – основа, на которой зиждется его учение.

Разберём вначале это фундаментальное положение, ибо здесь скрывается та **изначальная** ошибка, которая порождает все остальные. Машина действительно возникла из человеческого труда – в этом нет никакого сомнения. Но можно ли так сказать о почве? Здесь мы снова видим: Маркс не замечает разницы между **органическим** (солнечным) и **минеральным** (земным).

Монголы и казахи никогда не обрабатывали землю, – то есть не прикладывали к ней собственного труда; и всё же земля как-то их кормила. Кормила недостаточно – не позволяла удовлетворять потребности растущего населения. Когда население возросло выше естественной нормы, монголам не оставалось ничего иного, как отправлять лишние рты в грабительские набеги. Так были порабощены Россия, Украина и другие земли – порабощены исторгнутыми из пределов Монголии лишними ртами.

Даже сегодня необъятные пространства Монголии насчитывают не более одного миллиона жителей. По-видимому, в 1918 году монголов было ещё меньше, зато скота насчитывалось около 10 миллионов голов. Так это и должно быть там, где народ кормится за счёт животных.

Поясним эту мысль подробнее. Земля не пашется, на ней не выращиваются злаки. Она родит то, что для человека несъедобно – грубые травы. Хлеба у людей нет. Чтобы прокормиться, человек разводит огромное количество животных. Он превращает их в белковые машины, перерабатывающие в своих организмах жёсткий, малокалорийный корм. Стремясь насытиться, животное обязано почти целые сутки жевать. Фактически это один лишь передвигающийся желудок. Не будь этого неутомимого желудка, человеку самому пришлось бы как-то привязаться к фотосинтезу. Но ведь человек перестаёт быть человеком, если вся его жизнь будет посвящена одному лишь насыщению. Вот почему люди, чтобы остаться людьми, должны иметь такую пищу, которая способна насыщать за 10 – 15 минут. Остальное время посвящается деятельности, которая достойна человека.

Такую пищу человек получил в зёрнах злаков. Хлеб по своей калорийности не уступает мясу. Мясо для земледельца – всего лишь праздничное лакомство. Основой его существования становится хлеб, животные используются для полевых работ. Их теперь требуется значительно меньше. Для их прокормления служат отходы земледелия: солома, полова, отсева мукомольных предприятий. Используются также травы (сено), однако в меньшем количестве, чем раньше. Иногда человек как бы вступает в обмен с природой – скармливает скоту часть зерна, чтобы получить больше мяса. Но это для него не является жизненной необходимостью – здесь человек удовлетворяет дремлющего в нём хищника. По своей природе он мог бы полностью переключиться на растительную пищу – надо только, чтобы она была достаточно калорийной.

Теперь вернёмся к вопросу: обладает ли земля стоимостью? Можно ли в экономике исходить из убеждения, что земля вообще **ничего не стоит**?

Монголы и казахи по способу жизни только потому не были горожанами, что жили среди своих стад, не пользуясь благами цивилизации. Однако по своим производственным показателям они мало чем отличались от горожан: существовали за счёт ренты, ничего не делая для её производства. Ведь то, что они присматривали за пасущимися стадами, вряд ли можно назвать производством ренты. Здесь нагляднее всего проявляется тот факт, что рента **производится именно землёй**.

Однако нам снова могут сказать: они пользовались **потребительной** стоимостью, а прибавочная должна выводиться из меновой. Но почему? Неужели только ради удобства считать деньги? Ах, учёные граждане! Оторвитесь, наконец, от бухгалтерской книги – из неё не течёт молоко. Его можно получить только от реальной коровы.

Теперь рассмотрим труд земледельца. Мотыжный способ земледелия требовал от человека огромных затрат физического труда. Кстати говоря, в век изобилия тракторов наши люди начали возвращаться к мотыжному способу обработки земли, – на приусадебных участках земля чаще всего не пашется, а вскапывается лопатой. Вот здесь-то действительно можно сказать, что рента появляется **из труда**: около 50% молока, мяса и яиц наш народ получает за счёт приусадебных участков. А пахотной земли под этими участками – всего 2 – 3%! Возможно, эти цифры не обладают полной точностью – суть не в этом, а в том, что ошибочные формулы экономических теорий порождают ошибочные направления экономических процессов. Чем же это может завершиться, если мы не очнёмся и не увидим истинного положения вещей?

Поэтому вернёмся к **нормальному** земледелию – то есть к тому земледелию, которое зиждется на убеждении: земля (почва, гумус) не только обладает стоимостью, но является единственным **производителем** стоимости. Вместе с Солнцем, конечно. Но Солнце мы не истощим (это нам не по силам!), а почва повсюду истощается.

Земля под застройками, железными дорогами и т.п. также приносит ренту, но она приносит её потому только, что существует земледелие. Это всего лишь бухгалтерская рента, но не истинная.

Давайте вообразим, что уже не осталось земли для сельскохозяйственных культур – вся она застроена. **Труда** на это затрачено невообразимо много. А как же рента (то есть доход от излишков продовольствия) – увеличится от этого труда или уменьшится? Ответ напрашивается сам собой...

Вот почему политэкономия, оперирующая всего лишь бухгалтерскими категориями (в отрыве от естествознания) не только не помогает нам разобраться в экономических процессах, а порождает неслыханные заблуждения и экономические уродства.

Земледелец недавних времён пахал поле, косил, молотил и т.д. при помощи животных. В отличие от тракторов они **производят** удобрения. А ведь животные – это также природа. Животных он кормил отходами земледелия, а зерно полностью доставалось ему. Зерна производилось столько, что его хватало и для самих земледельцев, и для растущих городов.

Можем ли мы сказать, что излишек хлеба появляется из труда земледельца? Если перед нашими глазами не сама жизнь, а только соответствующим образом разграфлённый гроссбух, тогда с большими натяжками (то есть всецело отдавшись бесформенному формализму!) можно так сказать. Но ведь в реальной жизни это совсем не так!

Всё дело в самой природе злаков – в том, что злаки имеют колосья с зерном. Мы уже этот пример приводили: из одного зерна пшеницы вырастает 30 – 40 зёрен. А ведь из одного килограмма железа нельзя изготовить 30 килограммов гвоздей. Отсюда ясно: уравнивать землю с машиной **нельзя** – это превращает науку в кошмарный миф, угрожающий нам неисчислимыми бедствиями.

Затраты труда в земледелии окупаются **во много раз**. На этом и зиждется капитал – фактически он зиждется **на злаках**, на их безмерной щедрости. Это и есть великий, воистину **святой** Дар Природы!

Сегодня животных на полевых работах заменили моторы, которые питаются не соломой и не зерном, а бензином. Люди начали разводить не рабочий, а мясомолочный скот. Произошло вот что: раньше люди пахали соломой, теперь они её съедают. Съедают, конечно, не в виде соломы, а в виде молока и мяса. Никогда раньше человек не имел в своём рационе такого количества мясных продуктов, как в наше время.

Если очистить энергетические потоки от затмевающего влияния денежной мишуры, тогда мы увидим следующее: человек из глубин земли поднял таящуюся там солнечную энергию далёких эпох (уголь, нефть, газ) и включил её в производство. Заменяя ею мышечную энергию животных, он **полностью** освободил земледелие от непроизводительных расходов. Эти непроизводительные расходы состояли из того, что человек вынужден был делиться прибывающей от Солнца энергией с рабочим скотом. Сегодня он ничем не делится – всё берёт **для себя**: зерно плюс солома. Это

неизмеримо увеличило рентабельность земледелия. Вот по какой причине современный фермер способен кормить 40 – 50 человек городского населения.

Сегодня появились проекты заводской переработки нефти на корм для скота. А кое-кто даже мечтает таким образом производить пищу для людей. При этом не сознаётся самое главное: в данном случае мы **отключаемся** от Солнца (то есть от фотосинтеза) и переходим на **проедание** будущего. Земной шар при этом не обогащается **прибывающей** из Космоса энергией (она-то, собственно, и есть **абсолютная рента**), а наоборот: происходит усиленное истощение энергетических источников.

Возможно, это могло бы стать рентабельным только в том случае, если бы мы овладели термоядерной энергией. Тогда энергию фотосинтеза **прошлых эпох**, законсервированную в угольных и нефтяных источниках, можно было бы перерабатывать на молоко и мясо. Сейчас мы её также перерабатываем, однако это опосредованная переработка – через земледелие. Оно же, земледелие, отличается от промышленности тем, что здесь происходит естественный прирост органического вещества – то есть обогащение земного шара энергией, которая затем выступает под личиной прибавочной стоимости.

Карл Маркс не отрицает этого прироста: я приводил пример, который показывает, что он его признаёт. Но тут у него появляется «спасительная» лазейка: это ведь **потребительная** стоимость. И потому, что такая стоимость не подходит ему **по форме**, он списывает со счёта и сам прирост: дальше он просто исчезает!

Именно здесь начинаешь подозревать недобрую мистификацию. Пусть А. Смит и Д. Риккардо не понимали природы земледелия – учитывая психологию англичанина, делающего ставку на корабельный трюм, это можно представить. Но ведь Маркс **понимает**, что в земледелии существует **прирост** органического вещества! Почему же он, сознавая это, выводит ренту из человеческих мышц – зачем ему это нужно?

Наиболее вдохновенным произведением марксизма я считаю «Манифест коммунистической партии». О нём следует говорить особо. Здесь я хочу только обратить внимание читателя на его **теоретический** фундамент. Всё (решительно всё!), к чему призывает «Манифест», происходит из предпосылки, что буржуазия «...превращает труд в капитал, в деньги, в земельную ренту».

Тут ясно видно: в дальнейших теоретических метаморфозах **прирост** исчезает вовсе – уже не по форме, а по существу.

Подумать только: на земном шаре существует превращение труда в земельную ренту! Да что же это такое: человек породил землю или земля – человека?! Как можно было до этого додуматься? И, тем не менее, именно это утверждение является основой «Капитала», как и всего марксизма в целом. Уберите эту предпосылку – и пламенные призывы «Манифеста» лишатся живительных корней. Останется великолепная публицистика без какого бы то ни было теоретического обоснования.

Вдумаемся в этот ряд понятий: капитал, деньги, земельная рента...

Только люди, оторванные от естествознания, могли создать такой ряд, полагая, что он качественно однороден. Да, можно записать уравнение: *капитал = земельная рента*. Но деньги...

Это должно звучать примерно так: эрги, джоули, вольтметры. То есть **энергия** и **приборы**, при помощи которых она измеряется, оказываются в одном ряду, теряя качественное различие.

Как можно **труд** превращать в деньги – то есть **энергию** превращать в измерительные **приборы**? Ведь перед нами не просто публицистика, а **теория**. Конечно, и на печатание денег, и на изготовление измерительных приборов расходуется энергия. Но ведь не это имеется в виду.

Дальше. Земельная рента есть доход от плодородия земли. Можно ли человеческий труд превращать в плодородие почвы? Как это обосновать с точки зрения закона сохранения и превращения энергии?

Если мыслить труд как руководство энергетическими процессами самой природы, тогда можно так сказать. Но это снова публицистика, а не научная теория. Минеральные удобрения появляются **не из человеческого труда**, а из энергетических процессов, в которых труд выступает как направляющая сила. Повышать плодородие почвы за счёт энергии человеческих мышц можно только на войнах и в концлагерях, где сами эти мышцы превращаются в удобрения.

Научная теория не может опираться на публицистический темперамент – она должна иметь в своём распоряжении достоверные **факты**. Но где же существуют факты превращения **труда в ренту**?

Я отношусь к людям, чья жизнь от первого сознательного шага и до старости направлялась вдохновенными строками «Манифеста коммунистической партии». Я любил его – это было моё евангелие. Его публицистическая страсть убеждала и окрыляла меня. Но что же я могу поделать, если сегодня отчётливо вижу: теоретическая основа «Манифеста» смертельно ошибочна?!

Вот какую структуру государства она порождает:

«1) экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов». Это первая мера, которую «Манифест» предлагает осуществить сразу после пролетарской революции. Вслед за этим предлагается централизация транспорта в руках **государства**, увеличение числа **государственных** фабрик, учреждение **промышленных** армий – *«...в особенности для земледелия».* Последнее выделяется и по форме, и по содержанию.

Надо помнить: всегда, в любом случае переход экономики в руки государства истребляет капитал как таковой. **Государственный** капитализм только тогда остаётся капитализмом, когда законы государства направлены на его защиту и сохранение. Капитализм может быть основан только на **частной и общинной** собственности, но никак не на государственной. Это можно считать законом природы. Яснее это станет тогда, когда мы изучим «Таблицу» Ф. Кенэ. Но вкратце можно сказать так: если остаётся **свободный рынок** – остаётся капитал. И наоборот.

Из «Манифеста» видно, что Маркс и Энгельс ставили в основу всех общественных преобразований переход средств производства в руки государства. Именно поэтому они боролись против капитала. В данном случае они были вполне последовательны.

Если к этому присовокупить выдержки из статьи Ф. Энгельса «Об авторитете», то ничего больше и не нужно, чтобы понять, на какой почве могла появиться сталинщина. Вот, например, строки из этой статьи:

«Революция, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать своё господство посредством того страха, который внушает реакционерам её оружие».

Вот ведь какие выводы возникают на таком, казалось бы, отвлечённом понятии, как природа денег!

Сначала создаётся **видимость науки**, затем эта видимость становится основой для практических выводов. А выводы перед нами.

Ну, хорошо – согласимся, что революция иначе выглядеть не может, – Ф. Энгельс вполне реалистично нарисовал её кровавый облик. Согласимся также с тем, что в какой-то исторический момент она необходима. Но ради чего? – Вот вопрос. Неужели ради того, чтобы земельная рента была обращена на покрытие расходов государства? Оказывается, именно ради этого! В свою очередь рента по «Манифесту» – это превращённый в плодородие земли труд промышленных армий. Да, целых армий, – так и написано. Кстати сказать, Энгельс любил, чтобы его величали *«Генералом»*...

Когда мы задумаемся в эти основополагающие строки «Манифеста», сразу станет ясно, на какой основе Маркс и Энгельс предполагали строить коммунизм: на костях пролетариев, превращённых в трудовые армии. Для этого нужно было разрушить учение физиократов, которое выводило прибавочную стоимость **из природы**. И вот мы видим: американская земля не требует **трудовых армий** для её обработки – там энергия добывается не из человеческих организмов, а действительно **из природы**. А у нас до сих пор создаются трудовые армии из студентов, учёных и т.д. Да разве коллективизация не была насильственным созданием трудовых армий для земледелия? Оказывается, это не Сталин придумал, что государство и его правящая партия **держатся на штыках**, которые не только можно, но и нужно применять против собственного народа. – Сталин получил всё это в готовом виде! Ведь реакционером можно объявить всякого, кто сомневается в целесообразности трудовых армий и *«...обращения земельной ренты на покрытие государственных расходов».* Из «Манифеста»

вытекает, что **земля и труд на ней** необходимы ради существования о некоего Генерального Совета, который становится во главе мирового государства. А ради чего существует само государство – это снова же известно только Генеральному Совету...

Неутешительные выводы напрашиваются из всего этого. Похоже на то, что ошибка Адама Смита и его преувеличенный авторитет послужили основой для той мистификации, которая должна оправдать неслыханный произвол.

Были у нас и «промышленные армии», состоящие из миллионных толп «революционеров», согнанных за колючую проволоку. Земля наша до сих пор «ничего не стоит» ведь она **нерентабельна**. Мы – единственное государство в мире, где земля потеряла рентабельность! Хлеб, купленный во Франции за проданную нефть, обходится нам дешевле, нежели тот, который выращивается в совхозах. Рентабельными остаются только клочки земли, где процветает мотыжный способ обработки.

Да, мы знаем – всё это произошло, превратилось в реальность. Но не потому ли произошло, что **сознательно** готовилось?

Нелегко мне сегодня избавиться от этой горькой мысли. Я пытаюсь найти какие-то оправдательные мотивы для К. Маркса и Ф. Энгельса, но их становится всё меньше.

Вот передо мной письма К. Маркса о деятельности Генерального Совета. Обратите внимание на форму написания! А ведь даже Солнце и Земля (как планета) в произведениях Маркса и Энгельса пишутся с малых букв. Главенствующая роль в Совете, конечно, принадлежит Марксу и Генералу. Некоторые члены интернационала осмеливались критиковать Генеральный Совет. Они немедленно становились «тщеславными», «честолюбивыми, пустыми доктринами». Трудно даже перечислить все бранные эпитеты, какими наделял Маркс своих доброжелательных критиков. Он – грозный бог и всякую критику по своему адресу воспринимает как богохульство. Особенно досталось Бакунину:

«Для г. Бакунина его доктрина (белиберда, составленная из кусочков, взятых у Прудона, Сен-Симона и пр.) была и есть дело второстепенное, лишь средство для его возвеличения. Но если он в теоретическом отношении нуль, то как интриган – он в своей стихии.

Генеральному Совету приходилось годами бороться против этого заговора...».

И не только письма – «Капитал» также пересыпан подобными высказываниями по поводу различных школ и отдельных личностей. Всюду Маркс подозревает тщеславие, интриги, желание во что бы то ни стало добиться личного возвеличения. Откуда это в нём?!

Как писатель, задачей которого является изучение тайных движений человеческой души, я не могу не задать этого неприятного вопроса. Я понимаю: борьба есть борьба. Резкое словцо в этой борьбе подчас не только не мешает – оно даже необходимо. Но если вся твоя **теория** основана на **формальном** (!) различии двух видов стоимостей (потребительной и меновой), то само собой разумеется, что: **1 - 1 = 0**.

Ведь количество калорий не мешается от того, что у ворот рынка пшеница обладает потребительной стоимостью, а когда воз оказался на рынке – та же самая пшеница немедленно становится товаром. Маркс в такой же мере абсолютизирует терминологию, как и собственную непогрешимость: из **самой терминологии** он выводит энергию. Эта несуществующая энергия и становится у него прибавочной стоимостью. Но, по его мнению, это не нуль, а именно то, на чём должна основываться деятельность Генерального Совета. В будущем Маркс видит его во главе мирового пролетарского государства. Граждане этого государства должны быть организованы по армейскому образцу. Не только рядовые всемирной армии, но даже такие самобытные личности, как Бакунин, не смеют и заикнуться, что они не во всём согласны с Марксом ...

Так оно готовилось, так и осуществилось. Ленина я обязан исключить из этого разговора – у него особая судьба. Там, где Ленин шёл за Марксом, он **не мог** не повторить его ошибок: он верил – и это надо понять. Но Ленин раньше других осознал, что буквально следовать Марксу нельзя! Особенно это относится к последним годам жизни Ленина, когда он разрабатывал НЭП. Посему деятельность Ленина требует отдельного разговора.

Сегодня я всё меньше верю, что у К. Маркса и Ф. Энгельса это были только **ошибки**. Достаточно вспомнить отношение Маркса к **абсолютной** земельной ренте. История этого вопроса ярче всего

проливает свет на побудительные мотивы, которые в течение жизни руководили Марксом и Энгельсом. К. Маркс под конец жизни покаялся, хотя и очень глухо, сквозь зубы. Энгельс не калялся никогда. Наоборот, он пытался скрыть раскаяние К. Маркса. Известно, что Ф. Энгельс хотел сделать значительные купюры в четвёртом томе «Капитала», но почему-то не решился на это. Зато в течение двенадцати лет, на которые он пережил К. Маркса, Генерал так и не нашёл возможности опубликовать завершающий том «Капитала», последняя страница которого опрокидывает прежние выводы Маркса о природе абсолютной ренты.

Нигде не осталось конкретных указаний на то, какие именно купюры предполагал сделать Ф. Энгельс. Мы можем только догадываться об этом. Само собой разумеется, что многие высказывания К. Маркса о физиократах, которые я приводил в первой книге, разрушают представление о цельности, монолитности экономической теории К. Маркса. На многих страницах он колеблется между физиократами и А. Смитом. К физиократам он относится совершенно иначе, нежели А. Смит – он **понимает глубину и правомерность** их теории. Но именно то, что он это **понимает**, – наводит нас на мысль, что К. Маркс пошёл по следующему пути: да, физиократы правы, но **формально** я могу принять за основу теорию трудовой стоимости А. Смита и Д. Риккардо. Ведь она повсюду официально признаётся – кто меня за это осудит? Следует лишь совершить небольшой поворот ключа – и теория эта становится такой, как нужно для дела ... Когда и где совершается этот поворот – мы рассмотрим дальше.

Подход к «Экономической таблице»

Абсолютная земельная рента и классификация общества по Ф. Кенэ.

Поскольку К. Маркс хорошо знал и понимал теорию физиократов, он не мог не понимать подлинную сущность абсолютной земельной ренты.

Повторим: рента в общепринятом смысле – это доход, извлекаемый из любого участка земли, независимо от того, как он используется, – под застройку, под угольную шахту или под посевы. Здесь также наблюдается смешение понятий – тот же сугубо бухгалтерский подход вместо природоведческого. Но в этом случае можно ещё как-то с ним мириться. Однако **абсолютная земельная рента** – это, собственно, есть то, что у физиократов именуется **«чистым продуктом»**. Речь идёт исключительно о **приросте органического вещества** и о доходе от него.

А. Смит и Д. Риккардо не понимали роли этого **прироста** – не сознавали того, что именно он является источником прибавочной стоимости. Источником для них являлся труд и только труд, а что его питает – этот вопрос они удалили из поля зрения как «несущественный».

Д. Риккардо ещё твёрже, чем А. Смит делал упор на труд: теория трудовой стоимости у Риккардо становится основой политической экономии. По этой причине Риккардо отрицал абсолютную земельную ренту – она для него попросту не существовала.

Для человека, который в силу непоследовательности мышления не понимает исходной позиции физиократов, такое отрицание выглядит естественно. Оно может восприниматься нами как грубая ошибка, но не мистификация.

Как же это выглядит у Маркса, – ошибался он или мистифицировал? До сих пор его исходную позицию я оценивал как следствие ошибки. Однако здесь я вынужден заявить откровенно: вероятность мистификации далеко не равна нулю.

Маркс не мог не сознавать: пока мы не решили вопрос о том, как быть с **абсолютной** земельной рентой, – теория физиократов выглядит более стройной и законченной, чем любая другая. Следовательно, для абсолютной ренты надо найти какое-то иное объяснение, – но, всё же, его надо найти! Просто отрицать, как это делает Д. Риккардо, – слишком прямолинейно. Пытаясь понять смысл этого отрицания, цепкий ум легко вернётся к физиократам и тогда вся политическая надстройка, которую соорудил на своей теории К. Маркс, немедленно рухнет.

И вот он критикует Д. Риккардо **за его отрицание абсолютной** земельной ренты; критикует в строках, которые я уже приводил в первой книге:

«Для того чтобы сохранить категорию стоимости – не только определение величины стоимости различной величиной рабочего времени, но и определение субстанции стоимости общественным трудом – требуется отрицание абсолютной земельной ренты» (подчёркнуто Марксом – М.Р.).

Сказано это мимоходом – сказано по поводу того, что Д. Риккардо отрицает абсолютную земельную ренту якобы **ради защиты своей теории**. Однако К. Маркс в данном случае проявляет неосторожность, – сам того не желая, он выдаёт нам собственный приём, который состоит в следующем: абсолютную земельную ренту физиократов **похоронить нужно**, однако делать это следует умеючи.

То обстоятельство, что теорию трудовой стоимости можно утвердить **только на основе отрицания** абсолютной земельной ренты, для Маркса вполне очевидно. Он более искущён в политической экономии, чем Риккардо, который строит свою теорию на внешней видимости явлений. Маркс проник в глубину теории физиократов: он-то знает, что эту теорию голыми руками не возьмёшь.

И вот он весьма искусно начинает вязать рукавицы, чтобы ухватить эту теорию за горло, – **придумывает** собственную теорию абсолютной земельной ренты. Его всегда выручала бухгалтерия. Коль так уж повелось в этом мире, что люди перепутали экономию с бухгалтерией, то и в данном случае можно воспользоваться всеобщим непониманием.

Если бы Маркс не сделал этого шага, – то есть не сочинил собственной теории абсолютной земельной ренты, – ещё можно было бы поверить, что он просто ошибался. Но здесь его «ошибка» выглядит чересчур сознательно. Приведу такой пример. Обнаружив, что у меня пропал кошелек с деньгами, я могу подумать, что он просто потерялся. Но если в кармане вместо полного оказался пустой кошелек – да ещё чужой (!) – тут уж не приходится сомневаться, что его **подменили**. И уж, конечно, такую подмену признать бескорыстной никто не решится.

То же самое произошло в данном случае: подмена полного – пустым.

По Марксу абсолютная земельная рента есть всего лишь **разница** между производительностью худшего и лучшего участков земли. Рыночные цены формируются по уровню стоимости продуктов, которые производятся на худших участках – иначе невозможно предположить, что худшие участки вообще кто-то стал бы обрабатывать. Ведь, так или иначе, земледельцу надо иметь какой-то доход. А если он арендует землю, то ещё следует внести арендную плату.

Тот счастливец, который имеет лучший участок земли, в дополнение к средней прибыли получает излишек денег. Этот излишек по Марксу и есть абсолютная земельная рента.

Как и всё у Маркса, **внешне** это кажется убедительным. Но давайте зададим следующий вопрос: что же происходит с абсолютной рентой тогда, когда упраздняется частная собственность на землю? Возьмём для примера сельское хозяйство нашей страны, – производит оно абсолютную ренту или не производит?

«Нет, не производит и не должно производить», – весьма уверенно ответят наши экономисты. При этом у них даже не мелькнёт мысль, что в этом ответе скрывается какая-то ошибка. Все продукты у нас поступают в общее распределение, все они продаются по единой цене. Короче говоря, наша политэкономия абсолютную земельную ренту считает явлением сугубо капиталистическим:

«Земледельческие продукты продаются по цене, соответствующей их стоимости, которая определяется условиями производства на худших участках земли, то есть выше, чем общая цена производства. В какой мере эта разница может быть реализована и превращена в абсолютную ренту, зависит от уровня рыночных цен, который устанавливается в результате конкуренции».

Отсюда вытекает, что при социализме абсолютной земельной ренты быть не может.

Но вот вопрос: существует ли при социализме **прирост** живого вещества в земледелии или он также отсутствует? Конечно, на этот вопрос каждый нормальный человек ответит утвердительно. Если бы его не существовало, чем бы питались люди, которые не занимаются земледелием?

И тут мы легко обнаружим, что Маркс совершает подмену понятий, – попросту уводит нас совершенно в другую сторону. Его «абсолютная рента» даже близко не стоит к проблеме, которую решали физиократы и вообще должна решать экономия как наука. Физиократы занимались природой, её законами, а Маркс в данном случае занимается голой бухгалтерией.

Ведь **абсолютная земельная рента физиократов** – это, в конечном счёте, есть **энергия прогресса**, а деньги – только её отражение, измерительный инструмент. Не будь энергии прогресса, не нужны были бы и деньги, так как нечего было бы измерять. Но при этом исчезли бы с лица земли все города и люди вернулись бы к первобытному образу жизни.

Однако К. Марксу нужно утвердить следующее:

«При капитализме создаётся ложная видимость, будто рента ... есть продукт земли, а не труда. На самом же деле единственным источником земельной ренты является прибавочный труд, прибавочная стоимость».

Короче говоря, пшеницу родят человеческие руки, мышцы, но не почва и не Солнце. Последние – решительно ничего не производят.

И Марксу удалось это утвердить! Казалось бы, ни один нормальный человек не в состоянии представить, что земледелие может существовать без естественного **прироста** живого вещества. Ведь тогда бы мы собирали ровно столько семян, сколько бросаем в землю. Всё происходило бы точно так же, как на фабрике: сколько переработано сырья – столько его оказалось в товаре. И всё же люди в академических мантиях вопреки здравому смыслу продолжают опровергать то, что ясно даже ребёнку.

Впрочем, К. Маркс не такой простак, чтобы отрицать естественный прирост живого вещества в земледелии. Мы уже это выяснили: не отрицая самого прироста, он затемняет дело при помощи терминологических излишеств. Для одного и того же предмета вводится несколько терминов: потребительная стоимость, меновая стоимость и просто стоимость. Хотя перед нами **всё та же пшеница**; и её общее количество не изменилось, но, меняя названия, можно увести нас от самой пшеницы к гроссбуху, где от графы к графе она теряет свойства пшеницы и превращается в некую абстракцию. На этих абстракциях мы окончательно запутываемся и уже начинаем утвердительно кивать головой: да, конечно, это не пшеница – это **овеществлённый труд**. Чей труд овеществлён в пшенице, – труд земли и Солнца или только человеческий? Но ведь глупо говорить о труде природы, – разве природа трудится? И нам даже в голову не приходит заменить слово «**труд**» словом «**работа**» или «**энергия**» – тогда бы мы поняли, что **энергия производится самой природой**. На этом мы и попадаем в ловушку ...

Вдумаемся в логику теории абсолютной земельной ренты, которую предлагает К. Маркс. Почему же просто **рента** – это овеществлённый в продуктах земледелия прибавочный труд, а **абсолютная рента** – чистый продукт, то есть Дар Природы? Если вспомнить, как расселялись американские колонисты, то мы поймём: это дело случая, кому какой участок достался, – худший или лучший. Кто раньше прибыл в Америку – тот получил лучший участок, и наоборот. Но общий смысл таков: **не люди** создавали почву – её создала природа. Дальнейшее её состояние зависит от людей, – жить в дружбе с природой или стать хищниками.

Теперь вспомним следующее: затраты труда окупаются по условиям обработки **худшего** участка. Следовательно, то, что К. Маркс именуется абсолютной рентой, владельцу **лучшего** участка достаётся **без труда**. Тут уж как ни верти, а приходится признать, что источником ренты является **сама земля**.

Истина, изгнанная Марксом через дверь, возвращается через окно: оказывается, её не так-то просто изгнать, – даже при помощи искусного крючкотворства! Мистифицируя проблему (то есть пытаясь опровергнуть, что плодородие земли – общий источник прибавочной стоимости), Маркс, вопреки собственному желанию, только подтверждает опровергаемое. Ведь, само собой разумеется: **большой** процент ренты, полученный за счёт лучшего участка, и меньший её процент, производимый худшим участком, имеют **одну и ту же** природу. Больше или меньше, а всё оттуда же, – **из земли!**

Зачем была нужна Марксу эта мистификация? В самом ли деле он пытался освободить труд от **власти капитала**? Или стремился разрушить капитал во имя целей Генерального Совета, который

желал получить в своё распоряжение неисчислимые армии пролетариев? А как надо жить и что следует делать пролетарским армиям – это продиктует Генерал ...

К сожалению, я вынужден повторить: вероятность этого далеко не равна нулю. Такую подмену понятий нельзя совершить по ошибке!

На самом деле освобождение от власти капитала – это освобождение от излишков продовольствия. Так это выглядит по теории физиократов, так это оказалось и в нашей практике. То, что мы видим вокруг – легко убеждает, что экономическая теория является истинной.

Цель мистификации становится особенно ясной тогда, когда мы вдумаемся в классификацию общества, которая получила утверждение в марксизме. Дело в следующем. До сих пор бытуют такие выражения: **высшие** и **низшие** классы. Или имущие и неимущие. Достоевский насчитывал в России 14 классов. Г. Уэллс в Англии насчитал около десятка. Подчас даже врачей и учителей считают особыми классами.

Собственно говоря, живые существа можно классифицировать по любым признакам. Например, по цвету, по прожорливости, по пригодности меха для воротников и т.д. Людей можно классифицировать по профессии, по семейному положению (женат или холост), по имущественному цензу, – беден или богат. Против подобной классификации вряд ли можно возражать – она никому не мешает и ни к чему не обязывает.

Однако у экономии как науки особая задача: она классифицирует не людей, а **экономические органы** исключительно по **производственным** признакам. Когда врач занимается анатомией, он изучает **не отдельные клетки**, из которых соткан организм, а **отдельные органы**. В этом существенная разница. Вопрос этот рассматривался в первой книге, но кое-что следует дополнить.

Общепризнанно: производительным является только тот труд, который производит прибавочный продукт. И если наша политэкономия начала признавать необходимость прибавочного продукта, то, следовательно, она стоит на той же точке зрения. Чистый продукт, энергия прогресса или абсолютная земельная рента – это одно и то же. Их также можно назвать абсолютной прибавочной стоимостью, как называет Маркс на последней странице четвёртого тома «Капитала», где он явно переходит на позиции физиократов.

Беда в том, что политэкономия за два столетия насочиняла слишком много названий для одного и того же явления. Вот почему мне кажется, что «**энергия прогресса**» как научная категория наиболее точно отражает сущность явления.

Классификацию по **производственным** признакам мы находим только у Ф. Кенэ. Если бы А. Смит умел видеть, а не просто скользил глазом по поверхности явления, он бы не отважился заменить классификацию Ф. Кенэ своей собственной. Однако, не понимая сути физиократической теории, он не понял также сути классовости в «Экономической таблице» Ф. Кенэ.

Класс по Ф. Кенэ – это **процесс** производства и обращения, а не какая-то категория людей, которая способна вызывать наше негодование или восхищение образом жизни и моральными нормами. Только это и есть истинно научное понимание классов, поскольку и сам капитал – физический процесс. Маркс также видит капитал как процесс, но классы у него – это люди.

Экономия при этом теряет научную органичность: на физическое накладывается политическое – и тогда можно пиратствовать, сколько душе угодно.

Люди в теории Ф. Кенэ присутствуют постольку, поскольку предполагается, что всё это совершается ими. Для экономического процесса они не больше, чем клетки, из которых состоит орган – Ф. Кенэ ими не занимается, это не его задача. Он занимается только органами, но не клетками. Он смотрит на общество так, как Вернадский смотрит на биосферу в целом – не изнутри, а из Космоса.

Там, где изучаются энергетические процессы, нет и не может быть места для эмоций. Эмоции, рождаемые научным творчеством, не участвуют в формулах – они остаются в душе учёного. Наконец, они могут иметь место при популярном описании объективной реальности как стилевые особенности автора. Кстати говоря, Ф. Кенэ очень поэтичен, – в отличие от стиля К. Маркса. Но в самой «Таблице» нет никаких эмоций – есть бесстрастная объективность учёного.

Очевидно, Ф. Кенэ именно потому и не был понят, что чрезвычайно эмоциональный материал (человеческое общество) он показал в каналах движения, которые существуют реально, однако люди в повседневной жизни их не замечают. Они сталкиваются между собой, радуются и страдают. Они требуют, чтобы кто-то объяснил все их «почему». Поэзия, искусство, религия дают ответ художественно-эмоциональный. Он не имеет характера какой-то строгой формулы. И уже укоренилось мнение, что физических формул, отвечающих на все человеческие «почему», вообще быть не может. Может существовать только **исторический материализм** или **религия**, которые по-разному освещают пути человеческие, но сходятся на том, что единой формулы для всех исторических эпох и процессов выработать нельзя.

Вот почему тогда, когда такая формула **действительно** появилась и на ней была основана новая наука. Редкие люди поняли и эту формулу, и саму науку. Не хватало объёма мысли, чёткой последовательности при обзоре событий и философского опыта.

Произошло следующее: Кенэ показал, что наука, объясняющая законы общественного развития, возможна, однако его не поняли и начали сочинять, кто во что горазд. «Новаторам» казалось, что они сочиняют лучше, умнее, дальновиднее. На самом деле, уходя от Ф. Кенэ, они всё дальше уходили в область необузданного дилетантства, плоды которого лишь по недоразумению можно назвать наукой. Вот почему человечество начало изучать политэкономия не в школах, а в концлагерях. **Физическая** экономия к этому не ведёт!

Итак, углубимся в классификацию общества, чтобы понять главные принципы, на которых основана «Таблица» Ф. Кенэ, – всеобъемлющая физическая формула, значение которой несколько не изменилось за двести лет и никогда измениться не может. Также точно не может измениться, как ньютоновский закон тяготения. И пусть не пугают нас тем, что это, дескать, устраняет исторический материализм. Что я думаю о его основателях – было уже сказано. Но вот неожиданный парадокс: «Таблица» Ф. Кенэ не только не устраняет исторический материализм, а наоборот – служит для него естественной основой. Ибо то, что у Маркса и Энгельса именуется таковым, на самом деле является вульгарным применением **субъективного идеализма** к человеческому обществу и его истории.

Движущей силой в учении Маркса и Энгельса выступает **борьба классов**. Сами же классы при этом определяются совершенно субъективно, – по А. Смитту, который ровным счётом ничего не поняв в теории физиократов, отправился их опровергать.

Приведём следующий пример. Какой-то удалец создал часы, которые не только показывают время, но и выводят на сцену фигуры людей, демонстрирующих главные типы рода человеческого. Мастер умер, часы достались другому. Но вот беда: почему-то они начали отставать. Или так показалось новому хозяину. Тогда он принялся сшибать фигурки, заменяя их другими. Он делал это вполне «научно» – вначале все фигурки разбил на два класса: класс **хороший** и класс **плохой**. Он был уверен, что именно от этих классов зависит ход времени: достаточно **плохих** заменить **хорошими** – и сразу часы истории пробьют новую зарю.

Всю свою жизнь потратил фанатичный дилетант на это занятие, но так и умер, ничего не уяснив и не объяснив, – от него остались только изуродованные часы – и ничего больше.

В чём же состояла его ошибка? Да просто в том, что он сосредоточил внимание на фигурках, а не на механизме, который приводил их в действие. Он видел то, что надлежит видеть фотографу, а здесь нужен был **механик**. Но, пожалуй, его главной бедой (и нашей!) было то, что он слишком долго оставался жестоким ребёнком – портил, ломал, уничтожал, чтобы рассмотреть...

Хорошо, будем опровергать Ф. Кенэ. Но раньше, по-видимому, надо осознать, что именно мы пытаемся опровергнуть. Прежде всего, следует выяснить вопрос: из каких предпосылок исходил отец политической экономии, подвергая классификации человеческое общество?

Люди занимаются тремя видами деятельности.

1. Производят пищу.
2. Получив пищу от производителей, употребляют свои способности на изготовление различных изделий, которые снова обменивают на пищу. Здесь можно дополнить: «и на **другие** изделия». Но тем самым эти **другие** изделия мы замыкаем в том же классе.

3. Не производят ни пищи, ни каких-либо изделий. Следовательно, **ничего** не имеют для обмена, но как-то, всё же, существуют. В этом «как-то» целый класс, хотя способов добывания пищи существует множество, – от волхвования до императорской короны.

На этих трёх сферах человеческой деятельности и основаны классы Ф. Кенэ, о которых уже была речь в первой книге. Не группы людей, а физиологические функции общественного организма. Люди же это постольку, поскольку производственные функции олицетворяются в людях.

Это может оскорбить человека, который привык мыслить «возвышенно»: люди – это не функции!

Да, мы действительно не функции, а личности, это первое. Однако мы обладаем физиологией, а её следует изучать без избытка патетики. Физиология общества проявляется в экономической жизни. Следовательно, речь идёт о точном определении предмета экономии как науки – политическая или физическая?

Теперь давайте опровергать Кенэ. Но каким образом? Какой род деятельности здесь упущен?

Тот, кто желает опровергнуть Ф. Кенэ, пусть раньше отыщет в человеческом обществе четвёртый род деятельности, кроме трёх перечисленных. Когда он справится с этой задачей, мы внимательно выслушаем его. А покамест займёмся своим делом.

Тут сразу видна исходная субстанциональная позиция физиократов: пища, солнечная энергия, которая усваивается растениями, а затем передаётся человеку. – Воистину то, что стоит в основе самой жизни.

Классификация Ф. Кенэ не подвержена изменению во времени: люди всегда так жили и всегда будут так жить. Условия нашей жизни могут меняться в зависимости от материальной основы – от того, каким энергетическим базисом мы располагаем. Древний мир не имел машин – то есть не сумел поднять из глубин Земли солнечную энергию **прежних эпох** (уголь, нефть, газ), чтобы заменить ею мышечную энергию животных и людей. Он пользовался только энергией, которую предоставляют нам травы и злаки. Вот почему существовало рабство.

Одного этого примера достаточно, чтобы стало ясно: именно это и есть **исторический материализм** в его подлинном виде. И хотя эта форма мышления достаточно себя скомпрометировала, однако у Маркса и Энгельса она была материализмом **по названию**. Именно поэтому не следует обвинять материализм вообще.

Что является движущей силой общества, когда мы видим классы по Ф. Кенэ? Солнце, конечно. Та энергия, которая накопилась в гумусном слое, а также **прибавочная**, то есть **ежегодно** прибывающая в новом урожае.

Человек, который внимательно следит за ходом мысли, прервёт наш разговор следующим вопросом: разве энергия угля, нефти, газа в «Таблице» Ф. Кенэ не участвует? Тогда Кенэ совершает ошибку – просмотрел главное.

Отвечу: ошибки нет, хотя эти виды энергии действительно в «Таблице» не учитываются.

Повторим: Ф. Кенэ анатомирует **экономический организм**, а не средства производства. Именно поэтому его открытие останется справедливым на все времена. Средства производства по Кенэ **бесплодны** – производит **только** земля.

Есть желудок и есть кухня. Желудок, кровообращение, сердце – это органы, которыми занимается врач. Кухонное оборудование, которое помогает приготовить пищу – не его забота.

Человек всех времён потреблял и потребляет примерно одно и то же количество пищи, хотя она различна по вкусу и качеству. Пища всегда производится **действующим** фотосинтезом, а не фотосинтезом прошлых эпох. **Энергию прошлых эпох** (уголь, нефть, газ) можно использовать в машинах, но не в человеческих организмах. Именно поэтому промышленность бесплодна: она перерабатывает, но не производит. Мясорубка не производит мяса – она только помогает приготовить котлеты. Пекарня не производит пшеницу – она выпекает булки.

Поскольку Ф. Кенэ начинает движение стоимости от человеческого желудка, то все виды энергии, кроме той, которая **ежегодно** прибывает от Солнца, попадают в категорию **бесплодных**.

Но мы, конечно, знаем, что без энергии угля, нефти, газа не было бы промышленности. Без промышленности мы бы не имели современных условий быта. Пищи также было бы меньше:

промышленность вырабатывает огромное количество удобрений, которые повышают урожайность. Следовательно, в «Таблице» Ф. Кенэ эти виды энергии выступают опосредовано – через плодородие земли.

Человечество подходит к грозной альтернативе: или найти новые источники **технической** энергии, или распрощаться с нынешней формой цивилизации, предоставляющей нам невиданный доселе жизненный стандарт. Практически это должно выглядеть следующим образом. Если новые виды энергии будут найдены (и притом в неограниченном количестве), пророчество Циолковского исполнится: люди расселятся в космических городах и на других планетах. Если они будут найдены в ограниченных, но достаточных количествах, мы сможем поддерживать современный уровень цивилизации, совершенствуя и одухотворяя общественные институты, которые нами созданы. Если же новые виды технической энергии не будут найдены вообще, нам придётся переходить на конный транспорт, разводить скот для земледельческого труда и т.п. Короче говоря, общество вернётся к уровню средних веков. В этом виде ему придётся существовать до тех пор, пока новые виды энергии не будут найдены. Совершенно естественно, количество населения должно снизиться при этом до уровня средних веков.

Следует рассмотреть также различные варианты применения атомного оружия. К сожалению, эта адская реальность, покамест, не исключена. Существуют три варианта: а) война между Америкой и СССР, которая сметёт следы цивилизации с лица нашей планеты, очистив её для зарождения и развития более разумного общества в самом далёком будущем; б) ограниченные атомные войны, которые уничтожат часть человечества, разрешив таким трагическим образом демографическую проблему; в) и наиболее разумный вариант: переработка атомных бомб на сырьё для электростанций.

Естественно, нам бы хотелось, чтобы энергетический кризис был завершён полной и окончательной победой человеческого разума: созданием термоядерных реакторов, которые разрешат все энергетические проблемы на миллионы лет. Однако мы знаем, что это не может наступить мгновенно, поэтому человек обязан готовить свои нервы к тому, чтобы разумно направлять корабль цивилизации среди космических бурь, которые вот-вот нагрянут на нашу планету. Их грозное дыхание уже докатывается издалека.

Мы не должны извиняться ни перед кем за критику марксизма: эта критика направлена на то, чтобы наш общий космический корабль по имени Земля был более устойчив среди опасностей, которые ему предстоит пережить в недалёком будущем. А ведь их избежать невозможно! Это так же верно, как то, что автомобили питаются бензином, а последний – изготавливается из нефти.

Вдумчивое отношение к той классификации, которую учредил Ф. Кенэ, позволяет рассматривать и обсуждать самые различные исторические композиции, не совершая тех ужасных ошибок, которые пережил наш народ, поверивший в научную непогрешимость Маркса.

Не стану повторять того, что было рассмотрено в первой книге. Напомню только, что из трёх классов Ф. Кенэ в конечном счёте образовал ось нечто устойчивое, непреходящее: а) земледелие; б) промышленность; в) государство.

Иные способы классификации общества ничего общего с наукой не имеют.

Исходные принципы «Экономической таблицы»

Классы Ф. Кенэ – это сферы движения солнечной энергии в экономике. Они возникли из жёстко запрограммированных возможностей биосферы, в недрах которой сформировался земной человек.

В общем виде их начало можно представить так. Встретились на берегу реки четыре человека. Сели у воды, разговорились. Ничем они не отличались друг от друга, пока были сыты. Но вот пришло время обедать. Оказалось, что котомка с едой есть только у одного из них, – у того, кто выращивал злаки и разводил животных. Обозначим его буквой «А». К нему подошёл второй («Б») и протянул нож: *«Возьми, у тебя нечем разрезать хлеб»*. Крестьянин поделился хлебом, а нож оставил у себя – пригодится в хозяйстве. Кузнец и крестьянин обедают – они довольны друг другом: оба не в накладе.

Подошёл третий («В»): *«Хотите, спляшу? Или прочитаю молитву. Или научу вас узнавать время по Солнцу».*

Ему ответили: *«Всего хотим – давай нам и песню, и молитву, и науку».* И поделились хлебом: третий был им нужен. Ибо сказано: не хлебом единым жив человек.

У четвёртого («Г») также не было ни хлеба, ни ножа, ни какой-то другой вещи, которую можно обменять на хлеб. Зато он был сильнее и проворнее всех. Он вырвал у крестьянина нож: *«Отдай котомку с едой – не то зарежу».*

Теперь они шли вместе, но хозяином был четвёртый, – тот, у которого был нож и была еда. Пришли к хижине – и здесь каждый начал делать то, к чему привык с детства. Крестьянин пахал поле, кузнец ковал железо. А тот, кому все они покорились, объявил себя вождем.

Они сами сносили ему плоды рук своих. Когда вождю становилось скучно, он призывал «В»: *«Спляши или спой. Или расспроси у небесных светил, сколько мне осталось жить».* За эти развлечения вождь бросал своему придворному крохи со своего стола.

Из этих четырёх типов и сформировались классы. Формы менялись, но сущность оставалась той же, так как «А», «Б», «В», «Г» существовали во все времена. Это не просто человеческие характеры – это **потребности** и **возможности** общества.

Прошу обратить внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: никому из них не нужно пищи больше, чем съедает один человек. Почему я фиксирую внимание на этом? Вот почему: здесь заложена возможность энергетического учёта главных экономических процессов. Короче говоря, именно на этой **физиологической константе** основана «Экономическая таблица» Ф. Кенэ.

Если бы **энергетического равенства** не было, нельзя было бы отыскать организующее начало, позволяющее отразить в сравнительно простой схеме производство, обращение и воспроизводство. Но физиологическая константа существует: каждый из людей съедает примерно одно и то же количество пищи.

И есть в нашем распоряжении вторая константа – социальная: «А», «Б», «В», «Г». Имея два вида констант (физиологическую и социальную), мы получаем возможность строить универсальную экономическую схему, которая остаётся справедливой всегда, – от первобытного общества до наших дней.

Однако не следует забывать, что третий класс (государство) состоит из двух социальных типов (В + Г). Из первого (В) начали развиваться наука и культура, из второго (Г) – государственный аппарат с его армией, полицией и т.д. Вспомним, например, что в Англии и Швеции до сих пор академии наук по традиции именуется **королевскими**. Тип В всегда существовал на положении придворного. Шут, астролог, крепостной артист или художник. Он никогда не смог выделиться в отдельный класс. Никто в обществе не носил в сердце столько горечи и ненависти к тупому властолюбцу Г, как этот страстный, одухотворённый страдалец. Всегда, во все времена он чувствовал себя отверженным. И так же точно чувствует себя сегодня, – когда пишутся эти строки.

Именно этот тип становится катализатором всех общественных процессов. Достижения и ошибки человечества – от законов движения небесных тел до баррикад Красной Пресни – всё это появилось благодаря ему. Но прежде чем приступить к построению схемы, приходится отбросить представление К. Маркса о классовой борьбе – таковой борьбы нет, ибо нет в человеческом обществе тех классов, которые навязал ему Адам Смит, не понимавший физиократов.

Правда, здесь необходимо уточнение: классовой борьбы нет **при капитализме**. Из этого не следует, что нет борьбы угнетённых против угнетателей. Такая борьба существует и она справедлива. Однако при капитализме эта борьба имеет не классовый, а моральный характер. Тип «В» всегда боролся и продолжает бороться против «Г», но это **один и тот же класс**. Рабочие борются против капиталистов, однако и те, и другие по Ф. Кенэ составляют **бесплодный** класс – то есть единый промышленный комплекс. Хозяин фабрики не есть государство. Фабрика может перейти в руки трудового коллектива, но не в руки государства. Между тем, сегодня не только коммунисты, но и многие социалисты пытаются превратить важнейшие отрасли экономики в **государственную** собственность. Какое печальное заблуждение! В гуманитарном отношении эти люди выглядят как

нельзя лучше: защищают плюрализм, свободу слова и т.д. При этом они не сознают: тоталитаризм начинается с перехода экономики в руки государства. Все остальные его свойства окончательно формируются и закрепляются со временем как необходимая политическая надстройка.

Главное состоит в том, что нельзя **разрушать капитал**, – то есть нельзя прерывать **свободный обмен** товарами, ибо это есть движение солнечной энергии, которое тождественно движению крови в нашем организме. Когда образуются тромбы – организм погибает, так как нарушается **энергетический обмен**.

В наше время борьба почти всюду потеряла классовый характер. Классовой она была тогда, когда народ свергал **собственников** земли, помещиков и короля. **Собственники** по Кенэ действительно класс – это и есть **феодалное государство**. Именно этот тип государства прерывал свободное движение стоимости, создавая экономические тромбы. Борьба велась за **победу капитализма**, – то есть за свободный энергетический обмен, который является необходимостью природы. Само собой разумеется, что речь идёт о рыночной экономике.

Мы не ставим своей целью поучать людей, как им надлежит перестраивать политическую и экономическую жизнь общества. Речь идёт о том, какая форма экономики соответствует законам природы, а какая вступает в необоримое противоречие с этими великими законами. Когда экономика попадает в руки государства – законы природы неизбежно нарушаются. Государство устанавливает заработную плату, назначает цены и т.д. Само собой разумеется, что свободному движению стоимости в данном случае приходит конец, побеждает волюнтаризм. Так, например, лейбористы национализировали угольную промышленность Англии. Заработную плату шахтёрам устанавливает государство. И вот оказалось: шахтёры зарабатывают меньше, чем конторские служащие. Если бы английское правительство добилось отмены забастовок – шахтёры не смогли бы устранить эту вопиющую несправедливость. Однако к этому вопросу надо подходить не только со стороны моральных норм: в данном случае разрушается экономический механизм, – то есть капитал. А ведь лейбористы – не коммунисты! Однако их экономические ошибки точно такие же, какие свойственны коммунистам. С другой стороны, югославские коммунисты ставят в основу экономики **общинный капитал**. Рынок при этом не разрушается. К сожалению, в Югославии существует иной недостаток: однопартийность.

И всё же мы видим: дело не в том, как именуют себя те или иные партии (коммунистами, социалистами, лейбористами и т.д.) – дело, прежде всего, в том, куда они ведут экономику: в руки государства или в руки самого народа? Формула политэкономии социализма, отождествляющая государственное с общенародным – это, конечно, демагогия.

Моё личное убеждение состоит в следующем: пока не существует гарантий, что экономика не попадёт в руки государства, – никаких экономических преобразований начинать нельзя. Да, я убеждён, что **общинный капитализм** (он же коммунизм!) наиболее соответствует человеческой природе. И всё же частный капитал это огромный шаг вперёд по сравнению с тоталитарными формами экономики. Тоталитаризм это пережиток феодализма на промышленной основе. Но в промышленный век он неизмеримо опаснее, чем в прошлые века.

Следует подчеркнуть: только капитализм физиократы считали **естественным** экономическим строем.

А. Смит, который до сих пор высоко почитается в Англии, всего этого не понимал, хотя также отстаивал капитализм. Вот классы по А. Смиту: *«рабочие»*, *«капиталисты»*, *«землевладельцы»*.

В этой классификации никакого организующего начала мы отыскать не сможем, так как классы А. Смита **оторваны** от энергетического обмена. Прежде всего, здесь не предусмотрен класс, производящий питание, то есть класс-генератор, снабжающий энергией общественный организм. Если нет генератора, откуда взяться энергетическому обмену? Кто, что и на что будет обменивать?

Так оно и было в Англии во времена А. Смита: грабились колонии, английские рабочие перерабатывали индийское сырьё, а продукты их труда присваивались верхушкой государства. Это ещё **не был** капитализм, так как он без свободного обмена невозможен. Это был всего лишь

империалистический феодализм, основанный не на свободном обмене товарами, а на орудиях насилия, которые посылались из метрополии в колониальные страны.

Однако в метрополии создавалась **видимость капитализма**: Б, В, Г имели деньги, покупая колониальную пищу и промышленные товары. Сама Англия никогда не могла себя прокормить – её кормили колонии. Вот почему английская политэкономия исключает «А» – **начало всех начал**. Это действующее лицо грабилось где-то за океаном. Поэтому Смит и Риккардо не было нужды задумываться о котомке с пищей.

Относительно свободный обмен существовал только в метрополии. У далёкого, невидимого «А» никакой свободы не было – по отношению к нему действовало насилие. Короче говоря, такой капитализм напоминает демократию древнегреческих городов, где рабы вообще не принимались в расчёт – они были на положении животных. Даже Пифагор, страстно проповедуя коммунистические идеалы, ни одним словом не упоминает о судьбе рабов.

Так появилась английская политэкономия, которая все богатства нации выводила всего лишь **из труда**. Какая сила питает **сам труд**, – она не видела и не желала видеть – для неё это было «несущественно».

Не изменилось дело и во времена К. Маркса, о чём свидетельствует его статья «Британское владычество в Индии» – откровенная апология колониализма. По существу только Англия сегодня вступила на путь капитализма как такового.

Вот почему А. Смит и Д. Риккардо оказались не учёными, а всего лишь **очеркистами**, пытавшимися по внешним картинам общественной жизни установить некие универсальные закономерности. Отсюда ошибочное представление о классах.

Правда, рассматривая и описывая часы истории, Смит и Риккардо не предлагали стрелять из пушек по человеческим фигурам, чтобы таким радикальным образом улучшить ход часов. Они проповедовали всеобщую терпимость и гармонию общественных отношений. Этими гуманными мотивами руководствуются также лейбористы, которые, по-видимому, до сих пор стоят на позициях классической английской политэкономии. Но здесь появляется мораль: коль существует **научная ошибка** – мистификаторы найдутся. Достаточно вспомнить трагический поворот ключа: К. Маркс объединяет капиталистов и землевладельцев в один класс – **класс буржуазии**.

В данной классификации нет ни грана науки – есть только абсолютно **обывательский** подход к явлениям общественной жизни. Но именно потому, что он обывательский, ему досталась победа. Человечество было покорено **не наукой**, а бойкой журналистикой, – умением К. Маркса и Ф. Энгельса писать, издавать, пропагандировать.

Что же мы получаем в итоге? Два враждебных класса, которые равным счётом **ничего не производят**, однако готовы вцепиться друг другу в горло ради взаимного уничтожения. Ведь промышленное производство – это производство **мнимое**, производство **формы**, но не энергии, питающей общественный организм.

Теперь вернёмся на берег реки, откуда мы начали. Допустим, крестьянин ушёл раньше, чем путники проголодались. Ушёл и унёс котомку с едой. У сидящих на берегу есть только нож, но нет пищи. Что же они должны делать? Какой толк от того, что Б, В, Г, вырывая друг у друга нож, начнут поочередно вонзать его в пустые животы? Богомольный «А» отслужит по ним молебен и погорюет, что эти люди были так глупы.

Вот, в конечном счёте, что должно произойти, если применять теорию К. Маркса на практике. Так, собственно, и выглядела наша гражданская война с её военным коммунизмом. Только НЭП спас народ от дальнейшего взаимного истребления. Однако НЭП – это уже не марксизм. В нём Ленин проявил ту самостоятельность мысли, забывая о которой мы не имеем права. Дело здесь не в личности Ленина. Да и вообще не в личностях – народ, его судьба превыше тех, кого мы именуем гениями. Здесь мы рассматриваем экономические теории как таковые, выясняя их корни и следствия. Поэтому нельзя не задаться вопросом: зачем Ленину понадобился НЭП? В самом этом вопросе уже есть ответ.

Что произошло тогда, когда был ликвидирован НЭП, нам хорошо известно. Догнав ушедшего с котомкой крестьянина, отобрали всю еду. Что-то съели, что-то продали на сторону. Оказавшись снова без хлеба, начали истреблять друг друга. Так появился Гулаг...

Однако вернёмся к Ф. Кенэ. Ведь, в конечном счёте, ленинский НЭП был ничем иным, как возвращение к физиократам на **социалистической** основе. И хотя Ленин, по-видимому, не заметил, что Маркс также под конец жизни вынужден был к ним вернуться, однако он, Владимир Ильич, не будучи закостенелым догматиком, нашёл такое решение экономических проблем, какое подсказывала сама жизнь.

Рассмотрим **энергетическое** равенство классов, продиктованное наличием двух видов констант, физиологической и социальной. То равенство, по поводу которого с такой злобой высказывается К. Маркс, когда упоминает о Бакуине, называя его **нулём**: *«Его программа была поверхностно надёрганная отовсюду мешанина – равенство классов ... – воздержание от участия в политическом движении»*.

Бакунин и Маркс – точно так же, как Ф. Кенэ и А. Смит, – разговаривали на разных языках и поэтому не понимали друг друга. Бакунин, как и следует убеждённому физиократу, скептически относился к политике: от неё много крови, но мало хлеба. От Махно и до окопников республиканской Испании – анархисты, которых мы сделали пугалом, повторяли то же самое.

Физическое (а затем и моральное) равенство классов вытекает из «Экономической таблицы» Ф. Кенэ, с которой, по-видимому, Бакунин был знаком. Но **классовость** при этом понимается по-иному – вот в чём дело!

Классов три – больше их быть не может. Хотя мы насчитали четыре действующих лица, однако двое из четырёх (В и Г) ничего **вещественного** для обмена не имеют – ни пищи, ни каких-либо изделий (топоров, гвоздей и т.д.). Они вдвоём – с производственной точки зрения – есть **один** класс. Как мы его назовём – это дело второстепенное. Для нас важна сущность явления, а не терминология. Мы уже видели, как опасно привязываться к дефинициям – они сами затем кажутся источником стоимости. Так, собственно, и произошло у Маркса.

Один из этих двух (В) всё же кое-что может предложить для обмена. Песня, молитва, умение читать и писать – это ведь тоже чего-то стоит! Но второй (Г) обладает только силой и жаждой властвовать. Это его единственный «товар».

Люди, у которых есть для обмена пища или промышленные изделия, поссориться не могут: они **нужны** друг другу. Иначе обстоит дело с теми, кто может предложить обществу только власть или разум. Собственно, власть не предлагается, – она навязывается силой. Ей кажется, что она сама для себя Разум...

Все, что отсюда вытекает, мы оставим для размышления самому читателю – ему есть над чем поразмыслить.

Третий класс – это **государство**. Какое именно государство – зависит от того, что в нём побеждает: сила (Г) или Разум (В).

Теперь представим, что мы имеем три хлеба, которые надо разделить на четырёх человек. Именно три, а не **четыре**, это очень важно! Естественно, каждый из четырёх желает получить для себя **целый** хлеб.

В государстве, где существует свободный обмен товарами, целые хлеба достанутся двум труженикам (А и Б). Это произойдёт совершенно естественно, без вмешательства извне в результате простого обмена. Третий хлеб в том или ином виде разделят между собой носитель Логоса (В) и носитель власти (Г).

Всё это, конечно, мыслится в движении: система пульсирует, стремится к хаосу, однако необходимость **свободного обмена** приводит её в порядок, так как **насильственное** вмешательство в экономику запрещено законом. Власть для того и существует, чтобы этот **естественный** порядок не нарушался. Само собой разумеется, что это есть капиталистическая система, а не какая-то иная.

Покамест не станем вникать, что происходит внутри каждого из трёх классов – каждый класс выступает в облике единого **субъекта**, производящего энергию (пищу), овеществлённую форму (промышленные товары) или Знание, охраняемое Законом (Логос плюс власть).

Земледелец один хлеб съедает сам, второй передаёт субъекту, производящему промышленные товары.

Теперь спросим себя: по какому закону производится обмен между земледельцем и кузнецом или городским рабочим? Закон довольно прост: мне нужно столько хлеба, сколько я могу съесть. Больше – не нужно, меньше – нельзя.

Именно этим и определяется энергетическое равенство классов.

То, что получил крестьянин в обмен на хлеб, – **само по себе ничего не стоит**. Стоимость сосредоточена в хлебе. **Стоимость хлеба** – это его способность насыщать, поддерживать жизненные силы человека. Рабочий (кузнец) и дальше будет трудиться, чтобы иметь хлеб, крестьянин также будет трудиться, чтобы иметь хлеб для пищи и для обмена на промышленные изделия.

Однако стоимость этих изделий всегда определяется стоимостью хлеба – его общим количеством. Много хлеба – деньги в цене, товары дешёвые. И наоборот.

Политэкономия социализма, исходя из учения К. Маркса, утверждает: **земля ничего не стоит**. На этом выводе основаны все законы нашей страны. А ведь всё наоборот: **только земля (плодородный слой почвы) имеет стоимость**, поскольку она является производителем последней. Без производительных сил земли ничего не стоит форма, которую приобретают мёртвые минералы под воздействием наших рук. Железо останется железом и тогда, когда нас не будет на свете. То, что мы его плавим, гнуем, ковали – ничего к нему не прибавило. Но если мы хотя бы на несколько килокалорий обогатили землю, тогда можно сказать: **мы создали богатство!** И наоборот: если ради промышленного и военного могущества нами **истощается земля** – мы пропащие люди.

Энергетическое равенство классов в рыночной экономике диктуется тем же законом природы, который вынуждает жидкость в двух сообщающихся сосудах стоять на одном уровне, – **законом сохранения**.

Поскольку деньги есть отражение энергетических процессов, то в силу адекватности явлений создаётся общий уровень цен. Он никем не навязывается – он есть закон самой природы. Следовательно, тогда, когда цены пытается определить государство, законы природы **неизбежно нарушаются**.

Что же происходит в третьем классе? Происходит борьба за то, чтобы получить свою пайку хлеба. Имеющий власть отодвигает из-за стола имеющего Разум. Последний вынужден идти туда, где его накормят. Ради этого он придумывает хитроумные усовершенствования для промышленности и сельского хозяйства. Здесь он получает вдоволь хлеба и других полезных вещей.

Но что такое **другие** полезные вещи? – Это всего лишь «**когда-то съеденный хлеб**», не больше того. Ценятся они до тех пор, пока производится пища.

Ни один богач ничего не уносит с собой в могилу, кроме собственного тела и гроба. Однако он вкладывает свои способности в развитие экономики – и этим полезен обществу. Ему, как ребёнку, разрешается потешиться «богатством», которое фактически не есть его богатство, так как он не в состоянии его использовать. Всё, чем он владеет, после его смерти достанется другим людям. Фактически он берёт «напрокат». Истинным богатством является только пища, которую он съедает. Да ещё, возможно, бензин, сжигаемый его автомобилем. Но бензина и пищи он потребляет не больше, чем другие люди.

Нет, он – не феодал. Между ним и феодалом разница состоит в том, что феодал разрушал коммуникации, по которым движется солнечная энергия, а он, капиталист, способствует их развитию.

Тогда как же относиться к миллионерам – должно общество их терпеть или они являются **классовыми** врагами?

Классовыми врагами они не являются, поскольку нет класса миллионеров. Это вопросы морали, а не классовой борьбы. Тут многое могла бы сделать религия.

Но если существует необходимость борьбы – а она, по-видимому, существует – то бороться следует так, чтобы не повредить общему делу. Это, прежде всего, борьба **внутриклассовая**, так как бедные и богатые есть в каждом из трёх классов. При этом следует помнить: борясь против капиталистов, нельзя бороться против самого Капитала!

Борьба против Капитала – это попытка передать его в руки государства. При этом Капитал немедленно погибает. Страна на промышленной основе возвращается к феодальному способу производства. А может даже вернуться к рабовладельческому, как это имело место в сталинские времена.

Представим, что Капитал разрушен – победил Генеральный Совет, созданный Марксом и Энгельсом. Но разве исчезает при этом какой-либо из четырёх общественных типов, которые были нами изображены? Ничего подобного. Исчезает всего лишь **свободный обмен** – цены устанавливает само государство, монополизировав все виды торговли. Сельское хозяйство угнетено, земля истощается: ведь она ничего не стоит.

По внешней видимости – феодалов теперь не существует. Однако тысячи, десятки тысяч мелких чиновников делают то же самое, что делали феодалы – не покупают, а **отбирают силой**. Из бесчисленного множества полуголодных надсмотрщиков и учётчиков лепится тысячеликий феодал – Государство. Никому от этого не легче, никто не выигрывает – все оказываются в каких-то титанических жерновах, которые перемалывают наши души и кости. Классовых врагов нет, каждый из этих чиновников считает себя трудящимся, а не эксплуататором. Но эксплуатация всё же существует: **народ эксплуатирует сам себя**. Начинаешь подозревать, что этим процессом управляют не люди, а некая мистическая сила, которая именуется Тьмой.

Но вот что остаётся непреложным: как бы ни эксплуатировались люди, – государство от этого не богатеет, а наоборот – движется к обнищанию. Почему? Потому, что эксплуатация населения **никогда** не увеличивает количества производимого хлеба. Наоборот: его производство неуклонно снижается из-за потери интереса к земледелию и к самой земле. Уменьшается количество скота, земля всё меньше получает органических удобрений. А без органики минеральные удобрения мертвы. Вешние воды и ветры уносят остатки плодородия в моря и океаны. Государство движется к неминуемой гибели. Ни грозное оружие, ни могучая промышленность ему уже не помогут – из-под ног ускользает **земля**.

3. Сущность «Экономической таблицы»

Краткое описание «Таблицы»

Все эти процессы не поддаются изучению и осмыслению, если мы не знакомы с «Экономической таблицей» Франсуа Кенэ.

Чтобы убедиться, до какой степени в нашей стране безразличны к истинному экономическому знанию, – предлагаем читателю открыть БСЭ, т.20, с.529-530, издание второе.

Читатель найдёт на этих страницах краткое описание «Экономической таблицы», а также её фотографии, – те самые фотографии, которые мы здесь воспроизводим. Но вот какая странность: сколько бы вы ни прилагали усилий, чтобы что-то понять из энциклопедических описаний «Таблицы» – всё равно ничего не поймете! Не поймёте потому, что на страницах БСЭ описывается то, чего вообще нет в «Таблице» – обращение неких таинственных пяти миллиардов ливров. Откуда они появляются? Почему их 5 млрд. – не больше и не меньше?

Вы снова всматриваетесь в «Таблицу», но находите там совершенно иное – не 5 млрд., а всего только 1500 ливров. Разница то какая!

Будто вам показали муху, а описывают слона. Кто бы вы ни были, лирик или физик, – различие между тем, что вы видите, и тем, что описывается, делает вас бессильным перед этой «научной» тайной. Подозревая себя в полной бездарности, закрываете БСЭ, чтобы никогда больше к этим страницам не возвращаться. На этом и кончается ваше знакомство с отцом физической экономии но отнюдь не политической, как торжественно именуется Франсуа Кенэ создатель «Капитала».

И всё же следует процитировать описание «Таблицы» из БСЭ, так как более вразумительного описания за все годы существования Советской власти в нашей стране издано не было. Сначала то, что поддаётся некоторому пониманию:

«Кенэ делит общество на три класса: 1) производительный класс, в который он ошибочно объединял фермеров-капиталистов и сельских наёмных рабочих; 2) «бесплодный» класс, в который он, кроме эксплуататоров-промышленников и купцов, – включал также ремесленников и наёмных рабочих в промышленности; 3) класс собственников, к которому он относил землевладельцев и короля».

Конечно, этого вы также в «Таблице» не найдёте. В ней вы видите только движение стоимости, но не классы. Однако это не должно смущать: левая часть «Таблицы» («производительные расходы») это и есть **производительный класс**; средняя часть «Таблицы» («годовой доход») – **класс собственников**; правая часть «Таблицы» («непроизводительные расходы») – **бесплодный класс**. Для Ф. Кенэ это само собой разумеется. К тому же отсутствие классов в их старых названиях делает «Таблицу» действенным инструментом для любой экономической формации.

Такая классификация ещё раз свидетельствует о том, что **классы** по Кенэ – это экономические **процессы**, а не соответствующие **категории людей**, которые объединяются по цензовым признакам: богатые – к богатым, бедные – к бедным. Кенэ не следует упрекать в том, что он, дескать, не сочувствовал беднякам: не об этом речь в «Таблице» и вообще в его теории. С таким же успехом можно упрекать в подобном грехе В. Гершеля, изучавшего звёзды.

Авторы статьи в БСЭ, критикуя Ф. Кенэ, полностью следует Марксу. Он же, Маркс, видел капитал **как процесс**, а классы – как категории людей, резко отличающихся друг от друга образом жизни (буржуазия и пролетариат).

Уже одного этого достаточно, чтобы запутать дело. У Ф. Кенэ строгая логика: если капитал – процесс, то и класс – процесс, поскольку его классы – физические органы капитала. Однако Маркс, признавая капитал физическим процессом (производство прибавочной стоимости), вводит морально-цензовую классовость. Естественно, бедные горожане (пролетариат) – это уже не процесс, а живые люди. То же самое относится к буржуазии. И здесь разрушается экономия как наука: в ней появляются разнородные, несопоставимые понятия, разрывающие единую логическую цепь. Процессы – не берут в руки оружия. Люди, подстрекаемые демагогической политэкономией, хватаются за оружие – и тем самым разрушают естественные экономические процессы. Затем, очутившись в кровавом хаосе, они не в состоянии понять, что, собственно, с ними произошло: хотели сделать лучше, а получилось хуже...

В том-то и состоит значение «Таблицы», что она позволяет увидеть невидимое. «Класс» по Марксу увидеть легко, – для этого не обязательно быть выдающимся мыслителем. Процесс-класс по Кенэ увидеть чрезвычайно трудно, – для этого надо подняться над общественной жизнью, чтобы человечество в целом предстало перед твоим взором как пульсирующий орган Вселенной.

Просим читателя выписать узловые процессы «Таблицы», которые одновременно есть классы (производительный, бесплодный, собственники). Теперь покончим с неясностями относительно суммы ливров: сколько же их – 1500 или 5 миллиардов?

Дело в следующем: для внутреннего механизма «Таблицы» не имеет значения, какие величины в ней действуют. Важно одно: этих величин пять и они обязательно **равновеликие**. Маркс в «Капитале» пользуется вариантом «Таблицы», в котором участвуют в обращении не 1500 ливров, а 5 млрд. Конечно, это удобнее: перед нами движутся равновеликие единицы, словно на магнитном барабане счётной машины. 1/5 годового продукта составляет в нём 300 ливров. Следовательно: $300 \times 5 = 1500$. Только и всего! Маркс, для расчёта, берёт целую страну, а Ф. Кенэ проектирует «Таблицу» на отдельное хозяйство. Но и то, и другое вполне законно. Если бы авторы статьи объяснили это читателю, тогда кое-что в «Таблице» Ф. Кенэ можно было бы понять. Говорю *«кое-что»* потому, что её свойства не исчерпываются обращением, а Маркс дальше обращения не пошёл. Однако наши академики от политэкономии до того перепуганы, что вообще не желают что-либо говорить от себя. Да и отвыкли они от этого.

Естественно, в статье о Кенэ следовало подать **авторский** вариант «Таблицы», а не вариант Маркса. Но поскольку авторы статьи описывать «Таблицу» боятся (или вообще её не понимают), то им пришлось механически переписать из «Капитала» те объяснения, которые даёт Маркс. При этом они даже не удосужились привести в соответствие денежные величины. Женится Пётр, а невесту к алтарю ведёт Фёдор.

Из этого видно, на каком уровне находится у нас экономическая наука. Тот вариант К. Маркса, которым он пользуется в «Капитале», мы приводим ниже.

Фальсифицированная К. Марксом «Экономическая таблица Кенэ», БСЭ, т. 20, с. 529-530.

Производительный класс	Класс собственников	Бесплодный класс
2 млрд.	2 млрд.	1 млрд.
1 млрд.		
1 млрд.		1 млрд.
1 млрд.		1 млрд.
Затраты на ежегодные авансы –		
2 млрд.		
Итого: 5 млрд.		Итого: 2 млрд.

На несообразностях этого варианта остановимся дальше. Здесь покажем то, что Маркс в общих чертах изображает правильно. Надо только помнить, что там, где у Ф. Кенэ выступают 300 ливров, у Маркса мы видим 1 млрд.

Читаем дальше статью в БСЭ:

«До начала процесса обращения класс фермеров уплачивает классу землевладельцев ренту в сумме 2 млрд ливров. Само обращение состоит из 5 актов:

1) класс землевладельцев покупает у класса фермеров средства питания на 1 млрд ливров. Вследствие этого к классу фермеров возвращается 1 млрд ливров; и 1/5 годового продукта выходит из обращения;

2) класс землевладельцев на второй миллиард ливров полученной ренты покупает у «бесплодного» класса промышленные изделия;

3) класс «бесплодных» на полученный за свой товар 1 млрд ливров покупает у класса фермеров продукты питания. Таким образом, к классу фермеров возвращается второй миллиард ливров и 2/5 продукта выходит из обращения;

4) класс фермеров покупает у «бесплодного» класса на 1 млрд ливров промышленных изделий, идущих на восстановление инструментов и материалов, стоимость которых вошла в стоимость произведённого годового продукта;

5) класс бесплодных на этот 1 млрд ливров закупает сырьё у класса фермеров. Таким образом, обращение годового продукта обеспечивает возмещение использованных фондов сельского хозяйства и промышленности как предпосылку возобновления производства». – Конец цитаты.

Сомнение здесь вызывает **пятый акт**, поскольку в оригинале «Таблицы» мы его не наблюдаем. Маркс многократно возвращается к данному вопросу, затем вдруг решает: это – сырьё, купленное бесплодным классом у фермеров. Но так ли это? Нам кажется, что К. Маркс в данном случае ошибается.

Будем всё же надеяться, что с недоразумениями покончено: теперь читатель сможет воспользоваться статьёй в БСЭ, чтобы разобраться в обращении.

Я вынужден оговориться: обращение – не главная тема нашего исследования. **Наша тема – производство энергии прогресса**. Посему сосредоточим внимание на том, что касается производства.

Вернёмся к варианту Ф. Кенэ, так как вариант К. Маркса искажает «Таблицу». Бегло перечислим её характерные особенности, которые с первого взгляда обращают на себя внимание.

1). «Таблица» учит: земледелие обладает свойством на каждый вложенный рубль приносить рубль дохода. Любой опытный земледелец согласится, что Ф. Кенэ в этом нисколько не ошибается: ведь оно, земледелие, основано на **естественном приросте живого вещества**. Нигде больше в «Таблице» мы этого не наблюдаем, поскольку в других отраслях экономики естественного прироста нет. Именно поэтому производителем **общего** дохода нации, государства и даже человечества в целом является только земледелие. Оно – кроветворный орган Цивилизации. В «Таблице» это выглядит так: 600 ливров производят 600 ливров. То есть: вложив в земледелие 600 ливров, мы в конце года получим 1200 ливров. Однако половина этой суммы является **постоянным** капиталом земледелия. Она принадлежит не людям, а самой земле, поэтому отчуждению не подлежит. Если мы её отберём, то тем самым истребим земледелие. На следующий год мы не только не получим дохода – у нас нечем будет питаться, города начнут вымирать от голода.

В постоянный капитал входят земледельческие орудия, пища для земледельцев и домашних животных. Покупать что-то новое на эти деньги земледельцы не могут. Короче говоря, эта сумма способна поддерживать существование сельского хозяйства, однако и энергия прогресса при этом не производится. Земля также постепенно приходит в упадок: у земледельца нет средств, чтобы покупать минеральные удобрения, остановить эрозию почвы и т.д.

2). Там, где мы видим в «Таблице» *«годовой доход»*, – находится государство с его бюрократией, армией, полицией. По всей видимости, это тоталитарное государство, так как здесь доход от земли попадает в его распоряжение.

Современное капиталистическое государство распоряжается только частью дохода. Строку *«за вычетом налогов»*, покамест, опустим – она требует особого разговора. Само собой разумеется, что банки, министерства и военные штабы ничего не производят. Но государство издаёт денежные знаки. Это и есть его единственное «производство». Именно отсюда деньги равными частями поступают в земледелие и промышленность. Взамен чиновники получают продукты сельского хозяйства и промышленные изделия, армия оснащается оружием.

3). Промышленность, конечно, что-то производит, но производит ли она стоимость?

Нет, – стоимость производится только в земледелии, хотя денежные знаки издаёт государство. Об этом мы говорили достаточно, в повторениях нет нужды. К тому же сама «Таблица» наилучшим образом показывает, где находится истинный генератор стоимости.

Между промышленностью и земледелием существует обмен товарами, который также хорошо наблюдается в «Таблице» и особых разъяснений не требует.

Пожалуй, сказанного достаточно, чтобы понять **внешние** свойства «Таблицы». Однако на наш взгляд, она обладает глубинными свойствами, уводящими нашу мысль в субстанциональную природу самого Мироздания.

Вернёмся к предыдущему разделу, где мы поделили человеческие типы на А, Б, В, Г. Мы не без умысла сделали это раньше, чем занялись описанием «Таблицы». У читателя было время подумать, всё ли нами учтено. Теперь поговорим о другом. Случайно ли Природа закладывает в генетический код именно те особенности человеческих характеров, которые образуют классы в «Таблице» Ф. Кенэ? А ведь мы знаем: одни люди рождаются с потребностью отдать все свои силы земледелию, другие тянутся к молоту и наковальне, третьи с детства мечтают о военном мундире или о высокой государственной должности, четвёртые избирают для себя искусство или науку. Пусть нас не смущают названия классов в «Таблице» Ф. Кенэ – дело не в названиях, а в экономических процессах и духовных сущностях самого человека. Всюду существуют земледелие, государство, промышленность. Всюду наука и искусство то ли находятся в полной зависимости от государства, то ли опекаются ими.

Государство может быть грубым деспотом или разумным меценатом, однако поэты, художники, учёные постоянно находятся в его сфере. В самостоятельный класс они никогда выделиться не могли.

Тот, кто серьёзно об этом задумается, найдёт в «Таблице» Ф. Кенэ такой закон Природы, который уводит нас к Создателю. Кенэ этого не скрывает – наоборот, подчёркивает, что **его «Таблица» есть Закон самого Творца.**

Естественно, БСЭ обвиняет за это Кенэ в идеализме и фидеизме.

Зададим следующий вопрос: почему классов три? Неужели это простая случайность. Нет, случайностью это быть не может: классы, как их понимает Кенэ, всегда существовали и вряд ли когда-либо перестанут существовать.

Истинная «Экономическая таблица Ф. Кенэ»

Рассмотрению подлежат: 1) три вида расходов; 2) их источник; 3) их затраты; 4) их распределение; 5) их производительность; 6) их воспроизводство; 7) их отношение друг к другу; 8) их отношение к населению; 9) к земледелию; 10) к промышленности; 11) к торговле; 12) к общей массе богатств нации.

<p>ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ, относящиеся к земледелию и т.д.</p> <p>ГОДОВЫЕ ЗАТРАТЫ для получения дохода в 600 ливров составляют 600 ливров.</p>	<p>РАСХОДЫ ЗА СЧЁТ ПРИБЫЛИ, за вычетом налогов, делятся на производительные и непроизводительные.</p> <p>ГОДОВОЙ ДОХОД</p>	<p>НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ, относящиеся к промышленности и т.д.</p> <p>ГОДОВЫЕ ЗАТРАТЫ на промышленность, являющиеся непроизводительными.</p>
--	--	--

600 ливров производят 600 ливров.

Воспроизведено всего 600 ливров дохода плюс годовые затраты в 600 ливров и проценты на первоначальные вложения земледельца в 300 ливров, которые земля возвращает.

Таким образом, воспроизведено 1500 ливров, включая доход в 600 ливров, который составляет базу расчёта, за вычетом уплаченного налога и затрат, потребных для его ежегодного воспроизведения и так далее.

Если допустить, что со временем отомрёт государство, то всё равно его функции будет выполнять какой-то общественный орган; например – ООН. Или Мировая Академия Наук. На поставленный вопрос можно ответить так: потому их **три**, что классы являются земным отражением **Святой Троицы**. Несколько неожиданно, не правда ли? Физиков, конечно, это объяснение не может удовлетворить. Тогда следует ответить языком науки: потому, что пространство **трёхмерно**.

А по существу – за исключением самой терминологии – это один и тот же ответ. Первый принадлежит религии, второй – науке. Но сущность одна и та же. Перипатетика, откуда берёт своё начало христианство, тройственность природы (триаду) объясняла тройственностью пространства. Также точно достаточно одухотворить Вселенную, то есть увидеть её в роли Субъекта, – и тогда Святая Троица превратится в объективную реальность. При этом, конечно, имеется в виду не иконописное изображение Троицы.

Жить, – значит постоянно бороться с гравитацией. Современная наука утверждает, что гравитация – свойство самого пространства. Чтобы ходить по земле, передвигать тяжести и т.д., надо обладать энергией. Энергию мы получаем от Солнца в хлебных злаках. Следовательно, класс земледельцев – необходимость самой Природы. Он испокон веков стоит в основе земной цивилизации.

Но мы желаем не только ходить – мы стремимся преодолевать пространство как можно скорее. Без техники это невозможно. Следовательно, промышленность – также необходимость Природы.

Если бы у нас были только поезда и автомобили, мы бы не овладели третьим измерением пространства, – высотой. И уж, конечно, никогда бы не вышли в Космос. Поэтому Природе нужны не только земледельцы и промышленные рабочие – ей нужны Жюль Верн, Циолковский, Королёв. Жюль Верн обязан был написать роман «Из пушки на Луну», чтобы научить человека мечтать. Циолковский должен был доказать, что эта мечта – не сказка, а реальная возможность. Королёв построил ракету и поднял в Космос Гагарина.

Но вот вопрос: является ли необходимостью Природы Сталин, бросивший Королёва в тюремную шарашку, где гениальный конструктор должен был от имени земного человечества осваивать третье измерение Вселенной, – космическую высоту? Известно, что выдающихся конструкторов Сталин держал в тюрьме, создав для них конструкторское бюро под личным надзором Берия.

Государство – это В плюс Г.

Тип В – Королёв.

Тип Г – Сталин...

Один из них – носитель Логоса, второй уродливое олицетворение власти. Между тем, Природа выделила для них ОДИН общий миллиард (ливров). Или, проще говоря, – один хлеб. Второго им не дано. Тот факт, что за государством в «Таблице» числится как бы две части годового продукта – административная условность. В продуктах сельского хозяйства потребляется одна часть, вторая в виде денег отправляется в промышленность.

Легко представить, сколько Королёву было оставлено от сталинского хлеба – всего лишь тюремную баланду. Здесь, в самом деле, Святой дух вынужден пробиваться из-под сатанинского гнёта.

Классов – три, миллиардов – пять. – Пять библейских хлебов ...

Правда это или досужий вымысел Ф. Кенэ? Закон Природы или условная схема? От ответа на этот вопрос зависит наше отношение к тому «произведению» К. Маркса, которое он именуется «Экономической таблицей Ф. Кенэ». На самом деле вариант Маркса очень далёк от авторского оригинала. Только-то в нём правильно, что единиц (хлебов) за земледелием числится действительно ПЯТЬ и все они равновеликие.

Но почему же мы находим в оригинале «Таблицы» не 5, а всего только 4 хлеба? Вот они:

а) 600 ливров – постоянный капитал земледелия; б) 600 ливров – доход от земли, который фермеры вынуждены уплатить собственникам в виде ренты. Таким образом, $300 \times 4 = 1200$. Да ещё какие-то смутные 300 ливров, которые Ф. Кенэ именуется «процентами на первоначальные вложения земледельца». Земля возвращает их вместе с доходом, но мы почему-то их нигде не видим. На них никто ничего не покупает, они в обращении не участвуют.

Можно предположить, что они находят для себя место в строке: «Воспроизводят чистых». Но по содержанию самой «Таблицы» такое предположение вряд ли будет правильным: деньги, вырученные фермерами за продукты этого года, принесут доход только в следующем хозяйственном году после сбора нового урожая. В сундуке деньги не растут – это известно. Поэтому строка «Воспроизводят чистых» является как бы рефреном на тему: один рубль, вложенный в землю, приносит рубль дохода. А ведь, по существу, должно быть так: не 1 рубль дохода, а 1,5 рубля.

Тогда надо было бы указать: 600 ливров производят 900 ливров дохода. И только в этом случае общий баланс «Таблицы» сошёлся бы. Правда, возвращение первоначальных вложений – не доход; это также надо иметь в виду.

«Таблица» Ф. Кенэ построена так, что каждая её строка (от большого – к малому и наоборот) повторяет общую закономерность, – закономерность **прироста**. Особенно это впечатляет тогда, когда мы движемся от самой нижней строки к верхней, где указан годовой доход – 300 ливров. Ради того, чтобы отдельная клетка повторяла общую закономерность, и существуют строки: «*Воспроизводят чистых*». При этом нужно иметь в виду: **на следующий год**. Следовательно, в этих строках мы не находим того, что ищем.

Маркс очень долго занимался пятой единицей, пытаясь выяснить, куда же она попадает. Затем, после продолжительных поисков, которые проходят через многие страницы «Капитала», он решил: бесплодный класс покупает на этот миллиард сырья у фермеров. Таким образом, искомая единица, по его мнению, попадает в промышленность.

Приняв это решение, он смело вносит поправку в «Таблицу» Ф. Кенэ: неверно, что за промышленностью не числится ни одной производительной единицы – их ДВЕ.

Он почему-то насчитал 7 производительных единиц в «Таблице» (см. схему), а Ф. Кенэ утверждает, что их только 5. Кто же прав? Неужели автор «Экономической таблицы» не научился считать до семи? Трудно в это поверить – тут скрывается что-то иное.

А скрывается вот что: Маркс возводит в абсолют денежные знаки, а Ф. Кенэ прослеживает физиологию общества. Конечно, промышленные рабочие не получили от собственников хлеба – они получили только деньги. Хлеб на эти деньги они купят у фермеров. Правая сторона «Таблицы» начинается суммой 300 ливров, полученной от собственников, куда входит и король. Государство открывает движение стоимости – в этом состоит его главная обязанность.

Дальше эта сумма в процессе обмена с земледелием дробится на 150 ливров, 75 ливров и т.д. – вплоть до 1 ливра и 5 су. Однако надо помнить: это **всё те же 300 ливров**, которые получены от государства. Это **общий бюджет** промышленности. Но так поступать нельзя! К сожалению, именно так поступает Маркс.

Короче говоря, промышленность от земледелия получает 1 часть годового продукта, а не 2, как думает Маркс. В течение года эта часть потребляется полностью: ведь это хлеб, молоко, мясо. Сюда входит и сырьё, которое Маркс выделяет в самостоятельную единицу – например, кожа и шерсть. То есть всё то, что производится **землёй**.

Следовательно, промышленность постоянного капитала **не имеет** – вот в чём дело! Станки и помещения – это вообще не капитал. Или, по крайней мере, **относительный** капитал, но не абсолютный. Из сказанного ранее это должно быть ясно. Капитал есть то, что производит прибавочную стоимость. А коль её способно производить только земледелие, то весь капитал сосредоточен в левой части «Таблицы». Съеденный хлеб – это не капитал. Переработанная шерсть никакого прироста не даёт. Она может дать кому-то прирост денег, но и сами деньги – не капитал. Следовательно, за промышленностью никаких производительных единиц не числится. Прав Ф. Кенэ, но не Маркс. Маркс купил сырьё у фермеров на деньги, которых у бесплодного класса никогда не было.

В таком случае, куда же исчезает пятая единица? Почему Ф. Кенэ о ней упоминает, а в самой «Таблице» мы её не видим?

Просим читателя вспомнить следующее: книга эта пишется ради того, чтобы отыскать эту таинственную единицу, так как именно она и является **энергией прогресса**.

Мы уже говорили: 600 ливров (две единицы) – это постоянный капитал земледелия, его отобрать невозможно. Но то, что Ф. Кенэ именуется процентами на первоначальные вложения земледельца, отобрать можно. Земля их возвращает, но отсюда ещё не следует, что они достаются земледельцу, а не кому-то другому.

Что такое первоначальные вложения земледельца? Эти вложения могли осуществлять деды, прадеды или даже прапрадеды наших прадедов. Они стремились улучшить структуру почвы и делали

это по мере возможности. Наконец, эти вложения можно приписать самой Природе, когда речь идёт о новых землях. У потомков способность улучшать почву отбирается вместе с процентами на первоначальные вложения. Земля при этом оскудевает. Государство существует за счёт предков, а также за счёт потомков, которых оно лишает самого насущного – куска хлеба.

Так всегда поступало феодальное государство, которое описывает Ф. Кенэ в своей «Таблице». Именно поэтому оно было разрушено буржуазной революцией, чему немало способствовал своим учением сам Ф. Кенэ, хотя по политическим убеждениям он оставался монархистом.

Кенэ не мог не видеть, что проценты на первоначальные вложения уходят из земледелия. Однако его желание и его учение состояло в том, что в земледелии должно оставаться $3/5$ годового продукта, а не $2/5$. Он заявлял об этом ясно, с большим писательским мастерством. Но когда и кто из властителей прислушивался к голосу Разума? ...

В «Таблице» мы не видим, как и где поступает в обращение пятая единица. Маркс «открывает» то, чего нет. Делает он это не без умысла, о чём поговорим дальше. Что касается отца физической экономии, то он словно бы оставляет свободные ячейки, которые можно заполнить и так, и этак. Если в земледелии остаётся не только постоянный капитал ($2/5$ годового продукта), но также и проценты на первоначальные вложения ($1/5$) – государство богатеет, народ благоденствует, во всех сферах общественной жизни наблюдается прогресс. Почему? Потому, что **существует капитал** – только в этом случае он и появляется! И ни в каком другом. Вот по какой причине в первой книге я утверждал, что никакая иная экономическая формация, кроме капиталистической, абсолютный прибавочный продукт производить не может. При помощи выжимания энергии из человеческих мышц можно некоторое время производить относительный прибавочный продукт – строить каналы, добывать золото, выпускать трактора. Однако плодородие земли подобным образом увеличить нельзя – наоборот, земля всё больше истощается, угрожая народу всеобщим голодом. Он же, абсолютный прибавочный продукт – только производство сельского хозяйства! Прогрессивна экономическая формация или регрессивна – ясно по тому, сколько она производит хлеба. Природа сама подводит итог нашей хозяйственной деятельности. Она – высший судья; нам остаётся только выслушать её приговор. Никакие идеологические спекуляции в этом деле не помогут. Сказано: *легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, нежели грешнику попасть в царствие небесное*. И это – истина. – Абсолютная!

Именно потому, что в «Таблице» остаются незаполненные ячейки, мы не находим в ней $1/5$ годового продукта – эта величина выпадает из обращения. По-видимому, для самого Ф. Кенэ было не вполне ясно, куда её следует определить. В доход определить нельзя – этим было бы узаконено разграбление земли государством.

Мы можем предположить следующее: $1/5$ годового продукта остаётся в земледелии в натуральном виде. Необходим запас зерна на случай неурожая. Такие запасы действительно существовали. Однако они не увеличивались, а только обновлялись. И всё же непреложным остаётся главное: эта единица **должна** оставаться в земледелии! По-видимому, это за её счёт увеличивается поголовье скота, вместе с ним возрастает количество органических удобрений.

Короче говоря, крестьяне сами разберутся, что делать с излишками продовольствия. Однако мы обязаны ясно представлять, что излишки должны доставаться земледельцу, а не кому-то другому. Только в этом случае возможен прогресс!

В завершение несколько слов о волюнтаристических тенденциях Ф. Кенэ. Никто из нас не безгрешен. Однако грех греху рознь. Волюнтаризм Ф. Кенэ заключается в словах «за вычетом налогов». Дело в том, что Ф. Кенэ предлагал взимать налоги только с собственников земли – то есть с помещиков и короля. Смысл в этом был немалый: коль доход от земли вначале попадает к ним, а затем уж растекается по всему обществу, то здесь же, на месте, и надо производить все налоговые операции. Однако вместе с теоретическим смыслом было в этом проекте также немало наивного простодушия. Что фактически должно произойти? Вот что: помещики и король увеличили бы арендную плату – да и только. Таким образом в земледелии, как и раньше, оставался бы постоянный капитал, а искомая нами

1/5 взималась бы в виде налогов на доход от земли. Поэтому данный проект никогда не был осуществлён. К этому совету Ф. Кенэ, высказанному в «Таблице», следует относиться критически.

Никакое тоталитарное государство не оставляет земледельцу больше, чем требует этого постоянный капитал. Следовательно, никакое тоталитарное государство не способно производить **абсолютный** прибавочный продукт и **абсолютную** прибавочную стоимость, – **энергию прогресса**. Оно со всей неизбежностью остаётся регрессивным. Сознают это власть имущие или не сознают – результат один: гибель государства, голод, реки крови. Но всё же, если правители это сознают, – возможен бескровный выход, как это, например, имело место в 1861 году, когда царская Россия, упразднив крепостное право, вступила на путь капиталистического развития.

Для природы безразлично, кто отбирает у производителя излишки продовольствия, – малочисленные феодалы или многочисленная бюрократия, которая в общей массе живёт не лучше рабочих и земледельцев. Конечный результат один и тот же: **пятая** единица, которая должна оставаться в земледелии, попадает туда, где новой энергией она обогащаться не может.

Представим следующее. В автомашине есть аккумулятор и есть генератор. Это известно каждому. Если незаметно для нас отключается генератор, можно ехать на одном аккумуляторе. Но придёт время, когда мы израсходуем всю запасённую в аккумуляторе энергию – и тогда машина остановится.

Это даже не сравнение, а один и тот же процесс: почва – солнечный аккумулятор, государство – водителем, земледелие – генератор энергии. Если государство из года в год отбирает у земледельца излишки продовольствия, то тем самым оно **отключает генератор** – все мы едем на аккумуляторе, который не получает подзарядки. Из этого примера должно быть ясно, что нас ждёт впереди. Но куда мы выйдем из нашей машины, если не останется земли под ногами? Кто нас обеспечит новой землёй?

...

Так, по свидетельству Ф. Кенэ, погибла Римская империя. Так погибали все прежние цивилизации. Вот почему является мысль, что эти великие законы природы были известны древним философам и нашли своё отражение в религиозной символике (например – **пять хлебов** Иисуса Христа).

Сегодня в нашей стране можно говорить о том, что мы приближаемся к экономическому равенству: за некоторыми исключениями, городской чиновник у нас даже менее обеспечен, чем рабочий или колхозный механизатор. Исключения составляют люди, занимающие высокие государственные или партийные посты. Но в общем даже их заработок не превышает заработка американского инженера или строительного рабочего. Что же касается заработка американского врача, то его не достигают даже члены Политбюро. Если учесть малочисленность этой верхушечной категории, то действительно можно говорить о достижении некоего общего идеала. Но как обманчив этот идеал! Человек, не обладающий знанием экономических законов, видит только внешние стороны деятельности. Поэтому многие советские люди довольны своим положением. И всё же в народе бродит глухое недовольство: что-то не так. В самом деле, – до каких пор в нашей стране будет проблемой хлеб, молоко, мясо? Ведь нигде в развитых странах это давным-давно не проблема! Короче говоря, мы начали замечать, что мотор работает с перебоями – в аккумуляторе осталось мало энергии...

Западные критики ошибаются, когда делают упор на классовое неравенство в нашей стране: отрицая марксизм, они, по существу, принимают те критерии для оценок, которые составляют сущность этого учения. Критерии эти можно безбоязненно назвать **мещанскими** – то есть буржуазными в подлинном значении этого слова.

К сожалению, диагноз нашей болезни гораздо хуже: классового неравенства у нас нет, зато равенство достигается такой ценой, что весь народ вместе движется к катастрофе.

Во времена феодализма было ясно, кого свергать. Наш социализм, выросший из недр феодализма, подобной ясностью не обладает: феодал расщепился на тысячи мелких чиновников. По существу, каждый третий у нас – чиновник. **Кого же свергать – самих себя?** Остаётся один выход: приняв к руководству **законы природы**, организованно перестроить экономическую жизнь общества. **«Капитализм, который бывает при коммунизме» – вот что должно стать целью перестройки.**

Сегодня наши руководители будто бы начали понимать физиократов: в сельское хозяйство спешно перебрасываются огромные суммы государственных денег. Но ведь это всего лишь деньги, а не излишки продовольствия, – то есть не энергия! Денег никто не ест – ни люди, ни коровы, ни лошади. Сельский житель (когда такое было?) вынужден ехать в город, чтобы купить там несколько буханок хлеба, выпеченного из американской пшеницы. А пшеница эта покупается за золото, нефть, газ – то есть мы проедаём то, что принадлежит не нам, а нашим потомкам. Проедаем будущее ... Неужели и к этому можно привыкнуть?!

Нет, всё это покамест очень далеко от истинного понимания законов природы. Наша экономика только тогда вернётся в их изначальное русло, когда государство вообще откажется от обязанности кормить народ: пусть народ сам себя кормит! Не надо о нём заботиться – он сумеет сам позаботиться о себе. Как он это будет делать – ему известно лучше, чем государству. **У государства должна быть иная задача: следить за тем, чтобы никто не притеснял земледельцев.** Они должны свободно распоряжаться излишками продовольствия. Ради этого и существует государство. Но отнюдь не ради того, чтобы перенимать на себя обязанности кормильца.

К сожалению, наше государство до сих пор делает то, чем оно занималось во времена военного коммунизма. НЭП отброшен как нечто временное, преходящее. И в этом наша коренная экономическая ошибка!

У нас есть крепкая руководящая сила – Коммунистическая партия. Она не раз доказывала, что способна повести народ на великие подвиги. Так, например, было во время войны. Но беда в том, что нормы военного времени, когда дискуссии действительно были неуместны, закрепились в партийной жизни на долгие времена. Если так будет продолжаться, то нас может спасти только чудо. Или вообще ничто не спасёт.

Но всё же хочется верить, что никто из нас не является врагом собственных детей и внуков. Именно поэтому есть надежда, что Разум победит. Аккумулятор ещё не до конца истощён. Нам надо остановиться и подумать, что делать дальше. Однако, в данном случае неприменима поговорка: лучше **поздно**, чем никогда. Если будет слишком поздно – мы отправимся на слом!

Наш народ привык жить по формуле, которую высмеял В. Маяковский: *«Нам думать неча – пускай думают вожди»*. Но земля у нас одна – и для вождей, и для рядовых граждан. К тому же дети вождей не обязательно будут вождями – даже наоборот: некоторые из них сегодня стали широко известными диссидентами. Вот почему запрет на мысль, запрет на свободное слово – это самое тяжкое преступление перед землёй, перед людьми, перед настоящим и будущим земного человечества.

Подлог на подлоге

В «Капитале» К. Маркса мы находим «Таблицу» искажённой до неузнаваемости. Трудно понять, по какому праву К. Маркс создаёт **свой собственный** вариант «Таблицы», даже намёком этого не оговаривая.

Должен признаться: я вначале отнёсся с полным доверием к варианту К. Маркса, полагая, что он ничем не отличается от оригинала. Только с помощью А.Д. Сахарова и В.Ф. Турчина разобрался, что с этим вариантом что-то неладное. Мы много времени потратили на поиски в нём физического смысла, но его так и не удалось обнаружить. У меня к этому времени было готово собственное «открытие». Я видел ошибки «Таблицы», но приписывал их самому Ф. Кенэ. И только тогда, когда я сравнил вариант К. Маркса с оригиналом, мне стало ясно, что Кенэ здесь не причём. Что касается моего «открытия», то его немедленно пришлось похоронить. Обидно было, – да что поделаешь? Оно сыграло только ту роль, что помогло мне глубже понять закономерности «Таблицы».

Представим следующее: нашёлся «теоретик», который отважился записать формулу Эйнштейна для энергии так: $E = c \cdot m^2$. На основании этой записи он объявляет Эйнштейна гениальным, – самым гениальным из людей. Воздав автору теории относительности должное, наш «теоретик» затем «вскрывает» его ошибки, – однако «вскрывает» их таким образом, чтобы подтвердить свою собственную теорию, которая прямо противоположна эйнштейновской. Мыслимо ли это в физике?

Каждый ответит: даже вообразить невозможно. С подобным «теоретиком» никто бы не стал разговаривать. Но в политической экономии это почему-то возможно: именно так поступает К. Маркс с «Экономической таблицей» Ф. Кенэ. И с ним не только **разговаривали** при жизни, но до сих пор обращаются к нему словно к Богу.

Что бросается в глаза с первого взгляда? То, что в варианте Маркса вообще **нет капитала** – то есть нет производства **чистого** продукта. Всё в этой схеме вращается по кругу: производство, обращение, воспроизводство. Но воспроизводится не больше, чем потребляется. Следовательно, речь идёт не о производстве в том смысле, как понимали его физиократы, а о производстве в смысле К. Маркса: ничего к человеческому труду природа не прибавляет – труд производит труд И только. Почва, Солнце никакой прибавочной энергии производить не могут: что есть в наших мышцах, то и наше. Вывод: рента – это превращённый в продукты земледелия труд, который затем превращается в деньги. Отсюда берёт начало публицистическая страсть, которая так грозно рокочет в «Манифесте».

И снова приходится спрашивать себя: неужели это всего лишь **ошибка**? Да нет, не может быть! Маркс ведь признаёт **естественный прирост** живого вещества. Если признаётся прирост, как можно не признавать, что земля – не машина? Машина, переработав 10 кг металла, возвращает столько же килограммов изделий – за вычетом отходов. Но в земледелии всё по-иному: одно зерно пшеницы способно, вернуть 30 зёрен. Из этого следует: пропуская богатства нации (а они всегда – только энергия!) через земледелие, мы получаем **прирост** национальных богатств. Не замкнутый круг, а **прогресс!**

Стоит мельком взглянуть на «Таблицу» в её **авторском** варианте – и мы невооружённым глазом увидим, чем она отличается от мёртвой схемы К. Маркса: она показывает процесс **прироста** богатства, который происходит в земледелии.

«Таблица» Ф. Кенэ – истинное Древо Жизни, шумящее живыми ветвями под живым Солнцем. Схема К. Маркса – то же самое Древо, но его рост искусственно прекращён. На него словно упала огромная каменная глыба, изогнув его ствол. Теперь его ветви растут **вниз** – они вскоре должны соединиться с корнями. Если бы это было возможно, соки продолжали бы двигаться по замкнутому кругу – и тогда мы получили бы вечный двигатель. Но вечным двигателем является только сама Вселенная – и ничто отдельно взятое в ней. Следовательно, Древо Жизни, изображённое К. Марксом, обречено на гибель. Оно ниоткуда не получает притока энергии – по существу оно отрезано от Солнца, от Вселенной ...

Вернёмся к оригиналу. Проследивая движение стоимости **снизу** вверх, мы видим, как из одного су образуется два су и т.д. – вплоть до тех 600 ливров, которые составляют годовой доход.

Вот мы бросили зерно в землю. Оно может взойти или погибнуть – в зависимости от условий. Поэтому брошенное в землю зерно не обладает стоимостью – это наши **затраты**.

Когда зерно взошло, оно сразу же начинает производить стоимость. Сначала она очень мала, как и сами всходы. Скармливая всходы скоту, мы, конечно, что-то получим: молоко, мясо, шерсть, кожу. Однако в данном случае стоимость будет выражена не в ливрах, а только в су. Естественно, мы не оправдаем затрат. Но если мы дождёмся полной зрелости злаков – получим годовой доход. Земля не только оправдает затраты, но и принесёт нам **новую** стоимость, – **прибавочную**. Или **«чистый продукт»**, как говорит Ф. Кенэ.

Как всё просто и ясно! И главное: достаточно выехать за город, чтобы получить подтверждение теории Ф. Кенэ в необъятных масштабах. Казалось бы, нет никакой возможности её извратить.

Теперь вернёмся к варианту К. Маркса. Видим ли мы здесь процесс прироста? Его нет и в помине. Маркс уяснил только **равенство величин**, которые участвуют в «Таблице»: то, что у Кенэ составляет 300 ливров, у Маркса составляет 1 млрд. Это **чрезвычайно важное** качество «Таблицы» он уловил правильно, хотя и не ставит перед собой вопроса: почему это так?

Я не считаю, что мой ответ на этот вопрос является полным – я просто верю, что земное человечество, передавая этот закон природы из одного столетия в другое, ошибаться не могло. Формула эта проверена на трагическом опыте наших предков, превративших плодородные земли в

пустыни. Предки верили, что они продолжают собственную жизнь в потомках – и поэтому сделали всё возможное, чтобы передать нам грозное предупреждение: осторожно смертельно!..

Мистика Числа – на самом деле не мистика, а закон природы.

Во всех измерениях пространства (а их три) мы расходуем столько энергии, сколько потребляем. Не больше и не меньше этого. Пространство само порождает равенство величин, которые мы наблюдаем в «Таблице». Бесплодный класс не может произвести больше стоимости, чем получает от фермеров – в этом всё дело.

Короче говоря, это есть великая кибернетика самого Мироздания, которую Ф. Кенэ именуется *«естественным порядком»*. Земной шар выступает в роли магнитного барабана, а мы, люди, – только элементарные частицы, имеющие строго обозначенные каналы движения. Исторические судьбы народов решаются по принципу: или – или ...

Марксу кажется ненужным и бессмысленным проследить процесс **прироста**. Впрочем, – не кажется: задача именно в том и состоит, чтобы **убрать** прирост. Он сам объяснил, зачем это нужно: *«Требуется отрицание абсолютной земельной ренты»*.

Если это не мистификация, тогда что же? Как прикажете называть этот невыносимый подлог? Ведь Маркс **нигде** не говорит, что перед нами его собственный вариант «Таблицы». Здесь до такой степени попирается авторское право, что нет слов для наименования этого акта.

Подлог совершается именно так, как мы его изображали: на театральном преклонении перед гениальностью Ф. Кенэ. К. Маркс пишет, что Ф. Кенэ удалось охватить воспроизводство *«...в одной «Таблице», которая фактически состоит всего лишь из пяти линий, связывающих шесть исходных точек или же точек возврата. Эта попытка ... была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия»*.

Здесь Маркс становится на колени не перед Кенэ, а перед самим собой, – то есть перед собственным подлогом! У Маркса **ничто не растёт**. Это ясно как из самой «Таблицы» в его варианте, так и по её описанию. Он описывает совсем не то, что происходит у Кенэ и в живой реальности – описывает **ложную схему**, которой заменяет истинную «Экономическую таблицу» Ф. Кенэ. Подлог маскируется словесным фейерверком, который он устраивает **во имя отца** – но без святого духа: то есть без духа и смысла самого оригинала: и дух, и смысл истребляются возвеличением «заслуг», которые на самом деле являются пороком. Но читатель верит: таков он и есть, этот Франсуа Кенэ. Читателю даже не приходит в голову, что **Маркс приспособил его «Таблицу» для собственного употребления: приспособил затем, чтобы истребить!** И одновременно – утвердить собственные идеи.

Сбивчиво, бросая это занятие и принимаясь за него снова, описывает К. Маркс внешнюю видимость «Таблицы». Дальше обращения он в этих описаниях не идёт, да и не может пойти: тогда бы ему пришлось говорить об истинном производстве и воспроизводстве, а именно это качество «Таблицы» он стремится затуманить.

Создаётся впечатление: Маркс рассчитывает на то, что физиократов **забыли** – они давно побеждены английской политэкономией. Но обойти их полным молчанием нельзя: ведь Маркс обозревает историю политэкономии в целом, – *«... каждому воздавая по его заслугам»*.

Остаётся одно: препарировать физиократов таким образом, чтобы они работали на «Капитал». После этого можно и не скупиться на похвалы: если так гениален тот, чьи ошибки ты вскрываешь, что же должны думать о тебе самом? ...

Простое, ясное учение (воистину **солнечное!**) в интерпретации К. Маркса теряет свою гениальную простоту, превращаясь в нечто ископаемое, совершенно чуждое для современников и потомков, – оно становится мёртвым.

Но вот Маркс как-то справился с этой задачей. Что же он делает дальше? Он показывает, что все единицы в «Таблице» Ф. Кенэ в **равной степени** производительны. Да, это так. В этом он совершенно

прав. Но у Ф. Кенэ этих единиц **только пять** и все они числятся за земледелием. При таком положении вещей бесплодный класс действительно остаётся бесплодным – то есть промышленность ничего не производит, кроме формы. Истинная стоимость (а не стоимость **по видимости**) производится **только землёй**. Если погибнет почва – неизбежно погибнут и деньги, которые она ежегодно производит. Бесплодный класс без земледелия не располагает **никакой стоимостью**.

И тут Маркс совершает второй подлог: **приписывает** бесплодному классу два миллиарда. Он их находит не у Ф. Кенэ (там их нет!), а в **своей собственной** схеме, которая выдаётся им за «Таблицу» самого Ф. Кенэ.

Нет, вы подумайте, до чего дошло дело – Маркс «награждает» общество двумя несуществующими миллиардами! Если вернуться к оригиналу, это будет 600 ливров. Ещё один годовой доход, которого Ф. Кенэ в своём собственном произведении почему-то «не заметил». Вот это приписка! – Удвоение дохода за счет **нуля!** ...

Так Маркс мгновенным броском двух костяшек на счётах расправляется с теорией Ф. Кенэ: дескать, неверно, что за бесплодным классом не числится никакой стоимости – у него есть 2 млрд. При этом добавляет: **это следует из самой «Таблицы»** ...

Немного, совсем немного нужно К. Марксу, чтобы оправдать захват власти армиями пролетариев, которые затем будут превращены в то, во что их превратил Сталин, воспользовавшись «открытиями» многомудрого автора «Капитала». И если предположить, что Вознесенскому действительно удалось всё это раскопать (о – о, это дело нелёгкое!), что же оставалось делать Сталину? Он последовал тому совету, который на все случаи жизни давал Ф. Энгельс: расстреливай не задумываясь – это вполне морально.

Так формируется та «наука»; вся она держится на том, что физиократов похоронили и забыли. И ещё на том, что людям свойственно верить: никакие законы природы над обществом не имеют власти. Человек – это звучит гордо! Он – венец природы и её хозяин. Слова громкие, звучные, а каковы их последствия? Об этом рассказал А. Солженицын.

Мы должны крепко задуматься над тем фактом, который только что рассмотрели: **вся прибавочная стоимость, которую рассматривает К. Маркс в «Капитале» обыкновенная приписка!** Её нет и никогда не было. Сосредоточьтесь на «Таблице» Ф. Кенэ в оригинале. Проявив математические познания первоклассника (он ведь умеет считать до семи), – вы сами в этом убедитесь.

Следовательно, «Капитал» – произведение **мифическое**, не обладающее никакой формой реальности. Но какой это жуткий миф!

Мне трудно поверить в то, что я вижу собственными глазами. Ведь за такие приписки надо судить. А здесь происходит обратное: судит и расстреливает тот, кто совершил преступление. Что же ты есть, марксизм?! Ведь у Маркса это не простая приписка за ней стоит целое **мировоззрение**. Оказывается, и его (мировоззрение) можно **выработать** (так у нас и говорят!) на двойке, которая вписана в «Таблицу» совершенно **произвольно**, – без малейшего обоснования. И, конечно, вопреки воле её автора, так как это делалось через 100 лет после Кенэ.

Смысл «Таблицы» Ф. Кенэ **именно в том и состоит**, что в ней обращается пять **производительных** единиц ($300 \times 5 = 1500$), а не семь – то есть за бесплодным классом нет ни одной производительной единицы. Вот почему этот класс так и называется – «*бесплодный*».

Если не говорить о приписке, то в принципе можно поступить так, как поступил Маркс – заменить деньги в «Таблице» Ф. Кенэ абстрактными единицами. Можно потому, что все единицы в ней действительно равновеликие, будут ли это су, ливры или доллары, – не имеет значения. Важно лишь то, что это есть **энергия**, которая начинает своё движение от проросшего зерна к амбарному урожаю. Пусть Ф. Кенэ еще не сознаёт, что это энергия Солнца – по его мнению, это всего лишь продукт **самой земли**, обладающей способностью умножать богатство. Сергей Подолинский (1850–1891) затем существенно дополнил Ф. Кенэ.

Однако динамика «Экономической таблицы» от этого не изменится. «Таблица» всего лишь получит новую привязку. Она теперь не только отражение производительных сил земли – она

становится зеркалом Космоса, его земным экраном, при котором развивается солнечное действо. Её значение возрастает – возрастает неизмеримо! Однако мы не можем ничего в ней изменить. Она имеет только одного автора, второго никогда не будет, так как «Таблица» Франсуа Кенэ в реконструкции не нуждается. А если и надо в ней кое-что уточнить, то всего лишь роль незаполненных ячеек, в которых находятся проценты на первоначальные вложения земледельца. Технически это осуществить не трудно, но как трудно добиться, чтобы эти проценты **всегда и повсюду** оставались в руках земледельца!

Киев – Москва, 1975 г.

Примечание

Первая часть «ФОРМУЛЫ ЖИЗНИ» опубликована в журнале «Русская Мысль», 1991, № 1-12, стр. 53-84.

Вторая часть работы Миколы Даниловича Руденко «Формула Жизни» опубликована в журнале «Русская Мысль», 2001, № 1-12, стр. 8-35.

ПРИМЕЧАНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА К РАБОТЕ М.Д. РУДЕНКО «ФОРМУЛА ЖИЗНИ»

1. Историческая справка

Микола Данилович Руденко, 1921 года рождения, родом из Донбасса, из семьи потомственного горняка, участник Великой Отечественной Войны. В послевоенные годы, будучи профессиональным партийным журналистом, возглавлял ряд центральных печатных изданий Киевского горкома КПСС, член Киевского обкома партии. В 60-ые годы, после «хрущёвской оттепели», Руденко стал задумываться о глубинных причинах несоответствия между реальным и теоретическим социализмом. Тогда же он познакомился с А.Д. Сахаровым, другими деятелями советской науки, экономистами, политиками и серьёзно занялся вместе с ними критическим, вдумчивым исследованием трудов К. Маркса. Они сделали сенсационное открытие: и экономическое учение Маркса, и теория трудовой стоимости А. Смита являются фальшивками, умело используемыми мафиозными политическими группировками к своей исключительно эгоистической выгоде. В дальнейшем, одна из этих псевдонаучных теорий, разодетая в соответствующий идеологический камуфляж «равенства – братства – счастья», была принята на вооружение всеми компартиями как «передовое экономическое учение», в добавление к так называемой «теории классово-борьбы».

В те же 60-ые и 70-ые годы М.Д. Руденко стал настойчиво обращаться в ЦК КПСС с разъяснениями своих неожиданных находок, настаивая на необходимости честной партийной критики экономических трудов Маркса с целью выведения народного хозяйства Советского Союза из болота лженаучных экономических моделей «зрелого социализма» того времени. Но это открытие было встречено в ЦК КПСС в штыки. После нескольких обращений в ЦК КПСС Миколу Даниловичу было

приказано в ультимативной форме прекратить порочить имя гениального основоположника мирового коммунистического движения.

В 1975 году Руденко принимает мужественное решение распространить среди советской интеллигенции в крупнейших городах Союза несколько десятков машинописных экземпляров окончательного варианта своих исследований под названием «Энергия прогресса». Сразу же после этого он был исключён из партии и осуждён на 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки - «за антисоветскую пропаганду». В 1987 году Руденко вернулся из заключения и спустя некоторое время эмигрировал в Канаду, где ему удалось наконец-то опубликовать открыто по этому вопросу книгу «Экономические монологи» на украинском языке. В 1991 году Руденко вернулся на постоянное жительство в Киев. В сокращённом варианте его книга публиковалась тогда же в центральном киевском журнале «Украина», также на украинском языке, под названием «Шлях до хаус» («Путь к хаосу»).

С машинописным вариантом «Энергии прогресса» Микола Руденко, с тем самым, за распространение которого его посадили, я познакомился 22 года тому назад, в Москве. Рукопись (точнее – её калькированная копия) произвела на меня сразу неизгладимое впечатление, так как к тому времени я самостоятельно подошёл к тем же самым выводам Руденко, ещё не зная, правда, всей глубины циничного подлога Карлом Марксом в его «Капитале» Экономической таблицы Франсуа Кенэ. Это знакомство с рукописью произошло в 1979 году и я сразу же её сфотографировал и спрятал на будущее, ничего не ведая о трагичной судьбе автора этих зачитанных до дыр восьмидесяти листов машинописного текста.

В 1991 году, готовясь к началу издания журнала «Русская Мысль», я решил, во что бы то ни стало, разыскать в Киеве (наугад) М.Д. Руденко, чтобы засвидетельствовать ему моё глубокое почтение. После нескольких попыток мне удалось его отыскать в Киеве через редакцию журнала «Украина». По моей просьбе Микола Данилович дал разрешение печатать в «Русской Мысли» его рукопись «Энергия прогресса» под названием «Формула Жизни», предложенным мною.

В самом первом выпуске «Русской Мысли» (1991г.) я опубликовал первую часть рукописи, а сейчас настал черёд продолжения и окончания «Формулы Жизни». События, произошедшие в нашем Отечестве с 1991 года по настоящее время, лишний раз подтверждают мысль Руденко, что любые экономические модели губительны для общества, если они не обеспечивают приоритетного развития отечественному сельскохозяйственному производству, как фундаменту жизни любого непаразитического общества.

По моему глубокому убеждению (подкреплённому ещё со студенческих лет собственными многолетними размышлениями над истинной ценностью «Капитала» Маркса), – Микола Данилович Руденко является выдающимся политическим и общественным деятелем мирового масштаба. Он сознательно пошёл на личные жертвы, унижения и страдания, предвидя большую беду в своём Отечестве и разоблачая всю пагубность абсолютно всех современных мировых экономических моделей – для всего мира.

Но, к великому сожалению, его открытие до сих пор не получило должного и достойного освещения в современных средствах массовой информации. И в этом нет ничего странного, ведь на самом деле путь к хаосу, по которому пошло человечество в 19 веке, с момента внедрения в мировую практику теории трудовой стоимости А. Смита, имел лукавое продолжение в марксизме, большевизме, коммунизме. То же самое мы наблюдаем и сегодня в постперестроечных прожектах, внедряющих в Российской Федерации и по всему миру так называемые *«цивилизованные рыночные отношения»*. Названия, камуфляж и риторика – разные, а суть одна и та же. В мутной воде этих псевдонаучных экономических теорий корыстолюбцы политики и ловят свою выгоду, как рыбку. Под видом непримиримой борьбы различных экономических и политических моделей они осуществляют очередной передел сфер своего криминального влияния по всему миру.

Я горжусь тем, что являюсь современником, соотечественником и коллегой Микола Даниловича Руденко. Я горжусь тем, что мне выпала честь опубликовать впервые легально на русском языке его поистине бессмертные экономические монологи в журнале «Русская Мысль».

Дай Бог, чтобы люди поскорее поняли всю пагубность ныне действующих экономических моделей, ведь все они покоятся на гнилом основании, а потому и ведут человечество в преисподнюю. Да люди и понимают это, правда весьма «специфично», голосуя против Смита и Маркса миллионами и миллионами своих покалеченных и загубленных жизней, на вечный позор и проклятие оборотней от «политической экономии».

2. Тезисное изложение «Формулы Жизни» М.Д. Руденко

Автором показано, что в последние годы своей жизни К. Маркс пересмотрел своё отношение к теории физиократов, отказался от своей теории прибавочной стоимости и от теории трудовой стоимости Смита и Риккардо, признав их ошибочными и несостоятельными. Кроме того, в последние годы своей жизни Маркс письменно признал правоту русского учёного-энциклопедиста Подолинского Сергея Андреевича (1850 - 1891), с которым находился тогда в переписке. Таким образом, К. Маркс признал правоту экономической теории физиократов, правда, робко и лишь незадолго до своей смерти.

Автором показано, вслед за К. Марксом (см. Теории прибавочной стоимости, т. 3, Москва, Партиздат, 1932, стр. 331), что **истинной СУБСТАНЦИЕЙ СТОИМОСТИ является «совокупная энергия общества», заключённая в ПЛОДОРОДИИ ПОЧВЫ**, с которой человечество получает для своего питания урожай сельскохозяйственных культур и прочего. СТОИМОСТЬ же определяется богатством возобновляемых энергетических источников, которыми человек пользуется в своей жизни. Его труд всего лишь направляет энергию, накопленную природой. Он проводник, но не генератор энергии. Сам же генератор следует искать в природе, а не в человеческих мышцах и не в его так называемой «разумной деятельности», как считал Ф. Энгельс.

Хотя первичным источником энергии все приверженцы экономических воззрений Смита, Риккардо и Маркса считали и продолжают считать по сей день так называемый «человеческий труд», но прав оказался Климент Аркадьевич Тимирязев: *«Пища служит источником силы в нашем организме потому, что она не что иное, как консерв солнечных лучей. Человек вправе величать себя сыном Солнца»* (из книги «Жизнь растений»).

Итак, **истинной субстанцией стоимости является Космический Свет.**

У меркантилистов, деньги идеальные проводники солнечной энергии на Земном шаре. Когда на их пути возникают искусственные преграды, происходит загнивание и, в конечном счёте, – разрушение общественной системы.

Создатель физиократической экономической теории – Франсуа Кенэ, королевский врач, то есть **медик и биолог**. Отлично зная **физиологию человеческого организма**, он начал вдумываться и в **физиологию общества**. Именно физиократы правильно поняли, что наипервейшая потребность человека - ЕДА. Отсюда и бесспорный приоритет сельскохозяйственного производства. Поэтому **Энергия прогресса** активно производится только в сельском хозяйстве (производство **ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**), а «пассивно производится», то есть добывается, собирается в промыслах море-лесо-продуктов и животных (то есть «дары природы»).

У денег всегда было одно и то же назначение: мгновенно оценить, сколько в данном месте в данный момент времени протекло солнечной энергии, создавшей определённое количество продуктов питания. Деньги всегда были лишь эквивалентом солнечной энергии, текущей по экономическим артериям. Именно земледелие неизмеримо увеличивает прирост солнечной энергии на Земном шаре. И прежде всего – за счёт ЗЕРНА, этого уникального и наиболее ёмкого аккумулятора солнечной энергии.

Теория трудовой стоимости несостоятельна, так как она нарушает законы сохранения и превращения энергии. И прибавочная стоимость – «Энергия прогресса» – возникает только в земледелии! Сначала она возникает в виде ренты. Затем, в процессе движения по экономическим артериям, она преобразуется в промышленную прибыль. И если промышленность и производит капитал, то лишь при помощи земледелия. Поэтому термин «*политэкономия*» – глубоко ошибочен и по форме, и по содержанию. Человеческая цивилизация живёт и развивается не по законам ПОЛИТ-экономий, которые все ошибочны, виртуальны и спекулятивны, а по объективным законам природы,

по законам ФИЗИЧЕСКОЙ (НАТУРАЛЬНОЙ, ПРИРОДНОЙ) ЭКОНОМИИ, основанной физиократами в конце 18-го начале 19-го веков. И родоначальником ФИЗИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ является **врач и биолог** – Франсуа Кенэ.

Следует различать «земную энергию», законсервированную природой в недрах Земли, и «прибавочную», внешнюю, возобновляемую, пришедшую из Космоса. Такой энергией, вечной и неистощимой, способно обогащать нас только СОЛНЦЕ! И самое главное: прибавочная энергия Солнца прибывает к нам в виде ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА, которое физиократы ставили в основу Энергии прогресса. Именно так, – «Энергия прогресса» – можно назвать «Дар Природы», – понятие физиократов, которому соответствует так называемый «чистый продукт» Смита и Риккардо, а также «прибавочная стоимость» Маркса.

Фотосинтез является субстанциональным процессом, а **Творящий Свет – это единственный (!) субъект (!) всякого (!) производства, то есть истинная субстанция.** Поэтому единственным производительным (в полном и точном смысле этого слова) является только земледельческий труд. Всё остальное – производство формы, но не материи!

Прирастать и прибавляться может только живое вещество, организмы!

Естественное плодородие почвы (а также плодородие морей, лесов и рек) – реальное условие существования **абсолютной прибавочной стоимости.** А прибавочная стоимость есть прибавочная энергия Солнца, которую общество использует для своего существования и прогресса.

При этом надо постоянно помнить и понимать, что дары лесов, морей и рек человеком берутся у природы готовыми, в результате охоты, рыболовства, бортничества и пр. Эти дары тоже восполняемые, как и плодородие почвы, куда человек их не истребляет хищническим образом.

Всеобщий закон сохранения энергии в природе (и в обществе!), открытый в 18 веке Ломоносовым и подтверждённый в 19 веке учёными-биологами, – лежит в основе всех законов ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, то есть ФИЗИКИ и ФИЗИОЛОГИИ.

Этот фундаментальный закон сохранения энергии в природе и обществе требует следующего: в устойчиво развивающемся обществе **ежегодная денежная эмиссия должна строго соответствовать и равняться стоимости всех продуктов питания, купленных обществом у сельскохозяйственных производителей и промышленников в течение года.**

В этом и заключается сама «Формула Жизни».

Её математическое выражение:

$$D_{\text{эмиссии/год}} = C_{\text{прод. питания/год}}$$

Поэтому главная задача любого правительства, по-настоящему ответственного перед людьми и Богом, – следить за тем, чтобы разносторонне развивалось отечественное сельскохозяйственное производство и промыслы, а их труженики не подвергались ограблению со стороны всех других категорий граждан этого государства.

Итак, в основе ЭКОНОМИКИ должно стоять только научное ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и его законы, а не безответственная демагогия городских кабинетных «умников», так называемых учёных-экономистов.

Суммируя всё выше сказанное, можно закончить так:

- основное богатство общества – плодородие земли (почвы), с которой оно кормит себя;
- дополнительное богатство общества промыслы восполняемых «даров природы»;
- нет «борьбы классов», а есть борьба людей за возможность пользоваться ПЛОДОРОДНЫМИ участками земли для выращивания урожая;
- есть борьба бедных или лишённых землёй людей против богатых этими землями;
- это значит, что «борьба бедных против богатых» – это борьба моральная и информационная, а не «классовая»;
- конечная цель этой моральной и информационной борьбы – разоблачить перед всем миром ложность и злобредность ныне существующих ПОЛИТ-ЭКОНОМИЧЕСКИХ (читай – ПАРАЗИТИЧЕСКИХ) ШКОЛ, какую бы идеологическую окраску они ни носили;

Человечество это живой организм (!) и оно всегда жило и будет жить по законам ФИЗИОЛОГИИ (!), по законам ФИЗИЧЕСКОЙ (то есть природной) ЭКОНОМИИ.

Всё остальное – это **эмоции, спекуляции и мошенничество** людей, ведущих **паразитический** образ жизни.

Главный редактор журнала «Русская Мысль» **Владимир Родионов**

«Примечание главного редактора» опубликовано в журнале «Русская Мысль», 2001, № 1-12, стр. 5-7

